This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Holovatskyi, IA. F.
MPB

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
ГАЛИЦКОЙ И УГОРСКОЙ РУСИ,

СОБРАННЫЯ

Я. Ѳ. ГОЛОВАЦКИМЪ.

ЧАСТЬ III.

РАЗНОЧТЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДУМЫ И ДУМКИ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1878.

PG3928
G3A6
f
v. 3, pt. 1

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

Русскіе крестьяне Чортковскаго уѣзда села Ермаковки въ восточной Галичинѣ.

ГАЛИЦКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I

ДУМЫ.

А. БЫЛЕВЫЯ.

а) Воспѣвающія дѣянія народныя Козацкія.

1.

Перебійнôсь.

(Ср. Метлинскаго 399, Кулиша Записки I, 271.)

Не дивуйтеся, добры люде,
Що на Вкраинѣ повстало,
Ой за Дешевомъ, пôдъ Сорокою,
Множество Ляхôвъ пропало!

Перебійнôсь водитъ не много,
Сѣмь сотъ Козакôвъ съ собою,
Рубае мечемъ головы съ плечей,
А решту топитъ водою.

Ой пійте, Ляхи, воды калужѣ,
Воды калужѣ болотняныи,
А що пивали по той Украинѣ
Меды та вина сытныи.

Зависли Ляшки, зависли,
Якъ чорна хмара на Вислѣ;
Ляцкую славу загнавъ пôдъ лаву,
Самъ бравый Козакъ гуляе.

Нуте, Козаки, у скоки,
Заберѣмося пôдъ боки,
Заженѣмъ Ляшка, вражого сына,
Ажъ за той Дунай глубокій.

Дивуютъ Ляхи, вражіи сыны,
Що ти Козаки вживаютъ,
Вживаютъ они щуку рыбаху.
Ще й соломаху зъ водою.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ Козакъ пляше,
На сивôмъ коню горою:
Мушкетомъ бере, ажъ серце вяне,
А Ляхъ вôдъ страху вмирае.

Ой чи бачъ, Ляше, що по Случъ наше,
По Костяную могилу:
Якъ не схотѣли, забунтовали,
Та й утеряли Вкраину.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ панъ Хмельницкій
На Жовтôмъ пѣску пôдбився:
Вôдъ насъ, Козаки, вôдъ насъ, юнаки,
Нѣ одинъ Ляшокъ не скрывся.

Нуте жъ, Козаки, у скоки,
Заберѣмося въ боки:
Загнали Ляхôвъ за рѣчку Вислу,
Що не вернутся и въ три роки!

(Записана въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

2.

Нечай.

(Срав. I, 6.)

Ой у Краснôмъ на ставочку
Туманъ осѣдае,
Чатовали Козаченьки
У зеленôмъ гаю.

Ой поставивъ Козакъ Нечай
Та сторожи въ мѣстѣ,
А самъ пôшовъ до кумоньки
Звôнокъ рыбы зъѣсти.

Та вôнъ засѣвъ коло стола,
Зъ дрôбна промовляе,
А съ кумою изъ любою
Медъ, вино кружае.

Ой заржали кониченьки
Та посередъ гаю,
Кличе Козакъ молоденькій:
«Утѣкай, Нечаю!» —

«Якъ я маю, Козакъ Нечай,
Звôдси утѣкати,
Славу свою Козацькую
Марне потеряти.» —

«Стережися, мôй Нечаю,
Студенои воды,
Ѣде Ляхôвъ хоть сто тысячъ,
Хорошои вроды.» —

«А я Козакъ Запорожець,
Ляхôвъ не боюся,
Ой маю я Козаченькôвъ,
Та й оборонюся.» —

«А я тебе, мôй Нечаю,
Не убезпечаю,
Держи собѣ шабелёчку
Та пôдъ опанчею.» —

«Кульбачъ, хлопче, коня собѣ,
Мѣнѣ вороного,
Ѣде Ляхôвъ хоть сто тысячъ,
Еще то не много.» —

Гей не встигъ же Нечаенко
На коника всѣсти,
Оглянется назадъ себе,
А вже Ляхи въ мѣстѣ.

Ударився Нечаенко
По полахъ руками,
Сюда гляне, туда гляне —
Тече кровъ рѣками.

Ой кинувся Козакъ Нечай
Вôдъ башты до башты,
Ой зачавъ же вôнъ тыхъ Ляхôвъ,
Якъ снопами класти.

Ой кинувся Козакъ Нечай
Вôдъ брамы до брамы,
Оглянувся позадъ себе —
Тече кровъ рѣками.

Ой спôткнувся Козакъ Нечай
На хмѣль, на тычину,
Злапавъ ёго панъ Борейко
Съ заду за чуприну:

«На день добрый, Козакъ Нечай!
Якъ ся намъ тутъ маешъ?
Що жъ ты собѣ лишь погадавъ,
Вже въ рукахъ зôстаешъ?

А где жъ твоя, Козакъ Нечай,
Хорошая жёнка?» —

«Ой у пана у Гетьмана
Сидить якъ Жидо́вка.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Хорошіи дѣти?» —
«Ой у пана у Гетьмана,
Якъ ружовы квѣты.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Вороныи коні?» —
«Ой за гаемъ, за дунаемъ,
Стоятъ на припонѣ.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Малёваны скрині?»—
«Ой забрали тоті Ляшки,
Що пасали свині.» —

«А вы, хлопці, та й молодці,
Поклонѣться жёнцѣ:
Поклонѣться, перекажѣть,
Нещасно́й невѣстѣ:

Мае она сукні, мае,
Мае и блаваты,
Нехай пріѣзжае, та Нечая
Изъ неволи выкупляти.» —

«Не хочемъ мы, Козакъ Нечай,
Твоихъ суконъ, ни блават о́въ,
Тóлько хочемо мы тебе
На макъ порубати.»—

Чи не той то хмѣль хмелевый,
Що въ меду купався,
Чи не той то Козакъ Нечай,
Що зъ Ляхами грався?

Чи не той то хмѣль хмелевый,
Що по тыкахъ вьется,
Чи не той то Козакъ Нечай,
Що зъ Ляшками бьется?

Не вважали вражи Ляхи
На хорошу вроду:
Драли тѣло по кусочку,
Пускали на воду.

(Записано отъ слѣпца лирника, Ѳомы Зеленчука, въ Злочевскомъ Уѣздѣ.)

3.

О томъ же.

(Въ другихъ мѣстахъ таковъ конецъ:)

Гей изнéсся Нечаенко
А въ бóръ на тичину,
Щобы ёго панъ Зборовскій
Не взявъ за чупруну.

Гей изнéсся Нечаенко
Пóдъ млынъ на тичину,
Щобы ёго панъ Потоцькій
Не взявъ за чуприну.

Але и тамъ Нечаенка
Та на стовпъ убито,
Чорненькою китайкою
Оченькы прикрыто.

4.

О томъ же.

(Ср. I, 97; II, 592; Жег. Паули I, 145.)

Уже три дни й три недѣли,
Якъ Нечая въ вóйнѣ вбили,
Надъ нимъ коникъ зажурився,
Копытами въ землю вбився:

«Не стôй надо мною,
Бо я вижу вѣрность твою;
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубровою;
Якъ прибѣжишь до домочку,
Склони свою головочку,
Та ударь ты копытами
Передъ нашими воротами:
Выйде отець—утѣшится,
Выйде мати—засмутится:
«Где жь ты подѣвъ, коню, Йвана,
Мого сына, свого пана?»—
«Насъ Поляки сдогонили,
Твого сынка съ собой взяли.
А ты, мамко, не журися,
Уже твôй сынъ оженився:
Взявъ вôнъ собѣ дружиночку,
Высокую могилочку,
Высокую могилочку, —
Зеленую муравочку.

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

5.

Михай.

(Отрывокъ; ср. I, 22, 98; II, 600; Метл. 447.)

Доломъ, доломъ, долинами,
Идутъ Турки съ Татарами,
А за ними вôзъ укрытый,
А въ тôмъ возѣ панъ убитый,
Передъ ними Турчинъ ѣде,
Въ правôй руцѣ палашъ держитъ,
Держитъ палашъ въ правôй руцѣ,
Въ правôй руцѣ, на китайцѣ;
А зъ палаша кровця кане,

Зъ тои кровцѝ рѣчка тече,
Надъ рѣчкою воронъ краче,
Михалева мати плаче:
«Не плачь, мати, не фрасуйся,
Не дуже мя порубано,
Не дуже мя пострѣляно:
Моя ручки на три штучки,
А головка на чотыре,
Бѣле тѣло, якъ макъ мѣло.
Не плачь, мати, не фрасуйся:
Сынка твого поховано,
Вже му хатку збудовано,
И безъ дверей, безъ вôконець,
Михалеви вѣчный конець.»

6.

(Отрывокъ, записан. въ с. Лучкахъ около Мукачева, въ Берегскомъ Уѣздѣ.)

Ой на горѣ кôнь Турецкій,
На тôмъ конѣ хлопець Царскій,
Въ правôй руцѣ саблю несе,
Зъ тои саблѝ кровця тече,
Зъ тои кровцѝ рѣчка плыне,
На товъ рѣчковъ верба росте,
Надъ товъ вербовъ воронъ краче,
Тото моя мамка плаче:
«Не плачь, мамко, не журися,
Не дуже я порубався:
Лемъ ручечкы на стучечкы,
Головицю на четверо.
Глядай, мамко, лѣкарочку,
Зеленую муравочку;
Глядай, мамко, довгый столець,
Бо вже мѣнѣ вѣчный конець.»

7.

Сава.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда. Ср. I, 18; II, 600, 723.)

Ой бувъ собѣ та панъ Сава
Въ Миру на обѣдѣ,
Ой не знавъ вôнъ та не вѣдавъ
О своéй тяжкôй бѣдѣ.

А пріѣхавъ та панъ Сава
До нового двору,
Пытается челядоньки:
«Чи є гараздъ въ дому?»—

«Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
Счаслива година:
Породила наша панѝ
Хорошого сына.» —

Сѣвъ панъ Сава конець стола,
Дрôбнѝ листы пише,
А Савиха молодая
Дитину колыше.

«Пôди, хлопче, до пивницѝ,
Вточи ми горѣлки,
Най ся напью за здоровье
До своєи жéнки!

Пôди, хлопче, до пивницѝ,
Вточи мéнѣ вина,
Най ся напью за здоровье
До своєгò сына!

Пôди, хлопче, до пивницѝ,
Вточи мéнѣ меду:
Чогось мéнѣ тяжко, нудно,
Головкѝ не зведу.» —

Пôшовъ хлопецъ до пивницѝ
На порôгъ ступае,
А вже Козакъ молоденькій
У двôръ уѣзжае.

«На день добрый, нане Саво!
Якъ ся намъ ту маешь?
Далекіи гостѝ маешь,
Чимъ же ихъ пріймаешь.» —

«Пріймавъ бымь васъ медомъ, виномъ,
Не схочете пити,
Либôнь бо вы пріѣхали
Мене загубити.» —

А кинувся та панъ Сава
До ясного меча, —
Взяли Саву на три списы
Та зъ правого плеча.

А кинувся та панъ Сава
До яснои зброи, —
Взяли Саву на три списы,
Вынесли зъ покою.

«А ну, хлопцѝ молодцѝ,
Въ гору пôднесѣте,
А изъ Савы, изъ собаки,
Кости принесѣте!

А де жъ твои, пане Саво,
Сукнѝ, аламашки» и проч.

Не боится Козаченько
Нѝ грому, нѝ тучи,
Хорошенько въ кобзу грае,
До Савихи йдучи.

(Записана отъ слѣпца лирника Ѳомы Зеленчука въ Золочевск. Уѣздѣ.)

8.

О томъ же.

(Изъ Гуцуловъ. Ср. I, 18; II, 600.)

Бувъ панъ Сава на панскôмъ обѣдѣ,
Вôнъ несчювавъ, шо вôнъ буде у великôй бѣдѣ.

«Сѣдлай, хлопче, собѣ коня, мѣнѣ вороного,
Пôдемъ, пôдемъ, до Гуманю, до покою свого.»—

Пôшли они до Гуманй до покою свого,
Пытаетсе челядочки, ци не чюти чёго,

«Ой все миромъ, пане Саво, неслава се стала,
Ваша жона, наша пани, кежкй муки мала.»—

«Наточй ми, хлопче, горѣвки та меду,
Екій кежёнь ми на души, головки не зведу.»—

Не наточйвъ горѣлочки съ першеи пивницй,
Ой налегло гайдамашкôвъ повно у свѣтлицѣ.

Сидитъ Сава коло стола, дрôбне листье пише,
А Козачёкъ неборачёкъ дитинку колыше.

«Ай та люлю, ай та люлю, ай та люлю, враже,
Черезъ тебе, сатаночку, вся Вкраина ляже.»—

А кинувсе та панъ Сава до еснои речи,—
Уфатили пана Саву по пôдъ бѣлй плечи.

А кинувсе та панъ Сава до еснои зброи—
Уфатили пана Саву та на списъ идъ горѣ.

«Ой хотѣвъ ты, пане Саво, на свѣтѣ тревати,
Було не йти до Мерѣвки церквы розбиваги.

А де твои, пане Саво, бѣлй сороковцй?»—
«Ой забрали тоты хлопцй, шо пасали вôвцй.»—

«А де твои, пане Саво, жôвтй та червонй?»—
«Ой забрали тоты хлопцй, шо пасали кони.—

А де твои, пане Саво, воронiи коня?»—
А въ мѣстечку Берѣздечку стое на припонѣ.»—

«А де твои, пане Саве, малѣванѝ возы?»—
«А въ мѣстечку Берѣздечку заточенѝ въ лозы.»—

«А де твои, пане Саво, дрѣбненькiи дѣти?» —
«А въ мѣстечку Берѣздечку якъ рожанѝ цвѣты.»

(Зап. мною въ Криворовнѣ Коломыйскаго Уѣзда.)

9.

(Ср. I, 24.)

Ой була, була, вдова молода,
Сидѣла она по конець стола,
Ой мала, мала, сына Василя,
Якого мала, выгодовала,
Коня купила, до войны дала.
Найстарша сестра коня вывела,
А середуща зброю вынесла,
А наймолодша лѣску втворила:
«Ой брате, брате, ой ты, брате нашъ,
Коли ся вернешь въ гостину до насъ?»—
«Ой выйди, сестро, на круту гору,
Та подивися на быстру воду,
Та якъ тамъ буде камѣнь плавати
Тогды будемо зъ войны вертати.»
Ой выйшла сестра на круту гору,
Та подивила на быстру воду,
«Всѣ новобранцѝ вже зъ вôйны йдутъ,
Нашого брата лишь коня ведутъ.
Ой новобранцѝ, вы всѣ въ разъ пôшли,
Где жь вы нашого брата лишили?»—
«Турки, Татаре, голову стяли,
Мы грѣшне тѣло въ землю сховали,
А срѣбну зброю за погрѣбъ дали,
Коня вороного въ знакъ привели.»

(Запис. въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

10.

Ревуга.

(Ср. Макс. 1834, 82; Метл. 374.)

Ой нашъ батько Ревуга красны кони мае,
Якъ си сяде на одного, якъ море гуляе.

Грай, море, Бѣле море, Чорне море,
Гала, гиды, га!
Гала, гала, гала, гала!
Гала, гиды, га!

Жадна птиця на воздухахъ не докаже того,
Що нашъ батько Ревуга доказуеть много.

Грай, море, Бѣле море и пр.

О выѣхавъ Ревуга на конѣ гуляти,
Перевѣсивъ черезъ себе свой сердакъ багатый. *

Грай, море, Бѣле море, и проч.

То съ карого на гнѣдого къ земли припадае,
Для своеи любезнои цвѣточки збирае.

Грай, море, Бѣле море, и пр.

Не знавъ батько Ревуга, якъ имя кобылѣ,
Ахъ-Тамйра-Бахтырахъ на цѣле Подо́лье.

Грай море, Бѣле море, и проч.

Ой ты, гулька, моя мила, якъ на тебе сяду,
Носи жь мене по всёмъ свѣтѣ, я съ тебе не спаду.

Грай, море, Бѣле море, Чорне море,
Гала, гиды, га!
Гала, гала, гала, гала!
Гала, гиды, га!

(Зап. въ Тернопольскомъ и Золочев. Уѣздахъ.)

---

* Другіе поютъ: «Перевѣсивъ черезъ плечи сагайдакъ багатый.»

ДУМЫ

б) О событіяхъ обыкновенныхъ лицъ.

1.

(Ср. т. I, 62.)

Цы чули вы, люде добрй, о такой новинѣ,
Що убито Петруся у мѣстѣ Жулинѣ,
А за тоту паню, що вна пана мала,
Зъ великого панства хлопа си кохала?
Кохала вна го три четверти року,
Доки ся не дознали панскй слуги зъ боку.
Якъ они ся дознали, взяли засѣдати:
«Чо тобѣ, Петрусю, такъ съ часта бувати?» —
«Не хотѣвъ я ту бути, сама паня слала,
На однôй годинѣ сѣмь слугôвъ прислала,
А за осьмымъ разомъ сама пріѣхала.» —
Догоняютъ пана на яловôмъ мостѣ:
«Вертай, пане, до домоньку, е въ ёй мостй гостй!» —
«Не доказуй, не доказуй, ты мôй слуго того,
Моя паня вельможная, шляхетного роду.» —
«Якъ менѣ, вѣрному слузѣ, мôй пане, не вѣришь,
То ми своевъ шабелькою въ голову вôдмѣришь.» —
Ой вернувся та панонько зъ великой дороги,
Та застае свою паню съ Петрусёмъ въ коморѣ.
А вдарився бѣдный Петрусь по полахъ руками:
«Ой, пани моя ласкавая, пропавъ же я зъ вами!
Ой дати бы, дати, до матêньки знати,
Щобы прійшла матêночка сына поховати.» —
Нй отецъ, нй мати, Петруся ховала,
Ай Жулинска паня грôшьми посыпала.

2.

(Ср. т. I, 45.)

Ходитъ Турчинъ по рыночку, гей, мори, мре!
Та торгуе дѣвку Руску, серце мое!
Дае за ню сто червоныхъ, гей, мори, мре!
Та взявъ вонъ ю за рученьку, серце мое!
Привевъ вонъ ю до комнаты, г., м., м.
А самъ си сѣвъ въ карты грати, с. м.
Казавъ еи йти по горѣлку, г., м., м.
«Дай горѣвки не мѣривши,» — с. м.
«Давай гроши не лѣчивши!» — г., м., м.
Сама сѣла та й думае. с. м.
«Що ты, мила, що думаешь? г., м., м.
Що ты, мила, що думаешь?» — с. м.
«Ой мала я чтыри братей, г., м., м.
Ой мала я чтыри братей, г. м.
Еденъ пошовъ Туреччиновъ, г., м., м.
Другій пошовъ Московщиновъ, с. м.
Третій пошовъ въ свѣтъ за очи, г., м., м.
А четвертый не выдума, с. м.
Отець, мати не видѣли, г., м., м.
Отець, мати не прощали, с. м.
Якій теперь свѣтъ наставъ, г., м., м.
Що братъ сестру не познавъ, с. м.

3.

Немировна.

(Ср. Метл. 284; Вацл. изъ Олеська 515.)

Ой роспилася Немирова на меду,
Та й пропила свою доньку молоду.
У недѣлю пораненько зъ всходъ сонця,
Сидитъ, плаче, Немирова въ воконьци:
«Що я таке, старенькая, зробила,

Що я свою рôдну доньку пропила?»
Утêкала Немирôва по при млынъ, млынъ,
За невъ, за невъ, панъ Шенкевичъ самъ одинъ
Чо вôдъ мене, Немирôвна утêкаêшь?
Чи ты мене, Шенкевича, не знаешь?» —
«Не втêкаю, Шенкевичу, али йду,
Бо я тебе, Шенкевича, не люблю.» —
Утêкала Немирôва по при плôть,
За невъ, за невъ, панъ Шенкевичъ самотрêть.
«Чо вôдъ мене, Немирôвна, боса йдешь,
Чи ты въ мене черевичкôвъ не маешь?—
«Є у мене черевичкôвъ все двое.
Но ты молодъ не до красы до моей.» —
«Чо вôдъ мене, Немирôвна, нага йдешь?
Чи у мене дорогихъ суконъ не маешь?—
«Ой є у мене дорогихъ суконь все двое,
А ты молодъ не до красы до моей.» —
«Чо водъ мене Немирôвна пѣшки йдешь,
Чи ты въ мене вороныхъ коней не маешь?» —
Є у мене вороныхъ коней все двое,
А ты молодъ не до красы до моей.» —
Ой присиливъ Немирôвну до коня:
Теперь ты мôй, Шенкевичу, я твоя.—
«Суда, суда, сивый коню, лугами,
Та й рознеси Немирôвну тернами!» —
«Ой дай же ми, Шенкевичу, ясный мечъ,
Най выберу чорне терньe зъ бѣлыхъ плечъ!» —
Якъ она той ясный мечъ дôстала,
Заразъ си го у серденько загнала.
«Вези мене, Шенкевичу, до вôтця,
Отворить ти стара мати ворôтця.» —
Отворила стара мати, не чула:
«Ой вѣдей ты, моя дочко, заснула;
Ой вѣдей ты, моя донько, дрêмала,
Що ты собѣ у серденько той мечь загнала.» —

(Записана въ с. Раковцѣ надъ Днѣстромъ, въ Коломыйскомъ Уѣздѣ.)

4.

(Ср. I, 77.)

Ой ходила Маруненька по валу,
Та кликала Ивасенька по малу:
«Ой по малу, Ивасеньку, говори,
Щобъ не вчула стара мати зъ коморы.»—
Ой учула стара мати зъ коморы:
«А съ кѣмъ же ты, Маруненько, говоришь?»—
«Съ кухарками, моя мати, говорю:
Выправляю до кирницѝ по воду.»—
«Ой є въ мене медъ, вино, напійся,
Ой є въ мене пшеничный хлѣбъ, живися,
Ой є въ мене бѣла постѣль, проспися,
Ой є въ мене садъ вишневый, пройдися!» —
Ой а въ той часъ матуненька заснула,
Мариненька съ Ивасемъ дуйнула.
Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядоньку борзенько:
«Ой вся моя челядонька освила,
А не всвила Маруненька дитина.
Запрягайте, сыны мои, воронѝ конѝ,
Та бѣгайте за Марусевъ въ погонѝ.»—
Догоняютъ Маруненьку въ пôвъ моря:
«Вертай, наша Маруненько, до дому!» —
«Не на тонь ся, мои братья, выбрала,
Та щобы я до домоньку вертала.
Ой лишила я слѣдоньки по двору,
Ой лишила я слѣзонки по столу,
Ой лишила я ключики въ пивницѝ,
Ой лишила я вѣночокъ зъ главыцѝ.
Що ся моя мати на вѣнокъ погляне,
То все она свою доню спомяне:
«Ой десь моя Маруненька, дитина,
Що она то въ тôмъ вѣночку ходила.»

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

5.

Ср. I. стр. 77.

Ой надъѣхавъ Ивасенько съ Подôля,
Задрôжала сыра земля отъ коня,
Задрôжала сыра земля вôтъ него.
Ажь вôдпала пôлкôвочка съ пôдъ него.
Ой вôдпала пôлкôвочка съ пôдъ коня.
Ой сталася съ Ганусеньковъ розмова:
Чула тое матусенька зъ коморы:
«А съ кѣмъ же, донусенько, говоришь?»—
«Съ кухарками, матусенько, говорю,
Выправляю по водицю до морю.»—
«На що жь тобѣ, моя доню, водицй?
Ой маешь ты солодкій медъ, напійся,
Ой маешь ты пшеничный хлѣбъ, живися,
Ой маешь ты бѣле ложе, проспися,
Ой маешь ты садъ вишневый, пройдися!»—
«А все тото, матусенько, нй за що,
Бо я маю мешканьечко ледащо.»—
Ой якъ уся челядонька заснула,
Ганусенька съ Ивасенькомъ дуйнула.
Ой устала матусенька раненько,
Побудила челядоньку пилненько.
«А вся моя челядонька освила,
Лишь не всвила Ганусенька дитина.
Упрягайте, сыны мои, конй воронй,
Та ѣдьте вы за Ганусевъ въ погонѣ!»—
Догонили Ганусеньку въ пôвъ бору:
«Вертай съ нами, сестро наша, до дому.»—
«Не на то я ся, два братчики, выбрала,
Та що бы я до домоньку вертала.
Поклонѣтся матêнонцѣ одъ мене,
Най не сушитъ головоньки за мене;
Поклонѣтся, два братчики, сестрицѣ,
Лишила 'мь ей два вѣночки въ пивницѣ.

Що сестриця на вѣночки погляне,
А все мене молоденьку спомяне:
А где сь моя сестриченька якъ ружа̀,
Якъ у чужо̀й сторонцѣ калужа̀,
А где сь моя сестриченька золота,
Якъ у чужо̀й сторононцѣ сирота.

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

6.

(Ср. I, стр. 77.)

Высунулася чорна хмара зъ за горы,
Ѣде, ѣде, Козаченко на конѣ;
Ой по̀дъѣхавъ Козаченько по̀дъ хату,
Дала му Марысенька бѣлу ручку витати:
«Но тихенько, Марысенько, говори,
Щобъ не чула стара мати зъ коморы.»—
Ой учула стара мати зъ коморы:
«А съ кимъ ты тамъ Марысенько, говоришь?»—
«Съ кухарками, съ телядкою, говорю,
Посылаю съ коновками по воду.»—
«На що жь тобѣ, Марысенько, та вода?»—
«Напитися и вмытися и на все треба.»—
«Ой маешь ты, Марысенько, медъ солодкій, напійся,
Ой маешь ты, Марысенько, вино чисте, умыйся,
Ой маешь ты постѐль бѣлу, проспися,
Ой маешь ты садъ вишневый, пройдися!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

7.

(Ср. I, 59; II, 602.)

Ой летѣла зазуленька зъ гаю до села:
«Чому жь наша шинкарочка смутна, невесела?
Чому жь она не весела, на серденьку чуе?
Ой бо ей молодъ шинкарь дома не ночуе.

«Ой втѐкаймо, пане брате, та изъ тои хаты,
Най лягае молодъ шинкарь съ шинкарочковъ спати!»
Она лягла на запѐчокъ, а вонъ на припѐчку,
А якъ же вонъ твердо заснувъ, засвѣтила свѣчку;
А якъ свѣчку засвѣтила, та стала гадати:
Чи го маю порубати, чи ще зачекати.
Якъ го взяла мѐжи очи, ажь кровъ вся блюзнула:
«Теперь я ся, молоденька, вороженька сбула!»
Ой втѐкала до матоньки, та на заднѝ дверцѝ:
«Ой отвори, матуненько, не ма въ мене серця!»
Мати дверѝ отворяла, та й ся догадала:
«Чи не ты то, суко доню, сама зарубала?
Якъ же ты го зарубала, не будешь ты жити,
Лише пѝдешь, суко доню, въ сыру землю гнити!»

8.

(Т. I, стр. 56.)

Сеи ночи о пѝвночи, ще куры не пѣли,
Ишовъ Ивась до Марисѝ, люди не видѣли:
«Помагай Богъ, Марысуню, помагай Богъ, серце!» —
Она ему отповѣла: «Забѐй жѐнку першу!» —
«Якъ же мѐнѣ, Марысуню, слюбну жѐнку бити?
Слюбна жѐнка, якъ ластѝвка, буде ся просити.» —
«Забѐй каглу, забѐй пару, скажешь загорѣла,
«Заведи ѐ въ лѣсы темнѝ, скажешь, що вздурѣла.» —
Завѐвъ еѐ въ лѣсы темнѝ, зачавъ ей лишати,
Слюбна жѐнка, якъ ластѝвка, зачала плакати:
«Та не жаль ми, Ивасуню, себе молодои,
Але жаль ми, Ивасуню, дитинки малои.
Та не жаль ми, Ивасуню, що я буду гнити,
Але жаль ми, Ивасуню, съ кимъ ты будешь жити.»
Сеи ночи о пѝвночи вже куры запѣли,
Ишовъ Ивась до Марысѝ, люди вже видѣли:
«Ой дамъ я ти, Марысуню, коня вороного,
Пѝди, пѝди, та приведи пріятеля мого!» —

«Шкода, шкода, Ивасуню, коня вороного,
Якъ не було, такъ не буде, пріятеля твого.»—
«То я дамъ ти, Марисуню, набитую скриню,
Лише пôди, приведи ми пріятельку мою!»—
«Шкода, шкода, Ивасуню, набитои скринѝ,
Ой не було, та й не буде, вже въ тебе газдинѝ.»

9.

(Ср. I, стр. 84.)

А у мѣстѣ, въ крайнôмъ домѣ,
Пили, пили, Козакове,
Пили, пили, не платили,
Шенкарочку пôдвовили:
«Сядай, сядай, Касю, зъ нами,
На той возокъ малêваный!»—
«Я бы зъ вами поѣхала,
Бымъ ся мамы не бояла.»—
Кася на маму не вважала,
Съ Козаками поѣхала:
«Вставай, мамо, до кудели!
Шукай Касю по постели!»
А сусѣда повѣдала,
Що вже Каська поѣхала:
«А вставайте, сыны мои,
Доганяйте сестры своей!»
Гнали, гнали, не догнали,
Ажъ въ Варшавю спôзнали:
Ходитъ Кася по рыночку,
Носитъ дитя въ подолечку:
«На добрый день, сестро наша!
Где 'сь подѣла швагра Ася?»—
«Сидитъ Ясê въ покоику,
Піе вино съ пахоликомъ.»—

«Пôди, Касю, до пивницѝ,
Вточи вина три скляницѝ!»
Закимъ Кася съ виномъ прійшла,
За той часъ зъ Яся душа выйшла.

10.

(Ср. I, 73, 187 и II, 57.)

А у полю тернина
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла,
А съ пôдъ тои тернины
Выйшла вдова молода;
Выйшла вдова молода,
Породила хлопцѐвъ два;
Якъ она ихъ вродила,
Въ чорный китай завила;
Въ чорный китай завила,
Та й на воду пустила.
А на семôмъ та року,
Выйшла вдова по воду,
А два хлопцѝ надплываю,
И до неи промовляю:
«Ой ты, вдово молода,
Та прійми насъ хлопцѐвъ два!»—
«Ой я вдова молода,
Прійму я васъ хлопцѐвъ два:
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.
А въ суботу звѣнчали,
А въ недѣлю слюбъ дали.
«Ой ты мила, миленька,
Та личенькомъ бѣленька!
Скажи жь менѣ правдочку,
Якого ты родочку?»—
«А я зъ мѣста мѣщанка,

На прозвище Вôрмянка.»—
«А я зъ мѣста мѣщанинъ,
На прозвище Вôрмянинъ.»—
Бодай ненька не жила,
Сестру съ братомъ звѣнчала!

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

11.

(Къ т. I, стр. 187.)

Ой у поли тамъ теренъ,
Тамъ вôнъ выросъ самъ оденъ,
А тамъ вдова молода
Породила дунца два;
Якъ она ихъ вродила,
Въ чорный китай повила.
Въ коробочку вложила,
Въ коробочку вложила,
Въ тихій Дунай пустила.
«Вы, высоки береги,
Не стискайте ми сыны!
Вы, жовтые пѣсочки,
Кормѣть мои дѣточки!
А ты тихій, ты, Дунай,
Мои сыны не займай!»—
У двинадцятôмъ року
Выйшла вдова по воду,
Взяла вдова воду брати,
Зачавъ Дунай пôдбувати;
Зачавъ Дунай пôдбувати,
Взявъ коробенъ приплывати:
Оденъ сидитъ съ переду,
Та мругае на вдову;
Другій сидитъ изъ заду,
Та чеше си голову:

«Ой ты, вдово молода,
Чи любишь ты дунцй два?» —
«Ой я дунцй два люблю,
Та за Дунця я пôду.
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.»
Яка теперь година,
Шла бы мати за сына!
Якій теперь свѣтъ наставъ,
Що братъ сестры не пôзнавъ!
Иди, вдово, горою,
Зостанешься росою.
Ой на горѣ бѣлый цвѣтъ,
Буде слава на весь свѣтъ!

12.

(Ср т. I, стр. 87.)

Стара панй Кинска въ дома не бувала,
Молодая Августина въ вôкнѣ розмовляла,
Розмовляла явно въ день, розмовляла въ ночи,
Все то наробили её чорнй очи.
Въ четверъ вечеръ пріѣзжае Капитанъ Московскій,
Самъ наперъ, за нимъ войско жовнярôвъ, якъ троскôвъ.
Самъ приходитъ до покою: «Добры вечёръ, пане!» —
Вôнъ до нёго зъ виномъ, зъ хлѣбомъ: «Здоровъ, Капитане!» —
«Не буду я вина пити, ни хлѣба кушати,
Ино 'мь пріѣхавъ тобѣ, пане, всю правду сказати.
Чи та панна въ тебе служитъ, чи то твоя дочка,
Та що по ню заѣхала моя повозочка?» —
«Колись хотѣвъ, Капитане, мою дочку взяти,
Було у день пріѣжджати, въ ночи не бувати.» —
Бере панну Августину и каже: «Прощайте!»
Вы, жовнѣры-солдаты, на передъ ступайте!»
Привёзъ панну Августину до нового дворку,

Самъ покинувъ Августину, самъ пôшовъ до полку.
«Ото жь тобѣ, Капитане, молодая жёнка,
Єдна въ груди, друга въ плечи, огневая стрѣлка!
Теперь тобѣ, Августино, новая кватыра:
Не слухала 'сь отца, матѣрь, слухай Официра!»

13.

(Ср. I, 87; Паул. 26.)

Ой у мѣстѣ Гусятинѣ панна Романôвна,
Розмавляла зъ Офѝциромъ покôль розумѣла;
Розмавляла, розмавляла годиноньку въ ночи,
Не вôнъ єю намавляе, его чорнѝ очи.
А у четверъ по вечерѣ Капитанъ Московскій
Ой поставивъ коло двора Москалêвъ ажь тросты;
Самъ увôйшовъ до покою: «Прощай мене, пане!»
Вôнъ до нёго зъ виномъ, зъ медомъ: «Прощай, Капитане!»—
«На що жь ты ми дасшь пити, чи вина кушати,
Я пріѣхавъ такъ до тебе всю правду сказати.
Чи то, пане, служащая, чи то цурка твоя?
Заѣхала какъ по нею коляçочка моя.»
Бере панну за рученьку: «Люде, мня прощайте!
Вы, молодѝ Москалики, на конѝ всѣдайте!»
Поѣхала Романôвна въ счастливу годину,
Зоставляе вôтця, матѣрь и всюю родину.

14.

(Ср. I, 81.)

«Пахолику на конику, поѣдемо въ поле!
Здыбали мы три паненки, въ зеленôй дубровѣ:
Перша була панна Анна, друга Маріанна,
А за третю не повѣмъ вамъ, бо то моя сама.
А пославъ я посланчика, що она тамъ чинитъ?

В'на вье вѣнки зъ материнки на зеленôй скринѣ.
А пôславъ я посланчика, абы слово дала,
Она на то ничъ не рекла, лишь ся засмѣяла.
А пославъ я посланчика, абы ложе слала,
В'на на тое ничъ не рекла, тôлько заплакала.
А взявъ я ёй за рученьку, взявъ я и за обѣ,
Запровадивъ чрезъ дѣдинецъ до покою къ собѣ.
Штыри свѣчки изгорѣли, нимъ ся намовили,
Вже спалилось до пôвъ пятой, нимъ ся положили.
А вже въ ночи о пôвночи, о третёй годинѣ:
«Обернися, серце мое, бѣлымъ личкомъ къ мнѣ!»—
«Не обернусь, не обернусь, бо головка болитъ,
А стратила я вѣночокъ безъ васпана воли.»

15.

(Паул. II, 8.)

Ой въ мѣстечку Берестечку стала ся новина:
Молодая Марусенька сыночка повила,
Повила го, повила го, у бѣлй пелюшки,
Ой покинула, закинула, у Дунай глубокій:
«Плыни, плыни, дитятко, плыни вразъ зъ водою,
Чей же я си погуляю ще зъ рôкъ дѣвонькою!»
Наѣхали рыболовы та й рыбы ловити,
Не зловили щуки рыбы, но зловили дите;
Взяли тое дитятенько до пана на раду:
«Сбирай, пане Отамане, всѣхъ дѣвокъ громаду!»
Всѣ дѣвоньки, паняноньки, напередъ идутъ,
И на своихъ головонькахъ вѣночки несутъ;
Молодая Марусенька по задью иде,
На своеи головонцѣ вѣнка не несе.
«Ой матусю, матусенько, чого ты змарнѣла?»—
«Ой Марусю, Марусенько, головка болѣла.»
Всѣ дѣвоньки, паняноньки, медъ, горѣлку пьютъ:
Молодую Марусеньку передъ дворомъ бьютъ;
Ой узяли Марусеньку за бѣлыи руки,

Закинули, закинули, у Дунай глубокій:
«Плыни, плыни, Марусенько, вразъ зъ водою,
Чей же собѣ погуляешь изъ рѣкъ рыбонькою!»
Молодая Марусенька уже потопае,
А на свою матусеньку еще выкрикае:
«Ой маешь ты, матусенько, маешь дома двѣ,
Не дай же имъ розпустоньки, якъ дала 'сь менѣ.
Ой маешь ты, матусенько, маешь дома пять,
Не пускай ихъ на досвѣтки, нехай дома спятъ:
На досвѣткахъ чужа хата, та на землѣ спати,
Можетъ ся имъ пригодонька якая и стати.»

16.

(I, 73; II, 577; Паул. II, 24.)

Вандровало пахоля,
Зъ Кіева до Львова,
Вандруючи, пытаючи:
«А де корчма нова?»
Тамъ шенкарка молода:
«Шенкарочко молода,
Дай ми вина и пива!»—
«Якъ я тобѣ вина дамъ,
Коль на тобѣ злый жупанъ?»—
«Хоть у мене злый жупанъ,
Але въ мене грошій збанъ.»—
«Коли въ тебе грошій збанъ,
Я за тебе дочку дамъ.»
У избѣ ся звѣнчали,
У костёлѣ слюбъ брали,
А по тому спать клали.
«Ой ты милый, миленькій,
Якъ голубокъ сивенькій!
Уповѣжь ми правдочку,
Котрого жь ты родочку?»—
«Я ни зъ мѣста мѣщанинъ,

А нѝ зъ села селянинъ.
Я на прóзвище Карпóвъ сынъ.»—
«Ой ты мила, миленька!
Уповѣжь ми правдочку,
Котрого жь ты родочку?»—
«Я нѝ зъ мѣста мѣщанка,
Я нѝ зъ села селянка,
Я на прóзвище Карнова дочка.»—
«Бодай мати пропала!
Сестру съ братомъ звѣнчала!
Ой ты, сестро, здорова будь,
Я иду въ Божу путь,
Черчикóвъ шукати,
Грѣхóвъ сповѣдати.

17.

(I, 88; Паул. II, 10.)

Не любивъ Романъ жоны,
Изъ людскон намовины,
Казавъ ей цѣну мыти,
О пóвночи ложе слати,
О пóвночи ити спати,
О росвѣтѣ стадо гнати:
«Не жени го гостинцями,
Ано жени манóвцями!»
Романиха не слухала,
Гостинцями стадо гнала,
Здыбало ю два братчики,
Два братчики молоденьки:
«Знать ты, сестро, слугъ не маешь,
Сама стадо выгоняешь?»—
«Ой маю жь я два служенки,
Два братчики молоденьки.»—
«Сестро наша, Романова,
Скажи, чи е Романъ дома?»—
«Ой е же мóй Романъ дома,

Сидитъ собѣ конецъ стола:
Пôдѣть, ёго привитайте,
Но, васъ прошу, не вбивайте!»
Скоро до свѣтлоньки впали,
Заразъ Романа звязали,
Вывели го въ чисте поле,
Тамъ Романа порубали:
Головоньку на четверо,
Бѣле тѣло, якъ макъ зерно.
Тамъ Романôвъ коникъ грае,
Романова омлѣвае:
«На що жь вы го порубали?
Мене 'сьте въ неславу дали?
Хоть мôй Романъ бувъ лихенькій,
Але бо вôнъ бувъ славненькій.»

18.

(Ср. I, 82.)

Ой е въ полѣ два дубы,
Схилилися до купы,
Межи тыми дубами
Тамъ вербонька стояла,
Пôдъ вербою свѣтлонька,
Въ тôй свѣтлонцѣ дѣвонька,
По свѣтлонцѣ ходила,
Косу русу чесала,
Косу русу чесала,
На молодцй моргала.
При березѣ, при морѣ,
Гулявъ Козакъ до волй;
Ой пье Козакъ, гуляе,
На молодцёвъ рукае:
«А вы, хлопцй молодцй!
Скажѣть моёй дѣвонцѣ,

Най она мя не любитъ,
Най собѣ лѣтъ не губитъ:
Бо я хлопець убогій,
Сѣмь сотъ волôвъ въ оборѣ,
Сотня коней на стайнѣ,
А самъ въ синѣмъ жупанѣ,
Ялôвнику безъ лйку,
А дѣвчина въ лѣтнику.»
Якъ дѣвчина то вчула,
До городця скочила,
Накопала корѣнья
Зъ пôдъ бѣлого камѣнья,
Мочила го въ молоцѣ,
Чаровала молодцй;
Стала корѣнь варити,
Взявъ ся милый журити;
Єще корѣнь не вкипѣвъ,
А вже милый прилетѣвъ:
«Ой по що жь ты прилетѣвъ,
Коли мене не схотѣвъ?» —
«Якъ же мѣнѣ не лѣтать,
Коли вмѣешь чаровать!» —
«Ой суть въ мене чароньки:
Бѣле личко, бровоньки.»

19.

(T. I, 65, 66.)

Ой стояла компанія Канёвского пана,
Молодая боднарôвна цѣлу нôчь гуляла;
Пріѣхавъ панъ Канёвскій, всѣмъ добранôчь отдавъ,
Молодую боднарôвну обôймивъ и поцѣловавъ.
Ой шепнули стары люде боднарôвцѣ стиха:
«Втêкай, втêкай, боднарôвно, безъ бѣды, безъ лиха!»
Ой втêкала боднарôвна до горы межами,
А за нею панъ Канёвскій съ трёма Козаками;

Догонивъ ю еденъ Козакъ, притуливъ до себе:
«Молодая боднарôвно, та жаль мѣнѣ тебе!»
Здогонивъ-ю другій жовнѣръ, взявъ жаловати:
«Маешь отца, маешь матку, шкода тя рубати!»
Здогонивъ ю третій жовнѣръ, притуливъ до себе:
«Молодая боднарôвно, любитъ нашь панъ тебе.
Чи ты хочешь, боднарôвно, въ сырôй землѣ гнити,
Чи ты хочешь, боднарôвно, съ нашимъ паномъ жити?—
«Волѣю я, волѣю я, въ сырôй землѣ гнити,
Нѣжь я маю, нѣжь я маю, зъ вашимъ паномъ жити.
Въ сырôй землѣ жити буду, грѣха ся посбуду,
Съ вашимъ паномъ жити буду, грѣха ся набуду.»
Ой втѣкала боднарôвна безъ вишневы сады,
Якъ выстрѣливъ панъ Канёвскій, та одъ разу забивъ:
«Ой мала ты, боднарôвна, запаску съ мерешковъ,
Куда ею проводили, все кровавовъ стежковъ.
Ой мала ты, боднарôвна, жовты черевички,
Куда ею провадили, плакали сестрички.
Ой привезли боднарôвну до новои хаты,
Ой а взявъ же старый боднаръ за нёвъ жаловати.
Ой вдарився старый боднарь у полы руками:
«Казавъ я ти, моя доню, не пій съ двораками!»
Ой вдарився старый боднарь у стôлъ головою:
«Наложилась, доню моя, за всѣхъ головою!»
Ой пôшли они до лѣса, нарвали барвёнку,
Такъ убрали боднарôвну, якъ до слюбу дѣвку.
Ой пріѣхавъ панъ Канёвскій, взявъ ся слугъ пытати:
«Чи тутка е боднарôвна? Я буду ховати.»
Якъ насыпавъ панъ Канёвскій та на скрыню грошій,
Казавъ си исправити похоронъ хорошій.
А въ нашеи боднарôвны малёваны лавы,
Где сидѣли въ боднарôвны вельможныи паны.
А въ нашой боднарôвны новыи одвёрки,
Ой вже не ма, и не буде, боднарôвны дѣвки!

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

20.

(I, стр. 65 и 66.)

Ой у мѣстѣ у Бучачѣ
Круглый танецъ ходитъ,
Молоденька боднарôвна
Всѣмъ переди водитъ.
Але прійшовъ панъ Канёвскій,
Всѣмъ добрый день дае,
Молоденьку боднарôвну
За ручку витае.
Молодая боднарôвна
Та жарту не знала,
Ударила въ праве личко
Канёвского пана.
Изрекли ёй молоденькôй
Та старенькі люде:
«Тêкай-ко ты, боднаречко!
Лихо тобѣ буде!»
Ой втêкала боднарôвна
Лугами, лугами,
Выхопився панъ Канёвскій
Зъ своими слугами.
«Хоть най кличе, хоть не кличе,
Я не его рôвня,
Ой вôнъ панъ, бо вôнъ Гетманъ,
А я боднарôвна!»
Та втêкала боднарôвна
Помеже крамници,
А застрѣливъ панъ Канёвскій
Зъ новои рушници.
Але несли боднарôвну
Та по пôдъ обоны,
Та вдарили боднарôвнѣ
Красненько у дзвоны.

Але сказавъ панъ Канёвскій
Шёсть червоныхъ дати,
Лишень щобы боднарóвну
Красно поховати.

21.

(I, стр. 65 и 66.)

А у мѣстѣ, въ крайнóмъ дому, круглый данчикъ иде,
Молодая боднарочка на самъ передъ веде.
Прійшовъ, прійшовъ, панъ Канёвскій: «Добры день!» до хаты,
Євъ молоду боднарочку тъ собѣ пригортати;
А молода боднарочка тыхъ жертóвъ не знала,
Праву ручку выкрутила, та й поличку втяла.
Ой казали боднаречцѣ усе добры люде:
«А утёкай, боднаречко, лихо жь тобѣ буде!»
Ой имили боднаречку, привели до хаты,
А сфативсе панъ Канёвскій свóй штуцъ набивати;
Ой ударивъ боднаречку право противъ уха —
Боднаречка се вчинила ни пьена, ни глуха.
А вдаривсе старый боднарь по столу собою:
«Наложила боднаречка за всѣ головою!»
Не стóй, коню, коло плота, не дамъ тобѣ сѣна:
А молоду боднаречку срёбна куля зъѣла.
Не стóй, коню, коло плота, не дамъ ти оброку:
Выпадали боднаречцѣ срёбни кулѝ зъ боку.
Взели, взели, боднаречку по пóдъ бѣлѝ боки,
А дунули жь боднаречку на Дунай глубокій.
Єла жь вóтти боднаречка слегка выплывати,
Та до своей мамунечки стиха промавляти:
«А маешь ты, моя мамко, та донечокъ двѣ, двѣ,
Не дай-ко имъ таку волю, якъ есь дала менѣ!
А маешь ты, моя мамко, та донечокъ три, три,
Не пусти ихъ самыхъ въ корчму, най же дома сидѣ!»

А у тои боднаречки кривая мережка:
А куда ей та понесли, все кровава стежка.
А ковала зазулечка та по пôдъ Менчила:
Теперь ся се спѣваночка ей се скôнчила.

(Пѣла Оленица Рѣбенчучка, въ с. Криворовнѣ Колом. Окр.

22.

Чи вы чули, люде добрй, таку новиночку,
Шо истели Кулимнюки тоту Ириночку?
А екъ они истинали, она се просила:
«Не стинай мя, Олексочку, маюмь съ тобовъ жила.»—
«Буду тебе бити, бити, бити, та рубати,
Буду твои чорни очи на нôжъ выбирати.»—
«Ой братчику Михайлочку, дай-ко въ село знати,
А най выйде старый Попикъ мене споведати!»
Ой а выйшовъ старый Попикъ, та й выйшла ненечка:
«Обертайте Иринечку на противъ сонечка!
Обертайте Иринечку на противъ сонечка,
Та пôзнавай, боднарючко, чи твоя донечка!» —
«А я же вамъ, братя мои, лише разокъ гляну,
Чому бы я не пôзнала вже свою детину!»
А ковала зазулечка межи потоками:
Екъ заплаче боднарючка зъ усѣма доньками!
Заплакала боднарючка та й заголосила:
«Ой донечко Иринечко, шо жь ты завинила?
Ой донечко Иринечко, шо жь ты завинила,
Шо ты свою головочку на порôгъ склонила?
Шо ты свою головучку на порôгъ склонила,
Шо ты своевъ сыровъ кровьевъ землю споменила?
Ой донечко Иринечко, де бы те сховати? —
«На цвинтари у хôтари, де бы рôдна мати.»—
«Ой донечко Иринечко, кôлько бы дзвѣнити?» —
«Въ штыре звоны на Николи Богу се молити.»
У пасѣцѣ мѣнѣ бджолы, за пасѣковъ осы:

А вже жь тота боднарючка плаче та голоси.
«Ой не плачь-ко, боднарючко, не плачь, не смуткуйсе!
Не прійде донечка въ гостй, сама помѣркуйсе!
Озьми-ко ты, боднарючко, жовтого пѣсочку,
Опынь же нимь ще донечцѣ та коло гробочку!
А екъ же той та пѣсочокъ на гробочку зôйде,
Тогди твоя та донечка у гостину прійде.
Ой чули то Кутскй паны, взели пôдслухáти:
«Де Кулимнюковъ найдете, на макъ порубати!»
А вчула жь то Кулимниха, та на волу стала,
Усѣ панскіи гайдучки до себе зôзвала;
Усѣ панскіи гайдучки до себе зôзвала,
А каждому та гайдучку по таляру дала:
«А вы се сй талярики на меду пропійте,
Де мои сынки найдете, лишь на смерть не вбійте!
Дала 'сме вамъ по таляру, дамъ вамъ по другому,
Де мои сынки найдете, приведѣть до дому!»
Утѣкали Кулимнючки по пôдъ густы бучки,
А шобы ихъ не спôймали та гайдуки въ ручки;
Утѣкали Кулимнючки помежи городы,
А шобы ихъ не спôймали Ириничны роды.
Ой кобы ми не пѣсочокъ, не пѣскова багна:
Спѣваночку се су склала Крамарева Анна.
Та ковала зазулечка та по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночка уся се скôнчила.

23.

(I, 79.)

Пôшовъ Ивась, пôшовъ Ивась, у поле орати,
Лишивъ свою Ганусеньку обѣдъ готовати;
Оре Ивась, оре Ивась, и зъ старенькимъ дѣдомъ:
«Не ма жь моей Ганусеньки зъ раненькимъ обѣдомъ!»
Пріорався Ивасенько до сухого лому,
Пустивъ волы на отаву, самъ пôшовъ до дому;

Ой приходитъ Ивасенько подъ крайне вóконце:
Обернеся назадъ себе, вже заходитъ сонце;
Ой приходитъ Ивасенько до новои хаты:
«Дѣти мои дрóбненькiи, а где жь ваша мати?» —
«Ой пóшла жь бо наша мати у гай по коровы,
Та казала наша мати: «Бувайте здоровы!»
Подивився Ивасенько до новои скрынѝ:
Не ма грошiй, не ма сукнéвъ, не ма господынѝ!
Ударився Ивасенько по полáмъ руками:
«Дѣти мои дрóбненькiи, пропавъ же я съ вами!» —
«Ой тату нашъ, татуненьку, тату, не журися!
Иде весна, иде красна, ты тату вженишься.» —
«Дѣти мои дрóбненькiи, найду я си жéнки,
Лише я вамъ вже не найду рóднои матéнки!»

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

24.

(I, 79; Паул. 25.)

Ой у мѣсцѣ Гусятинѣ сталася новина,
Пóдмовила Катерина богацького сына:
«Покинь же ты свою жéнку, я покину дѣти,
Та пóдемо на Вкраину мешканья глядѣти!»
Ой пóшовъ же Ивасенько у поле орати,
Взялась его Катерина зъ дому выбирати.
Ой оре Ивась, оре, та й на сонце поглядае:
«Чогось жéнки Катерины съ обѣдомъ не мае!»
Ой оре жь нашъ Ивасенько, самъ си поганяе:
«Не ма жь моéй Катерины, бо въ корчмѣ гуляе.»
Ой оре жь нашъ Ивасенько, дооравъ до лану,
Пустивъ волы до дубровы, самъ пóшовъ до дому.
Ой приходитъ Ивасенько на свою обору,
Кличе собѣ Катерину на любу розмову.
Ой уходитъ Ивасенько изъ сѣней до хаты,
Пытается своихъ дѣтéй: «А дежь ваша мати?» —

«Ой пôшла жь наша мати та въ гай по коровы,
А намъ тôлко по вцовѣла: «Будьте, дѣти, здоровы!»
Ой пôшла жь наша мати та въ гай по телята,
А намъ уже та сказала: «Дѣти сиротята!»
Ой кинется Ивасенько до новои скринки:
Не ма добра, не ма скринки, а ній Катеринки!
Ой ударився Ивасенько по полахъ руками:
«Дѣтки мои, квѣтки мои, пропавъ же я зъ вами!
Ой бодай тыи лозы спалили морозы,
Бодай тебе, Катерино, побили мои слёзы!»
А Ивасевы слёзы марне не пропали,
На камѣнь бѣлый спадали, камѣнь розбивали.

25.

(I, стр. 79.)

Ковала ми зазуленька зь за хаты, зъ за хаты:
Ой пôшовъ же нашъ Андрѣйко у поле орати.
Ой пôшовъ же нашъ Андрѣйко у поле орати,
Лишивъ одну Одокійку дома домовати.
Ой оре тотъ Андрѣй, оре, и съ старенькимъ дѣдомъ,
Надѣетсе Одовійку съ ранѣшнимъ обѣдомъ.
Пріоравсе тотъ Андрѣйко до сырого лому,
Разпрегъ вôнъ свои кони, самъ пôшовъ до дому,
Ой до дому, до домочку, до новои скринѝ:
«Нема хлѣба, нема грошей, нема господинѝ!»
Ой ставъ же той Андрѣйко та на середъ хаты:
«Дѣти мои дрôбненькіи, де е ваша мати?
Дѣти мои дрôбненькіи, де е ваша мати?» —
«Пôшла, пôшла, нашъ дедику, пôдъ гай погуляти;
Пôшла наша мати пôдъ гай по телста,
Лишень до насъ и сказала, шо мы сиротета.»
А усѣдлавъ Андрѣенько коня вороного,
Пôшовъ, пôшовъ, новымъ мостомъ та й до тестя свого;
Ой прійшовъ же вôнъ до тестя, зачевъ се пытати:

«Чи де суда Одокіи мен не видати?» —
«Мы видѣли Одокійку тыми потоками,
Розмавела, розмавела у Круя съ сынами.»
Ой и пѡшовъ тотъ Андрѣйко тыми потоками,
Найшовъ, найшовъ, Одокійку у Круя съ сынами;
Найшовъ, найшовъ, Одокійку у Круя съ сынами,
А присилувъ Одокійку до коня кѡсками;
А присилувъ Одокійку да коня кѡсками,
Поволочивъ горѣ, долѡвъ, тыми потоками.
Зострѣчаетсе Андрѣйко съ чотырема Жиды:
«А дай-ко ты, Андрѣечку, Одокіи жити!» —
«А вы, Жиды, не Руснаки, та не наша Вѣра!» —
«Богато вже Одокія въ тебе хлѣба зъѣла.»
Ой ковала ми зазулька, на калинку сѣла:
Доки еѣ та донесли, она се розсѣла;
Донесли ѣй до доночку, поклали на лавку,
Издойнили зъ Одокійки сорочку кровавку;
Издойнили кровавочку, вволокли бѣленьку,
Та пѡслали по ѣй дедя, та по ей неньку,
Пѡслали по еѣ дедя, ще по еѣ брата,
Поховали Одокію та долѡвъ лиць хреста:
Ой ковала ми зазулька на нивѣ, на нивѣ,
Андрѣеви все се здає, що в'на въ полонинѣ.
Заковала ми зазулька та по пѡдъ Менчила:
Одокійцѣ сиѣваночка уся се скѡнчила.

(Зап. въ с. Криворовнѣ, Коломыйск. У. отъ Гуцулки Марѣи Грицючки.)

26.

Ой ходила Гафійчка, а все вышивала.
А съ пѡшла на Выгоду, пила та гуляла.
А съ пѡшла на Выгоду, пила та гуляла,
А сонечко по надъ вечѣръ, домѡвъ се зѡбрала.
Ой ковала ми зазулька въ новѡмъ оборозѣ:
А догонивъ Семеночокъ ей на дорозѣ:
«А не йди-ко, Гафійко, прижіешь ты бѣлки,

Вернѣмосе на Выгоду, купью ти горѣвки!» —
«А я въ саду траву маю, траву не толочу:
На Выгоду се не верну, горѣвки не хочу.
А въ новенькôмъ побоику мутъ ми куры пѣти:
Йду, Семенику, до дому, лишила 'сми дѣти.»
Ой пôду я воды брати въ маленьку царинку:
Истявъ Семенъ Гафіечку на малу годинку.
Ой ему я калиночку за самый вершечёкъ:
Истявъ Семенъ Гафіечку, вергъ у бережечёкъ;
Ише здоймивъ кресаночку, та й перекрестивсе:
«Поможи жь ми, милый Боже, чей бымь не баривсе!»
Ишовъ Семенъ зъ Єсенова до бѣлои днины,
Шобы ему на Скуповѣ зори зазорили.
А въ мѣстечку, въ крайнôмъ дому, пили два Вôрмене;
Пытаютсе люде въ него: «Где идешь, Семене?» —
«А у моемъ та садочку е покетокъ много:
А я иду по за васъ ажь до брата свого.»
А ковала ми зазулька все при потокови:
Спѣваночка Семенкови сесе Тресюкови.
А ковала зазуленька все по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночочка уся се скôнчила.

(Записана тамъ же и отъ той же.)

27.

Коли сонёчко сходило рано у суботу,
Тогдѣ Лесё Футюкъ сбиравъ зъ за Магуры ровту.
Никто тото не вѣщовавъ, вѣщовало тѣло:
«Чого тебе, брате Лесю, въ Рябинецъ скортѣло?»
Ой а Лесё молоденькій на то не туралый,
Пôшли хлопцй пôдъ Попадю три етери вкрали,
А вôдты се завернули ажь до того луга,
Пытаютсе у бireша: «Чи е тутка слуга?» —
«Ой мы, Леську, та не знаємъ, чи е тутки слуга,
Але, Лесю, сночи выйшовъ Баранючокъ Юра.»

Ой а Лесё молоденькій на Юрёчка гляне,
А Юричокъ правымъ стуцомъ въ лѣве плече гряне.
Али его товариши не забановали,
Молодого Юрчука линками звязали.
На томъ боцѣ при потоцѣ трепётка се трепле:
«Йди, бирешу, у село, та й Мурджуку Петре!»
Ай бireша покоштуютъ три сирыи волы,
А ты, Юрёчку, зажіешь тежкои неволи.»
А они се порадили, колыску вробили:
«Лѣпше, братя, рада впала, на коника взели.
Ой а его ба й принесли въ Шикманóвске поле:
«Заговори, брате Лесю, най вороговъ вколе!»
Ой куетъ ми зазуленька, сѣдая на бука:
А на шо ты, дурню, убивъ панского гайдука?
На шо ты, дурню, убивъ? Чи бувъ ты въ коморѣ?
А ты за него пожіешь, тяжкои неволи!» —
«У коморѣ, пане, не бувъ, присегати мушу,
За то 'сме го, пане, убивъ, сегавъ ми по душу.»
Ой куетъ ми зазуленька вся сива и блѣда:
Боле шо 'сме се сбули того головоѣда.
Ой зарыкла у чередѣ коровочка бура:
Ото Леся розсадила Гищиного вурда!
Ой куе ми зазуленька, шо по подъ Меньчила:
Теперь сеся спѣваночка Леся се скончила.

(Тамъ же отъ Гуцула Данила Чупирчука или Карабелика.)

28.

(II, 460.)

Чи чуете, люди добры, шо хочу казати?
А я хочу на громаду файно поспѣвати;
А я хочу поспѣвати, лишь слухайте, люде,
Шо на всей свѣтъ на громаду не було й не буде!
Шо мы будемо робити, сараки Руснаки,

Шо на насъ се нагнѣвали Венгры та Поляки.
Ой на насъ се нагнѣвала Польша та й Аршава,
Але бо намъ на помочи сила Москалева.
Ой а Кошутъ не знавъ того, не знавъ тои дôймы,
А вôнъ не знавъ, шо йде Москаль вороными кôньми;
А вôнъ собѣ змысливъ зраду, вчинивсе екъ курка,
Узевъ собѣ шкадронъ войска, та утêкъ пôдъ Турка.
А мы люде Праославны, просѣмъ щыре Бога,
Ой шобы сме вôдогнали бѣду вôдъ порога.
Ой куетъ ми зазулиця въ саду на еблôнцѣ:
Никто бѣду не вôдженетъ, коровы та вôвцй.
А молѣмсе, люде, Богу, шо чесъ, шо година,
А Царь паньчину здоровавъ, абыхъ не робили.
А я файно росказую, люде Праославны,
Ой а где се намъ задѣли всѣ гаразды давны?
Ой а екій свѣтъ великій та й велика Цара,
Нема никде кавалъ земли, абы дармовала.
Ой упало, добры люде, до рукъ писмо зночи,
Доки не мутъ е читати, не знать въ котрôмъ боцѣ.
Мы урбарію подаймо, оплату худобну,
Грунтъ и хату оплатѣмъ, та сидѣмъ при дому.
Отъ тôлько намъ вôдъ Тѣсаря Царского побору,
А екъ злодѣй укравъ ерча вôдъ шестдесятъ дробу.
Єкъ у газды злодѣй укравъ, не велика шкода,
А вже итъ намъ пôдступаетъ тысяча Петрова;
Єкъ бы мы се уступили въ тысечу Петрову,
Отъ такъ бы мы всѣ выгибли, екъ листъ вôдъ морозу;
Листокъ вôдъ морозу, а попелъ вôдъ вѣтру,
Єка въ сёмъ чесѣ настала ненависть по свѣту!
Ой цы се такъ настало, цы було изъ роду,
Отъ такъ жёнки пьютъ горѣвку, екъ коровы воду.
Сама собѣ челядь, люде, Бога допросила:
Пало письмо вôдъ Тѣсаря, а ще съ папы Рима:
Євъ тото Тѣсарь читати, а я взевъ на саму,
Але, добре люде, выйшло на нашу громаду.
Ой а, добре люде, выйшло, горѣвку не пити,
Челядь Бога допросила, шо бы ей не бити,
Абы челеди не бити, та й не сбытковати,

Хлѣба зъ поля доносити, красно годовати.
Єкъ иде у коршму, на волю, свавôльна,
Не бійте, люде, жёнки, кожда жёнка вгôдна!
А у тôмъ селѣ на садочку зазулька ковала:
Не бійте, люде, жёнки, вôдъ жандарôвъ кара!
Не стелися по дорозѣ, зеленый жолуде,
А єкъ мете жёнки бити, й за то штрофъ буде.
Ой ковала зазулечка ще попôдъ Меньчила:
Теперь се са спѣваночка гаадочки скôнчила.

(Тамъ же и отъ того же.)

ДУМЫ

Б. БЫТОВЫЯ.

а) Козацкія.

1.

(Ср. т. I, 112; II, 594.)

Надъѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ близко перевозу;
Єдинъ каже: «Быстра рѣчка, быстра!»
Другій каже: «Ѣдьмо, невеличка!»
Третій каже: «Хоть бы утонути,
Кобы въ своєй Марисеньки бути.»
Вчула тое Марусина мати,
Зачала ся съ Козакомъ витати:
«Не гудѣте, голубы, на хатѣ,
Не збудѣте Марисю въ комнатѣ!
Бо Марися тяженько лежала,
Чорнымъ шовкомъ головку звязала.
Который изъ васъ трозѣля достане,
Той съ Марисевъ до слюбоньку стане.»
Вòдозвався Козакъ молоденькій:
«Ой є въ мене три коня на стайнѣ:
Єдинъ чорный, якъ воронъ чорненькій,
Другій сивый, якъ соколъ сивенькій,
Третій бѣлый, якъ голубъ бѣленькій;
А тымъ чорнымъ до моря доѣду,
А тымъ сивымъ море переѣду,
А тымъ бѣлымъ трозѣлья достану,
Та й съ Марисей до слюбоньку стану.»
А взявъ Козакъ трозѣлье копати,
Взяла надъ нимъ завуля кувати:

«Не копай же, Козаче, трозѣлья,
Бо въ Марисѣ изъ иншимъ весѣлья.»
Ѣде Козакъ сумненько съ трозѣльёмъ,
Издыбае Марисю съ весѣльёмъ:
Лѣвовъ руковъ Марисю витае,
Правовъ руковъ шаблѣ добувае;
Якъ у полѣ маковка бринѣла,
Еще борше головка злетѣла.
«Ой на жь тобѣ, Марисю, трозѣлье,
Не починай изъ иншимъ весѣлье!»

2.

(Иначе.)

Ой ѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ въ конець перевозу,
Та й зачали думоньку думати,
Где бы тую нôчку ночувати.
Одинъ каже: «Нôчка невидная!»
Другій каже: «Рѣченька быстрая!»
Третій каже: «Шобъ ся коня збути!
Шобъ въ Марисѣ на вечерѣ бути,»
А Марися хорая лежала,
Марисенька трозѣль забажала.
«Ой маю жь я три конѣ на стайнѣ,
Я Марисѣ трозѣля дôстану:
А тымъ чорнымъ море переѣду,
Тымъ червонымъ до гôръ ся дôстану,
А тымъ сивымъ трозѣля дôстану.»
Гей тамъ Козакъ трозѣлье копае,
Надъ Козакомъ зазуля ковае:
«Не копай ты, Козаче, трозѣлья,
Бо въ Марисѣ вже нынѣ весѣлья!»
Въ однôй руцѣ трозѣля тримае,
Въ другой руцѣ голый мечь держае.

А Марися якъ макъ проквѣтала,
Марисенцѣ головка злѣтала.
По тихонько маковка збренѣла,
А ще тихше головка злетѣла.

3.

(Т. I, стр. 5.)

Идутъ волы зъ Московщины, а все чабанистѣ,
А за ними Морозъ Козакъ, еще не женився.
Ой Морозе Морозоньку, ты славный Козаче,
За тобою, Морозоньку, вся Вкраина плаче;
Плаче отець, плаче мати, плаче все Подгорье,
Ой вернися, Морозоньку, на мое подворье!
Въ мене хата тесовая, стайня на помостѣ,
Пріѣдь, пріѣдь, Морозоньку, хотъ разъ до мня въ гостѣ!»
Стоитъ дѣвча на камени, на жовтомъ пѣсочку,
Та жмякае Морозови отъ бруду сорочку:
Ци я твоя, ци не твоя, Козаченьку, буду,
Выперу я сорочку вотъ чорного бруду.» —
«Ой дѣвчино, дѣвчинонько, чо 'сь на личку блѣда?» —
«Ци не знаешь, Морозоньку, яка въ службѣ бѣда?
Ой и ѣсти—не доѣсти, спати, не доспати,
А все тото, Морозоньку, на личеньку знати.»

4.

(Т. I, стр. 97 — 99.)

Ой конь летить, трава шумить,
Ажь тамъ Козакъ забытъ лежить,
Надъ нимъ коникъ зажурився,
По колѣна въ землю вбився:
«Не стой, коню, надо мною,
Бо я вижу щирость твою!
Лети просто дорогою,
Тою, тою широкою!

Станешь, коню, въ воротенькахъ,
Заржешь, коню, съ жалобненька,
Вóдъ тамъ выйде, вóдъ тамъ выйде,
Мати моя старенькая:
«Ой ты, коню вороненькій,
«Где е сынъ мóй молоденькій?» —
«Возьми, мати, пѣску въ жменю,
Посѣй его на каменю:
Якъ той, мати, пѣсокъ зóйде,
Тогди сынъ твóй зъ вóйны прійде;
Бо вже сынъ твóй оженився:
Взявъ вóнъ собѣ въ Крыма дочку,
Зеленую муравочку;
Шукай, мати, лѣкаройки,
Зеленои муравойки;
Шукай, мати, халупойки,
И безъ дверій, безъ вóконки,
Щобъ дверцями не ходити,
А вóконкомъ не дивити;
Бо дверцями вѣтеръ вѣе,
А вóконцемъ сонце грѣе,
Шукай, мати, мéнѣ хаты,
И безъ дверій, безъ вóконець.
Бо вже мому свѣту конець.»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

5.

(Т. I, 105.)

Дома лежитъ дѣвчинонька,
Въ маминыхъ перинахъ,
А Козачокъ молоденькій
На глыбокихъ долинахъ:
Дѣвчинонька молоденька,
Зимнои воды проситъ,
А надъ бѣднымъ Козаченькомъ,
Ворона голоситъ.

Надъ дѣвчиновъ молоденьковъ
Отецъ, мати, плаче,
Надъ Козакомъ израненымъ
Чорный воронъ краче:
«Не крачь, не крачь, такъ сумненько.
Чорный вороночку,
По надъ мою кервавую,
Молодъ головочку!
А но лети до домоньку,
Скажи дѣвчинонцѣ,
Шо я марне тутъ загибнувъ,
Въ зеленъ муравонцѣ.» —
«Якъ ся наѣмъ твого мяса,
Выпью очи твои,
Ажь тогды-то я полечу
Къ дѣвѣ молодои.

(Изъ Буковины.)

6.

(Т. I, 102.)

Ой въ лѣсѣ нива, на тôй нивѣ жито,
Ой у лѣсѣ край дороги Козака забито;
Забито, забито, затягнено въ жито,
Червоною китайкою оченька прикрыто.
Ой прійшла дѣвчина съ чорными очима,
Пôдôйняла китаечку, та й розголосила;
Ой прійшла другая, та й вже не такая,
Пôдôйняла китаечку, ревно заплакала:
«Встань, Козаче, встань, бо 'сь ще молодейкій,
Ходить, бродить по дубровѣ твôй кôнь воронейкій.» —
«Нехай ходить, нехай бродить, нехай напасеся,
Нехай моя стара мати жалю набереся!
Нехай ходить, нехай бродить, нехай и ночуе,
Вôнъ до мен дѣвчиноньки дороженьку чуе!» —

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

7.

(T. I, 82, 83.)

Ой зъѣхало три Козаки зъ горы высокои,
На самъ передъ Андрусенько на воронóмъ конѝ,
На Андрусю сороченька кровьёвъ обкипѣла,
Якъ уздрѣла Ганусенька, на ноженькахъ вмлѣла:
«А хто жь тебе такъ порубавъ, соколе Андрусю?» —
«Твои братья рóднесеньки, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя порубали, соколе Андрусю?» —
«Ясненькими шабельками, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя обвивали, соколе Андрусю?» —
«Ядвабными хусточками, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя наповали, соколе Андрусю?» —
«Медомъ, виномъ и горѣвковъ, серденько Ганнусю.» —
«Де они тя порубали, соколе Андрусю?» —
«У Тернавцѣ на забавцѣ, серденько Ганнусю. —
«Де жь си скажешь постелити, соколе Андрусю?» —
«У свѣтлонцѣ при вóконцѣ, серденько Ганнусю.» —
«Якъ си кажешь зазвонити, соколе Андрусю?» —
«У всѣ звоны на розгоны, серденько Ганнусю.» —
«Я си скажешь заплакати, соколе Андрусю?» —
«Дрóбненькими слёзоньками, серденько Ганнусю?» —
«Де ся скажешь поховати, соколе Андрусю?» —
«У костёлѣ при престолѣ, серденько Ганнусю.» —
«Ой треба бы, Андрусеньку, чтыри волы дати,
Абы тебе исхотѣли въ костёлѣ ховати.» —
«Ой маю я чтыри волы, чтыри половыи,
Ней си берутъ, ней ся дѣлятъ, Попы молодыи!
Ой ней мене не ховаютъ ни Попы, ни Дяки,
Лише ней мня поховаютъ молоди Козаки!
Бо Попоньки та Дяченьки на заплатѣ бьются,
Молодыи Козаченьки горѣвки напьются.»

8.

Ой у полю, полю, въ полю, на роздолю,
Тамъ Козакъ убитъ лежитъ,
Ни отець, ни мати, ни отець, ни мати,
Ни о чёмъ не знае,
Що дѣвчина Козаченька, що дѣвчина Козаченька,
Сама доглядае.
Ой везутъ Козака, везутъ Козаченька,
Та й сѣрыми волоньками,
Ой иде дѣвчина, иде чорнявая,
Вмываеся слёзоньками.
«Ой не плачь, дѣвчино, не плачь, чорнявая,
Головоньки не збавляйся,
Якъ я здоровъ буду, тебе не забуду,
А въ осени поберемся.» —
«Ой не тяжко бы тя, молодый Козаче,
До осени зачекати,
Ой а мене хотятъ, молоду дѣвчину,
За инчого ба й давати!» —
«А ты пиши, а ты пиши, на бѣломъ паперѣ,
Та давай до мене знати!» —
«Ой не тяжко бы то, молодый Козаче,
На паперѣ написати,
Ой погадай собѣ, въ своёй головонцѣ,
Кымъ я маю водослати? —
«Ой ты пиши, пиши, ой ты пиши,
Та й дробными слёзоньками,
Вотсылай до мене, вотсылай до мене,
Та й буйными вѣтроньками!»

9.

(Метл. 72.)

По садочку походжаю,
И самъ собѣ розважаю,
И самъ собѣ розважаю,
Що далеко милу маю,

Цы до неи листъ писати,
Цы самому вандровати?
Якъ я буду листъ писати,
Будутъ о томъ люде знати,
Не такъ люде, якъ сосѣди,
Та нароблю всѣмъ бесѣды,
Не такъ близкѝ, якъ далеки.
«Ой вы, хлопцѝ молодыи!
Сѣдлайте конѝ вороныи,
Сѣдлайте коня вороного,
Та подъ мене молодого!
Я поѣду на Вкраину,
Бо тамъ маю мою милу!
Ой ты, мѣсяцъ, свѣти, свѣти,
А ты, коню, бѣжи, бѣжи,
Ой ты, мѣсяцъ, свѣти ясно,
А ты, коню, бѣжи красно!»
Пріѣхавъ бо предъ ворота,
Выйшла мила крашша злота,
Пріѣжджаю подъ оконце,
Выйшла мила красша сонця,
Взяла коня за удила,
Изъ миленькимъ говорила,
Взяла коня за вуздечку,
А милого за ручечку,
Взяла коня до стаенки,
А милого до свѣтлоньки,
Дала коню вовса, сѣна,
А милому меду, вина,
Сама сѣла та ѝ думала,
Та ѝ ревненько заплакала:
«Чого сидишь, чого тужишь,
Чого плачешь, свѣтомъ нудишь
Та ты, моя милесенька,
Мое сердце, любесенька?
Цы тобѣ жаль вовса, сѣна,
Цы тобѣ жаль меду, вина?» —
«Не жаль мѣнѣ того всёго,

Ой лише ми жаль вѣка мого,
Що колька лѣтъ покохався,
А съ инчою повѣнчався.» —
«Ой цыть, мила, не журися,
Я еще молодъ, не женився:
Якъ я буду женитися,
Прошу, мила, дивитися,
Дамъ ти вина напитися;
Якъ я буду ба й слюбъ брати,
Прошу, мила, ручку дати!»

10.

(Метл. 73.)

Тамъ по подъ гай зелененькій
Ходитъ Ивась молоденькій,
И такъ собѣ розважае,
Що далеко милу мае.
Чи я маю листъ писати,
Чи самому поѣхати?
Ни до неи листъ писати,
Ни самому одвѣдати.
Якъ я буду листъ писати,
Будутъ то всѣ люде знати;
Не такъ люде якъ сусѣди,
Та нароблю всѣмъ бесѣды.
«Ой вы, хлопцы молодыи!
Сѣдлайте коні вороныи,
А подъ мене молодого
Сѣдлай коня буланого:
Поѣду я на Вкраину,
Тамъ я маю мою милу.
Ой ты, мѣсяць, свѣти ясно,
А ты, коню, бѣжи красно!»
Пріѣхали предъ ворота,
Выйшла мила крашша злота,

Взяла коня за удила,
По пôдвôрю поводила,
Взяла коня за трензельку,
А милого за рученьку,
Дала коню вôвса, сѣна,
А милому меду, вина,
И сутую вечереньку,
И бѣлую постеленьку,
Сама сѣла та й думае,
Чорны очи протирае:
«Чого сидишь, та думаешь,
Чорны очи протираешь?
Чи тобѣ жаль вôвса, сѣна,
Чи тобѣ жаль меда, вина,
Чи сутои вечѐроньки,
Чи бѣлои постѐлоньки?» —
«Не жаль мѣнѣ вôвса, сѣна,
А нѝ жаль ми меду, вина,
Нѝ сутои вечѐроньки,
Нѝ бѣлои постѐлоньки,
Но жаль мѣнѣ того свѣта,
Що йдутъ марне нашѝ лѣта,
Идутъ, идутъ нашѝ лѣта,
Якъ то сонце вколо свѣта!»

(Запис. въ Золочевскомъ и Жолковскомъ Уѣздахъ.)

11.

(Паул. II, 20.)

Ой пôду жь бо я по пôдъ гай зелененькій,
Ой чей мя здыбле Козачокъ молоденькій;
Ой здыбавъ мене Козачокъ молоденькій,
Ставъ ся вôнъ въ мене пытати дороженьки,
Ставъ ся вôнъ дороженьки пытати,
Я, молодая, не вмѣла'мъ вôдказати,
Давъ же вôнъ ми коиченька тримати,

А самъ пôшовъ дороженьки шукати.
Тримаю коня до темнои ночи,
Выплакала я свои чорнй очи;
Ой що коникъ тупне, то ми серце пукне,
Ой я ся не бою коня вороного,
Але я ся бою Козака молодого:
Коникъ най тупне, найдутся на то лѣки,
Козакъ здрадитъ, неслава на вѣки.
Ой пущу я коня въ пустое поле,
Сама я скочу въ глубоке море:
Я молода въ морю потопаю,
И все на Козака окомъ ся слѣдаю;
Ой прійшовъ Козакъ коника пôймити:
«Дай же ми, Боже, дѣвчйну зловити!
Ой же бымь тя зловивъ, мôгъ бымь тя стискати,
Допѣро бымь навчивъ до моря скакати.
Що жь ти, дѣвчино, що жь ти за пригода,
Же 'сь до моря скочила, дѣвчина молода?» —
«Я молодая тебе ся бояла,
И черезъ тебе до моря скакала.»

12.

(Паули II, стр. 20.)

Ой ходила я по пôдъ гай зеленейкій,
Здыбавъ мене Козакъ молодейкій,
Ставъ вôнъ ся дорожейки питати,
Я, молода, не вмѣла сказати.
Мовила я му: Не зъ тутейшого 'мь краю.
Я въ тыхъ сторонахъ дороги не знаю.»
Ой взявъ мене Козакъ за бѣлейкіи боки,
И кинувъ мене на дунай глубокій:
«Плыни жь, дѣвчино, вôдъ краю до краю,
Коли не знаешь Козака звычаю!»

13.

(I, 72, 116, 117; Паул. 29.)

Край дороги широкой,
Кирниченьки глубокой,
Козакъ коня наповае,
Дѣвча воду наливае:
«Вандруй, вандруй, дѣвча, зъ нами,
Молодыми Козаками!
А въ насъ вербы грушки родятъ,
Въ насъ дѣвчата въ злотѣ ходятъ,
А въ насъ горы золотыи,
А въ насъ рѣки мёдяныи.»—
«Я бымь зъ вами вандровала,
Же бымь ся зрады не бояла.» —
«Ой ты, дѣвчино, не будешь зраджена,
Тôлько на Вкраинѣ посагомъ посажена.»
Ще не дошла битои стеженьки:
«Скидай, скидай, зъ головы стуженьки!»
Ой ще не дошла битого гостинця:
«Ой скидай, скидай, изъ ручки перстенця!»
Ой ще не дошла до вишнёвого саду,
А вже зложили на дѣвчину зраду.
«Вы 'сте мовили, не буду зраджена,
Теперь 'сьте мя вже зрадили
Якъ ту мушку изловили!»—
«Ой знала 'сь, дѣвчино, де отецъ и мати,
Було зъ собою два рубочки брати:
Єденъ рубочокъ головеньку звязати,
Другій рубочокъ дитятко накрывати.»
Вандруютъ поле, вандруютъ другое,
А на третёмъ стали спочивати,
А на четвертôмъ нôчку ночовати,
А на пятôмъ казавъ ёй лужко слати.
«Не по то же я, Козаче, вандровала,
Жебы я, Козаче, тобѣ луженько слала;

Но по томъ я съ тобою вандровала,
Жебы 'мь твоею миловъ ся называла.»
Ой выйду жь я на горочку,
Тамъ погляну въ долиночку:
На долинѣ ходятъ паняночки,
Та й сбираютъ фіялочки,
Та й сбираютъ фіялочки,
На недѣлю на вѣночки,
Ино я свôй утратила,
Ино я свôй изгубила,
Пôдъ яворомъ зелененькимъ,
Изъ Козакомъ молоденькимъ.

14.

(Паул. II, 28.)

Вôдъ Бендеру до Дунаю
Два Козаки мандровали,
Два Козаки мандровали,
Одно дѣвча пôдмовляли:
«Мандрўй, мандруй, дѣвча, зъ нами,
Зъ молодыми Козаками,
Зъ молодыми Козаками,
Справимъ тобѣ два жупаны,
Два жупаны голубыи,
Два перстенй золотыи!»
Дурне дѣвча послухало,
Зъ Козаками мандрувало,
Зъ Козаками мандрувало,
Три дни хлѣба не видало.

15.

«Ты Козаче чорноусый,
Чому въ тебе жупанъ кусый?» —
«Дѣвки мене пôдпоили,
Жупанъ менѣ пôдкроили.

* *
*

Ой маю я купу грошій,
Справлю собѣ жупанъ довшій,
Нехай дѣвки тое знаютъ,
Наї не поятъ и не краютъ.

* *
*

У Козака все любити,
До десяти вразъ ходити,
Тота скаче, тото плáче,
А въ тамтой серце колаче.

* *
*

Одна плаче, що ю здрадивъ,
Друга плаче, що ся звадивъ,
Въ третёй серце колáче,
Вздритъ Козака, ажь заплаче

* *
*

Коли Козакъ пôдскакус,
Всѣ дѣвчата урадує,
А якъ пôде на присюды,
Розвеселитъ усѣ люде,

* *
*

Козакъ свище, пôдскакує,
Що пôдскочитъ, выспѣвує:
«Ой я Козакъ зъ Украины,
Козакъ зъ роду, Козакъ зъ мйны!»

* *
*

Козакъ грае на торбанѣ,
За нимъ дѣвки кобы ланѝ,
Всѣ хороши, всѣ моторнѝ,
Бѣлѝ личка, очи чорнѝ.

* *
*

Коли Козакъ скрипки вчуе,
Ноги крутитъ и простуе,
Зразъ иде сюды, туды,
Якъ чортъ скаче у присюды.

* *
*

У Козака все однако,
Зле, чи добре, яко, тако,
Нынѣ сто нагаѣвъ взяти,
Завтра буде танцёвати.

* *
*

Коли Козакъ усомъ скрутитъ,
Три одъ разу збаламутитъ,
Та думае, тамъ та лае,
Що ся стало, и не знае.

* *
*

Коли Козакъ пôдскакуе,
Пôдковками выбренькуе,
А якъ вдаритъ обцасами,
Вôкна задзвонятъ шибами,

* *
*

Нема танцю надъ Козака,
Бо то великій гуляка,
Туды, сюды, выскакуе,
А ногами выкидуе.

* *
*

У Козака такъ по жити,
День за днемъ на тôмъ травити,
Щобъ спѣвати, танцёвати,
Дѣвчатонька цѣловати.

16.

Т. I. 1.4. стр. 1[illegible].

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй!
Та якій буде съ тобовъ пôчлягъ твôй?»—
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Постелимо вôйлочище,
Пôдъ голову кульбачище,
Ой а зверха опанчище,
Кулино та й небого!»

* *
*

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй,
Та чимъ мы ся повмываемо,»
Та чимъ мы ся повтираемо?» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Я росою, ты слёзою,
Я утруся китайкою,
Тебе удру нагайкою,
Кулино, та й небого!»

* *
*

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй!
Та якій то буде съ тобовъ розъѣздъ мôй!» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Выѣдемо въ чисте поле;
Въ чистôмъ полю двѣ дороги,
Двѣ дороги, двѣ могилы,
А третья моя!
Одна иде до лѣса, а другая до бѣса,
На котру хочь, на тоту скочь,
А третья моя!»

ДУМЫ

в) Гайдамацкія.

1.

Штолюкъ.

Чу чуете, люде добры, шо хочу казати,
Бо я хочу Штелюкови спѣванку спѣвати.
Єкусъ чути новиночку, не можна казати,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ села воёвати;
А топôрцѝ наробили изъ самои стали,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ, та вокуе паны;
А топôрцѝ наробили изъ самои бляхи,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ, та вокуе Ляхи.
Учувъ тото панъ Каштана, та взевъ пôдслухати:
«Не такъ треба для Штолюка намъ се постарати.»
А нашъ Штолюкъ молоденькій имивъ шосъ гадати,
«Ити бы ми въ Довге Поле Каштана еднати.»
А в'ни пôшли въ Довге Поле Каштана еднати,
Єкъ зачели его бити, бити та рубати,
Єкъ зачели его бити, бити та рубати,
А вже жь брати по бокатѣ, котюгамъ метати.
Єкъ убили, обôбрали, та й вышли на Рѣчку,
Миронъ каже: «Вернѣмь ко се, зажжѣмъ псови свѣчку!» —
«Богдай тобѣ, Миронеку, таки твою мати,
Чи ты не чувъ, екъ той казавъ для насъ се старати?
Чи ты не чувъ, екъ той казавъ для насъ се старати,
Та ще бы съ се вертавъ псови свѣчку зажегати.
Пôшовъ бы я та косити зелену отаву,
А сонечко по надъ вечеръ, не выйдемъ на пустаю,
Ой выйшли в'ни на пустаю та й заговорили:
«Чи вы, домарѝ, не чули екои новины?» —

«Не чули мы, годны хлопцѝ, нѝкои новины,
Мы лишь чули, въ Довгóмъ Поли що Каштана вбили.»
А в'ни пóшли въ полонины та въ полонинóчки,
Та тамъ собѣ набивали острóжнѝ стрѣвбочки:
Доки в'ни ихъ набивали, в'ни се не боѣли,
Єкъ узрѣли тверду ровту, в'ни жъ тамъ подрóжели.
Ходивъ Фронюкъ, ходивъ Скалюкъ, ходивъ и Борсучокъ.
Ше бувъ въ боку Волоского Єкóвъ Крамарючокъ.
А вдарили въ монастырѣ у четыре звоны,
Вже Штолюка блеховали на воронóмъ кони;
Вже Штолюка блеховали, дали въ село знати,
Впровадили вже Штолюка въ бѣленькѝн хаты.
А уреды молоденькѝ пьютъ, пóдъохотуютъ,
Та Штолюка молодого въ кайданы блехуютъ.
Ой а выйшовъ панъ Гóрлѝчка, зачавсе пытати:
«Дежь ты гздавъ, Штолюченьку, зимку зимовати?» —
«А у тои царинóчцѣ зелененькѝй полóгъ,
Тамъ 'сме гадавъ зимовати, де бы ми Богъ помóгъ.»
Ой утѣкавъ Штолюкъ годный, та й зашумѣвъ листомъ,
Та не самъ вóнъ туда тѣкавъ, втѣкавъ съ товариствомъ.
«Кóлько въ тебе у Штолюка того товариства?» —
«Кóлько въ лѣсѣ у дуборѣ букового листа.»
Ой ковала ми зазулька все по пóдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночка уся се скóнчила.

(Записана мною отъ Гуцулки с. Криворовни Марики Грпзючки.)

Кармелюкъ.

Породила мене мати
Въ несчастну годину,
Не дала ми счастья знати,
Вóдъ журбы загину.

* *
*

«Кармелюку! На панщину!»
Кличутъ пóдъ вóконце;

«Бо нагаёмъ якъ не выйдеть,
Скоро зо́йде сонце.»

* * *

Наступила лиха доля,
Тра йти въ свѣтъ гуляти,
А що Кармелюкъ не дурень,
Дастъ Ляхамъ по́знати.

* * *

Не довго я такъ гулявъ,
У собѣ попався,
И не гадавъ, та не думавъ,
У Сиби́ръ достався.

* * *

Повернувши изъ Сиби́ру,
Таки я въ недоли́,
Хоть я вже не въ кайданахъ,
Таки я въ неволи́.

* * *

Засѣдаю при дорозѣ.
Чому? хочешь знати?
Бо не маю пристанища,
Бо не маю хаты.

* * *

Маю жёнку, маю дѣти,
Коли ихъ не бачу;
Якъ сгадаю на ихъ нужду,
Горенько заплачу.

* * *

Нема счастья ни́ для мене,
А ни́ для родины,
Переходятъ въ смутку, жалю,
Всѣ мои годины.

* * *

Зовутъ мене розбо́йникомъ,
Кажутъ, розбиваю:
Я не вбивъ еще никого,
Бо самъ душу маю.

* *
*

Ой я во́зьму багатому,
Убогому даю,
А такъ гроши́ подѣливши,
И грѣху не маю.

* *
*

По́шовъ бы я въ мѣста, села,
Всюда мене знаютъ,
Деде Ляхи мене зо́здрятъ,
Заразъ мя по́ймаютъ.

* *
*

А такъ мушу стеречися,
Мушу въ лѣсѣ жити,
Хотя свѣтъ е такъ широкій,
Ни́где ся подѣти!

(Записана въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

3.

Оре багачъ, оре,
На широко́мъ поли́,
На широко́мъ поли́,
На глубоко́мъ доли́.
Прійшло тамъ до него
Два разбо́йниченьки:
«Дай ти, Боже, счастье,
Великій багаче!
Нарай намъ якую,
Абы не самую.»—

«Не маю якую,
Хиба жёнку свою.»
«Нехай буде тая,
Абы не самая!»
Прійшовъ вôнъ до дому,
Пріѣхавъ до дому:
«Сбирай же ся, мила,
Поѣдемъ до млына!»
«Я съ тобою, милый,
Свôй вѣкъ скалатыла,
А еще съ тобою
Въ млынѣ не бувала.»
Ѣдутъ они, ѣдутъ,
На широкôмъ полѝ,
На широкôмъ полѝ,
На глубокôмъ долѝ.
Ѣхала, вступила
До рôдного брата:
«Ой брате жь мой, брате,
Надо мною здрада!»
«Сестро, моя сестро,
Господь надъ тобою,
Господь надъ тобою,
Я ѣду съ тобою!»—
Привêзъ ю до лѣса,
Самъ пôшовъ до бѣса;
Вяже ю до бука,
Братови роспука.
Фузію намѣривъ,
Обохъ вразъ застрѣливъ:
«Мало бути еê,
То най буде й тобѣ,
Будешь съ нею въ гробѣ!»

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

6.

(I, стр. 163.)

По горѣ, горѣ зацвѣла шельвія,
По пôдъ ту гору ходила Марія:
Марія ходила, шельвію ломила,
Ревными слозами за мужёмъ плакала.
На очка чорнёва, на личко якъ ружā:
«Онъ той Ляхъ ѣде, що вбивъ мого мужа!»
Заходитъ й гадка, гадае втêкати,
«Не втêкай, Маріё, скажу тя лапати,
Бо я тебе хочу за жену си взяти!»
Ой Марія стала, за Бога сгадала:
«Отверни мнѣ, Боже! я тому не рада!»
Заходитъ ю голосъ зъ высокого неба:
Най иде Марія, жены ти не треба!»
Узяли Марію за русяви̂ косы,
Приняли Марію у сады до сосны,
Выкресали огню у суху порохню,
Запалили сосну зъ верха и зô споду:
«Гори, сосно, гори, а ты, смоло, капай,
На Марійно тѣло, на Марійну главу!
Ной Марія терпитъ великіи муки,
Коли не хотѣла за жену ми бути!»—
«А кто сидитъ дома, а хто робитъ въ полю,
Най ся йде дивити на мою неволю!»
А панъ каже, що то смола, а то чиста вода,
На Марійно тѣло есть то охолода.

(Изъ Самоцкаго Уѣзда.)

7.

Яничокъ.

(I, 171.)

Ой тамъ дале пудъ яворомъ
Оре дѣвча еднымъ воломъ,
Ще и бразды не зорала,
Вже ѐ мати заволала:
«Дѣвко, дѣвко, пой до дому!
Продала 'мь тя, не знамъ кому,
Продала 'мь тя Яничкови,
Великому збуйничкови:
Въ ночи прійде, въ ночи пôде,
Никда ми ничь не принесе,
Лемъ кошульку поторгану,
И сабличку скрывавлену.
«Чугай белай, бѣлый хлопецъ,
Кыбы 'сь такый, якъ ти отецъ,
Дала быхъ тя искупати,
Кавкамъ, вранамъ, роздзёбати.»—
«Спѣвай, жоно, чи 'съ спѣвала,
Коли 'сь хлопця колысала?»—
«Я хлопцеви не спѣвала,
Лемъ емь пестуночцѣ лала.»—
«Ставай, жоно, на колѣна,
Най испаде твоя глава!»—
«Пестуночко вѣрна моя,
Подай децько сюди мое!»—
Єдно личко побочкала,
А въ другое укусила:
«Дамъ ти, сыне, на памятку,
Коли стинавъ отецъ матку!»

(Изъ Бережскаго Уѣзда села Лучки, возлѣ Мукачева.)

8.

Эй на горѣ, на горѣ,
На Кошицкой долинѣ,
Пасе Янчи двы волы;
Пришли дъ нёму гайтове:
«Ой ты, Янчи, дай волки!
Бо ти главку здойменe.»—
«Я вамъ волки та й не дамъ,
Радше ся съ вами поровнамъ.»
Коли в'ни ся рôвнали,
Тамъ му главку стинали:
Де зъ той главки кровь текла,
Червена ружа уцвѣла!
Дѣвчки ê рвали,
Хлопцôмъ перка давали:
Боже, Боже, што же то,
Червена ружа зъ чего то?

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, т. I, 674.)

ДУМЫ

БЫТОВЫЯ.

г) Чумацкія и Бурлацкія.

1.

(Макс. 1834, 175.)

Було лѣто, було лѣто,
А теперь зима,
Гостивъ джумакъ по дорогахъ,
Гостивъ по долахъ,
Та не мавъ вонъ пригодоньки
На своихъ волахъ.
А изъѣхавъ джумаченько
Зъ горы на базаръ,
Волы му ся поболѣли
Самъ бѣдный заслабъ.
Ой заслабъ вонъ, ой заслабъ вонъ,
Та й тамо й лежитъ,
Нихто го ся не спытае,
Що его болитъ;
А приходятъ та й идъ нему
Товаршой его,
Взяли его за рученьку
Та держатъ его:
«Ой братчику, джумачику,
Що тебе болитъ?»—
«Болитъ мене та серденько,
Болитъ голова.»—
«Ой братчику, джумачику,
Чужа сторона.»—
«Ой давъ бы я, товаришу,

А зъ возомъ волы,
Ой абы ся такі̂ найшли,
Та раду дали.»—
«Ой не штука, товаришу,
Волы зъ возомъ взяти,
Але я ся не бі̂зую
Тобѣ раду дати.»
Прійшла, прійшла, дъ нему
Найстарша сестра:
«Ой братчику, джумачику,
Где тя смерть знайшла?»—
«Знайшла мене ой смертенька
Въ чужо̂й сторонѣ,
Май же, сестро, обачѣньє
На дѣти мои!»—
Загорнувся джумаченько
У новый жупанъ:
«Волы мои зъ сѣмохъ возо̂въ,
Хто жь вамъ буде панъ!»
Скинувъ джумакъ новый жупанъ,
Загорнувъ кожухъ,
Припадае дъ сыро̂й землѣ,
Испускае духъ.
А вдарили джумакови
У великій дзво̂нъ,
А сходится, а зъѣздится,
Весь джумако̂въ ро̂дъ.
А спускаютъ джумаченька
Въ глубокі̂ долы,
Ой сходится ро̂дъ до купы,
Впрягае волы.
Идутъ волы, йдутъ по волі̂,
Жäло̂бно рычутъ,
Свого пана господаря
Изъ гробу кличутъ.
Пріѣзжаютъ сѣрі̂ волы
Передъ ворота:
«Выйди, выйди, газдиненько,

Бо 'сь вже сирота!»
Выйшли, выйшла, газдиненька,
Зачäла плакати,
Свои волы, якъ соколы,
Стала проклинати.
«Не плачь, не плачь, газдиненько,
Не проклинай насъ:
Нема твого господаря,
Не буде и насъ!»

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

2.

(Иначе.)

Ой ѣздивъ джумакъ, ѣздивъ,
Семь лѣтъ по долахъ,
Та не мавъ вонъ придоньки
На своихъ волахъ.
Ой ѣхавъ вонъ, ѣхавъ, ѣхавъ,
На долинѣ ставъ,
Волы му ся поболѣли,
Самъ джумакъ заслабъ.
Ой заслабъ вонъ, заслабъ,
Тяженько лежитъ,
Нихто го ся не спытае,
Що его болитъ.
Ой болитъ его, болитъ,
Серце, голова:
«О Господи милосердный,
Чужа сторона!
Чужа, чужа, сторона,
Та чужіи люде,
Хто джумака поховае,
Якъ ему смерть буде?»
Ой приходитъ дъ нёму
Атаманъ его,

Та взявъ го ся та пытати.
Що болитъ его:
«Ой ты пане мой!
Ты атаманъ мой?
Заберн ся всѣ волоньки.
Дай рады нешъ!»—
«Ой радъ бы я, радъ,
Та волонѣки взятн.
Лишe тн ся не подойму
Радоньки дати.»
Ой уставъ джумакъ, уставъ.
Вгорнувся въ жупанъ:
«Волы жъ сѣроласты
Хто жъ вамъ буде панъ?»
Ой уставъ джумакъ уставъ,
Вгорнувся въ кожухъ,
Подивився долѣвъ собовъ.
Спустивъ джумакъ духъ.
А въ недѣлю рано, рано.
Ударили въ звонъ,
Позъѣздився, посходився
Всей джумака родъ.
Найстарша сестра,
Навпередъ прійшла:
«Джумачику, мой братчику,
Де жъ та смерть знайшла?»
Приходитъ и дъ нему
Та найстаршій братъ
«Джумачику, мой братчику,
Яжъ тому не радъ!»
Идутъ волоньки, идутъ,
Идутъ рычучи:
«Хто насъ буде дозиратн,
Въ дорозѣ йдучи?»
Идутъ волоньки, идутъ,
Въ золотомъ ярмѣ:
«Лишилисьмо свого газду
Въ чужой сторонѣ.»

Идутъ волоньки, идутъ
Стали въ ворота:
«Выйди, выйди, господине,
Вже газды нема!»—
«Волѣла я, волы мои,
Васъ всѣхъ полупити,
Нѣжъ есте вы мали тамки
Та газду лишити.»—
«Ой ты газдине наша
Не проклинай насъ:
Нема твого господаря
Не буде и насъ!»

3.

(То же, но иначе.)

Ой поѣхавъ джумаченько
У дорогу самъ,
Стала му ся пригодонька,
Въ дорозѣ заслабъ.
Заслабъ же вонъ, заслабъ,
Тяженько лежитъ,
Нихто ся го не спытае,
Що его болитъ.
А прійшовъ же до нѣго
Товаришъ его,
Та взявъ его за рученьку,
Жалуе его:
«Товарише, товарише,
Не жалуй мене!
Забери си усѣ грошй,
Но ратуй мене!
Якъ тыхъ грошей ти не стане,
Возьми сй волы,
Но не дай ми загинути
Въ чужой сторонѣ!»

Ударили во всѣ зво́ны,
Ударили въ зво́нъ,
Чи не тому джумакови,
Що до дому хтѣвъ?
А сбѣглися джумаченьки
Та по́дъ могилочку,
Выконали гро́бъ глыбокій
За годиночку.
Зарычали сѣры волы
Въ золото́мъ ярмѣ:
Поховали джумаченька
Въ чужо́й сторонѣ.

4.

(I, 177; ср. Макс. 1834, стр. 177.)

Гей чумаче, чумаче!
Чомъ не рано зъ Крыму йдешь?
Чомъ не рано зъ Крыму йдешь?
Всѣхъ чумако́въ не ведешь?
«Ой я рано зъ Крыму йду,
Всѣхъ чумаченько́въ веду,
Нема лише одного,
Брата мого ро́дного.
Шукавъ, шукавъ, не знайшовъ,
Взявъ заплату, та й по́шовъ;
Шукавъ, шукавъ, не знайшовъ,
Запрёгъ волы, та й по́шовъ.»—
«Атамане, батьку нашъ,
Порадь теперь хоть ты насъ,
Що матимемъ робити,
Ой чимъ воло́въ кормити?»—
«Ой ще, хлопцѝ, не бѣда,
Бо е въ полю лобода:
Косѣть, ломѣть, лободу,
Забувайте на бѣду!»

(Изъ Буковины.)

5.

(Паул. II, 72.)

Пôшовъ чумáкъ а въ дорогу,
За нимъ жéнка у погоню,
Возы завертае,
Волы выпрягае,
И серденькомъ называе:

* *
*

«Вернися, чумаче, до дому,
Вернися, серце, до дому,
Отецъ, мати, лае,
И проклинае,
Таки тобѣ хвортуна не служитъ.»—

* *
*

«Ой коли бъ ты добра була,
То бъ ты дома сидѣла,
Недѣлоньку чтила,
Пятницу постила,
Тобъ мéнѣ хвортуна послужила!»

* *
*

«Ой пôду я на гороньку,
А гляну я въ долиноньку:
Ажь тамъ двѣ калинй,
Стоятъ у долинѣ,
Ажъ до землй гôлье гнется.

*
* *

Ой пôду я по надъ море,
Жовтый пѣсокъ ноги коле:
Єдна ледащина,
Єдна ледащина,
И та зъ мене кпится!»

6.

(Т. I, 178.)

Ой я чумакъ несчасливый,
Ходжу съ журбы ледво живый.
Самъ не знаю, що чинити,
Якъ бы ту на свѣтѣ жити.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Волы мѣнѣ поздыхали,
Вóзъ и ярма поломали,
Я съ батогомъ ся зóстаю
Пóду съ бѣды посуляю:
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

И сокиру и назило
Що ся вóдъ воза лишило,
За горѣвку тобѣ даю,
Бо копѣйки вже не маю.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Або пóду утоплюся,
Або въ камѣнь розóбьюся,
Нехай люде о томъ знаютъ,
Якъ чумаки умираютъ.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пóшовъ чумакъ топитися
Чумачиха дивится:
«Стóй, чумаче, не топися,
Хочъ на дѣти подивися!

Гопцй! хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя въ поле жати,
Та й забула серпы взяти;
Серпы взяла, хлѣбъ забула,
Такый Гандзя дома була.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Наша Гандзя добре жне,
Въ руки серпа не вôзме;
А за Гандзёвъ густый снôпъ,
Чтыре Дяки, пятый Пôпъ.
Гопцй, хлопцô, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя по бураки,
А за нею всѣ двораки,
А Поповичъ изъ переду:
«Чекай, Гандзю, куплю меду!»
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя по петрушку,
Надыбала щебетюшку,
Щебетюшка щебетала,
Гандзѣ спати не давала.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

7.

(I, 180; Метл. 463—464.)

Нема въ свѣтѣ такъ никому
Якъ бурлаку молодому.
Гей, гей, якъ бурлаку молодому!

* * *

Бурлакъ ходитъ, работае,
А спочинку ничь не мае.
Гей, гей, а спочинку ничь не мае!

* * *

Идетъ бурлакъ изъ наницины,
«Дай вечерати, газдине.»
Гей, гей, дай вечерати, газдине!»—

* * *

«Лягай, бурлакъ, тако й спати,
Бо нема що вечерати.
Гей, гей, бо нема що вечерати.

* * *

До порога головами,
Вставай рано за волами,
Гей, гей, вставай рано за волами!»

* * *

Аще бурлакъ не здрѣмався,
А вже газда переспався:
Гей, гей, а вже газда переспався.

* * *

«Вставай, бурлакъ, волы гнати,
А въ часъ зъ поля повертати.
Гей, гей, а въ часъ зъ поля повертати!»

* * *

Ой вставъ бурлакъ, не вмывався,
За волами поквапляся,
Гей, гей, за волами поквапляся.

* *
*

Яромъ, яромъ, за товаромъ,
Оманцями за вôвцями,
Гей, гей, оманцями за вôвцями.

* *
*

Чорна хмара наступае,
Буйный вѣтрецъ повѣвае,
Гей, гей, буйный вѣтрецъ повѣвае;

* *
*

Дрôбный снѣжокъ притрясае,
Бурлакъ нôжки пôднимае,
Гей, гей, бурлакъ нôжки пôднимае;

* *
*

Бурлакъ нôжки пôднимае,
Свою неньку споминае:
Гей, гей, свою неньку споминае:

* *
*

«Ненько жь моя рôдненькая,
На що 'сь мене породила?
Гей, гей, на щось мене породила?

* *
*

По свѣтѣ 'сь мя износила,
Счастья, долѝ не впросила,
Гей, гей, счастья, долѝ не впрôсила!»

8.

(Иначе.)

Устань, дочко, устань, мати,
Дай бурлаку вечеряти,
Гей, гей, дай бурлаку вечеряти!

* * *

Дай бурлаку вечеряти,
По вечери лягай спати,
Гей, гей, по вечери лягай спати!

* * *

До порога головами,
А до стола та й ногами,
Гей, гей, а до стола та й ногами!»

* * *

Еще бурлакъ не вложився,
Вже господарь пробудився,
Гей, гей, вже господарь пробудився.

* * *

«Часъ бурлаку уставати,
На долину волы гнати,
Гей, гей, на долину волы гнати!»

* * *

Не чесався, не вмывався,
Не мавъ паса, не впасався,
Гей, гей, не мавъ паса не впасався;

* * *

Не мавъ паса, не впасався,
Не мавъ ходакъ, не взувся,
Гей, гей, не мавъ ходакъ, не взувався

10.

(Въ другихъ мѣстахъ такой конецъ:)

Подивився на долину,
На долину, на коршмину,
Гей, гей, на долину, на коршмину.

* *
*

Тамъ чумаки пьютъ, гуляютъ,
Волы, возы, пропиваютъ,
Гей, гей, волы, возы, пропиваютъ.

* *
*

На остатку ярма, снозы,
Обôльяли его слёзы,
Гей, гей, обôльяли его слёзы.

11.

(Паул. II, 73.)

Пора приходитъ по счастью тужити:
Же свѣтъ великій, а мнѣ нѣгде жити;
Куда тôлько я пôйду,
Нѣгде счастьа не знайду,
Все бѣда кругомъ!

* *
*

Ба, чи е въ свѣтѣ такôй человѣкъ,
Якъ я мѣзерный черезъ весь мôй вѣкъ?
Єдну мину, десять бѣдъ,
Всѣ за мною идутъ въ слѣдъ,
И бѣда кругомъ!

Тамъ тôлько добре, тамъ счасливый свѣтъ,
Тамъ люди добрй, де мене нѣтъ;
Куды тôлько повернуся,
Нйгде съ лихомъ не минуся,
Бѣдный человѣкъ!

* *
*

Рѣкою нашому то счастье плыне,
Вродившися въ счастью, такъ и сгине:
А я счастья не зыскавъ,
Якъ на свѣтѣ жити ставъ,
Тôлько одинъ вѣкъ!

* *
*

Отъ теперь зачну я, мйзерный, казати:
Все утѣкае вôдъ моеи хаты;
Съ счастьёмъ по грибки ходити,
Съ счастьёмъ по рыбки бродити,
Безъ счастья нйщо!

Єще до дня три годинѝ,
Бурлакъ съ волы на долинѣ,
Гей, гей, бурлакъ съ волы на долинѣ;

* * *

Дробенъ дождикъ покрапляе,
Бѣлый снѣжокъ потрясае,
Гей, гей, бѣлый снѣжокъ потрясае.

* * *

Бѣлый снѣжокъ потрясае,
Бурлакъ нóжки пóдношае.
Гей, гей, бурлакъ нóжки пóдношае.

* * *

Бурлакъ ножки пóдношае,
Свою мати споминае,
Гей, гей, свою мати споманае:

* * *

Мати жь моя чорнобрóва,
На що жь мене породила?
Гей, гей, на що жь мене породила?

* * *

Єдного 'сь мня сына мала,
Бурлакомъ есь мня назвала,
Гей, гей, бурлакомъ есь мня назвала.

* * *

По надъ рѣчку 'сь мня носила,
Чому 'сь мене не втопила?
Гей, гей, чому 'сь мене не втопила?» —

* * *

«Де жь ты, бурлакъ, забавився,
По колѣна заросився?
Гей, гей, по колѣна заросився?»—

«Облогами за волами,
А шуваромъ за товаромъ,
Гей, гей, а шуваромъ за товаромъ:

* *
*

Манôвцями за вôвцями,
Манôвцями за вôвцями,
Гей, гей, манôвцями за вôвцями.»—

* *
*

«Не ходивъ ты за волами,
Але 'сь ходивъ за гульками,
Гей, гей, але 'сь ходивъ за гульками:

* *
*

Не ходивъ 'есь за вôвцями,
Але за молодицями,
Гей, гей, але за молодицями.»—

9.

(Еще иначе.)

Бурлакъ робитъ и працуе,
Кажутъ люде, що марнуе.
Идеть бурлакъ изъ панщины:
«Давай, жёнко, вечеряти,
Бо вже бурлакъ иде спати,
Треба спати, не дремати.
А ще наймитъ не вбернувся,
Газда уставъ и обувся;
Уставъ бурлакъ, це вмывався,
Не було въ що, не вдѣвався,
Иди, Бурлакъ волы гнати. и т. д.

2.

(Т. I, стр. 135.)

А въ лузѣ калина
Весь лугъ прикрасила:
Породила бѣдна вдова
На жовняра сына.
Якъ го породжала,
То го научала:
«Будешь, сыну, въ дорозѣ,
Не забувай о Бозѣ!»
Доки жовняръ не пивъ,
То му Богъ годивъ,
А въ походахъ, а въ замыслахъ,
Все войско побѣдивъ.
Зачавъ жовняръ пити,
Зачавъ гайновати,
Зачалася жовнярева
Мошонка вменшати.
Плаче жовняръ, плаче,
Каскетъ въ рукахъ носитъ,
Своей неньки старенькои,
Прощенія проситъ:
«Простить мене, мати,
У твôй слѣдъ вступати:
Поки буду не забуду
О Бозѣ забувати!»
Плаче жовняръ, плаче,
Чорными очима,
Вже вечера бай готова,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ чужôмъ краю вмерти,
Та нй кому доглянути,
Воянцкои смерти.
Воронъ залѣтае,
Въ очко заглядае,

Бѣле тѣло обозёбуе,
Кости розношае,
Кобы мати знала,
Ладно бъ поховала;
Та ладно бы поховала,
Звоны понаймала.
Кобы мати знала,
То бъ службы наймала,
Добрыхъ людій, та сусѣдôвъ,
На обѣдъ спрошала.»

3.

(Иначе.)

Ой у лузѣ, лузѣ, зацвила калина:
Породила мати сына, сына жовнярина:
Якъ го породила, та й вôдгодовала,
Якъ выховала, на вôйну го дала.
Якъ го выправляла, та й наказувала:
«Ой якъ будешь у дорозѣ, не забувай въ Бозѣ!»
Доки жовняръ не пивъ, та Бога хваливъ,
У походахъ, у замыслахъ, все вôйсько побѣдивъ:
А взявъ жовняръ пити, въ Бозѣ забувати,
Узявъ ёму Панъ Небесный счастья унимати.
Плаче жовняръ, плаче, шапку въ рукахъ носитъ,
Своёй неньки старенькои жалôбненько проситъ:
«Казала 'мь ти, сыну, мое любе дитя,
Хто не слуха матёнонки, таке ёго житя!»

ДУМЫ

д) Воинскія и рекрутскія.

1.

(Т. I, 134.)

А въ лузѣ калина
Всей лугъ прикрасила:
Выряджа ıа бѣдна вдова
Сына жомнярина.
А якъ его выряджала,
То и его научала:
«Будешь, сыну, въ дорозѣ,
Не забувай о Бозѣ!»
Поки жомнѣрь не пивъ,
Господь ему счастивъ,
А въ замыслахъ, а въ походахъ,
Все войско побѣдивъ.
Узявъ жомнѣръ пити,
Узявъ гейновати,
А жь ся взяла жомнѣрская
Фортуна зменьшати.
Ходитъ жомнѣръ, ходитъ,
Въ рукахъ чако носитъ,
Своей неньки старенькои,
Прощенія проситъ:
«Прощай мене, мати,
Въ той походъ ступати,
Абы мѣнѣ Богъ допомогъ,
Пруса звоювати!»
Плаче жомнѣръ, плаче,
Кровавыми слёзами,
Свою матку называе
Розными словами:

«Матко моя мила,
Доглянь, доглянь, худобоньки,
Доки будешь жила!»
Плаче жомнѣръ, плаче,
Чорными очима,
Же вечеря конецъ стола,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ чужóмъ краю вмерти,
А хто буде доглядати,
Жомнѣрскои смерти?
Ни отца, ни матки,
Никому жаловати,
А ни кому жомнѣрови,
Ранóвъ завивати.
Воронъ прилѣтае,
Смерти доглядае,
Бѣле тѣло обдзёбуе,
Кости розношае.
Кобъ то наша матка знала,
Тобъ намъ раны завивала,
Тобъ намъ раны завивала,
Красненько бъ насъ поховала;
И дзвоны бъ намъ понаймала,
Жалóбненько заплакала,
Якъ зазулька закувала,
Якъ зазулька у садочку,
Такъ матёнка по сыночку,
Якъ зозуля у лѣщинѣ,
Такъ матёнка по дитинѣ,
Такъ матёнка по дитинѣ!»

(Отъ слѣпаго лирника Ѳомы Зеленюка въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

4.

(Еще плаче.)

Ой у лузѣ калина
Весь лугъ прикрасила:
Породила мати сына,
Сына жовнярина:
Якъ го породила,
Та го научала:
«Ой якъ будешь, сыну,
Въ далекой дорозѣ,
Не забувай, сыну,
Николи о Бозѣ!»
Поки жовнеръ не пивъ,
Пана Бога хваливъ,
А якъ пѣшовъ до побою,
Все войско побѣдивъ.
Якъ взявъ жовнеръ пити,
Взявъ ся напивати,
Не хотѣвъ му самъ Господь Богъ
До помоги стати.
Ходитъ жовнеръ, ходитъ,
Шапку въ рукахъ носитъ,
Своей неньки старенькои
Прощенія проситъ.
Плаче жовнеръ, плаче,
Съ чорными бровами:
«Будь здорова, родинонько,
Вже не буду съ вами!»
Плаче жовнеръ, плаче
Чорными очима,
Вже вечера готовая,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ воянщинѣ вмерти,
А хто дождитъ, хто побачитъ,
Воянскои смерти?

Воронъ залѣтае,
Въ очи заглядае,
Бѣле тѣло роздзёбуе,
Кости розношае!»

5.

Стоитъ жовняръ на могилѣ.
Креше огню до шабелй,
Сухй лозы пôдпаляє
Свои раны розгрѣвае:
«Мои раны сѣканыи,
Стрѣляныи, рубаныи!
Сѣканыи—то ся зôйдутъ,
Стрѣляныи—къ серцю дôйдутъ!
Ты вороный, рôдный, брате,
Дай до моей неньки знати:
Не кажи ёй, що вбитъ лежу,
Ино кажи, въ Крôля служу,
Въ Крôля служитъ. самъ крулюе,
На могилѣ нôчь ночуе.
Та могила труповая,
Тече рѣчка кирвавая,
Надъ рѣчкою воронъ краче,
Ой за сыномъ мати плаче:
«Не плачь, мати, и не тужи,
Не порубанный я дуже:
Головонька на четверо,
А нôженьки на шестеро,
Бѣлй пальцй на кавалцй,
А рученьки на штученьки!»

6.

Червона калино, чого въ лузѣ стоишь? гей, гей!
Чи ягôдъ жалуешь, чи ся вѣтру боишь?»—
«Ягôдъ не жалую, вѣтру ся не бою,
Я стою, думаю, що чинити маю:
Три ночцѝ не спала 'мь, листоньки писала,
До мого милого, що 'мь вѣрно кохала.
Милый листъ доставши, и перечитавши,
Тяженько вздохнувши, коханья згаднувши.»
Гей, тамъ жовнѣрочокъ по рыночку ходитъ,
Пана Капитана усердно ся проситъ:
«Пусти мене, пане, изъ гôръ на Подôлья,
Моя мила хора, завезу ёй зѣлья!»—
«Ой ты жовнѣрочку, що ты си гадаешь,
Ту дѣвчата краснѝ, ты ся тамъ вертаешь.»—
«Якъ ся не вертати, она сиротина,
Ой мôй милый Боже, за мновъ затужила!»

7.

(T. I, 104.)

Калино, малино, голова болѣла,
Голова болѣла, свѣту не видѣла,
Листъ написала, и на почту слала,
До того жовнѣра, що вѣрне кохала.
А жовнѣръ взявши, листъ перечитавши,
Коханье сгадавши, сердечне заплакавши:
«Пане, ты мôй пане, пане Капитане,
Пусти мене до домъ, хоть есмь заволаный!
Пусти мене, пане, пане Капитане,
До тои дѣвчины, котра сына маe».—
«Хлопче, ты мôй хлопче, якій 'сь ми вѣрненькій?
Де жь ты сына маешь, такій молôденькій?»
Прійшовъ вôнъ до дому, дѣвчина хоруe,
Припавъ до лôжечка, ноженьки цѣлуe:

«Цѣловала бы тя зимая година,
Вóдреклася мене вся моя родина
Вóдрéкся и отець, вóдреклася мати.
Черезъ тебе, жовнѣру, треба умирати.» —
«Стóй, дѣвчинонько! Госпóдь Богъ съ тобою,
Якъ ся выторгнешь, возьму слюбъ съ тобою.» —
А дѣвчина встала, якъ не горовала.
Своего жовнѣра та й поцѣловала:
«Óй знаю я, знаю, якъ жовнѣръ бѣдуе,
Хоть зима година, жовнѣръ мандруе.»

8.

Т. I, 105.

«Червона калино.
Чомъ ты въ лузѣ стоишь?
Цы ся сýшу боишь,
Цы ягóдъ жалуешь!» —
«Сýшу ся не бою,
Ягóдъ не жалую,
Но стою, думаю,
Якъ зацвѣсти маю.
Зацвѣту бѣленько,
Люде мене знаютъ;
Зацвѣту червоно,
Гóльс обломляютъ.» —

* * *

«Молода дѣвчино,
Що ты смутна ходишь?
Цы головка больна,
Цы нóчка невольна?» —
«Нóчка ми невольна,
И головка больна,
Три ночи не спала,
Дрóбный листъ писала;
Писала, писала,
И на почту слала.

До того жовняра,
Що 'мь вѣрне кохала.
Жовнеръ взявъ листокъ,
Та й перечитавши,
До Бога вздохнувши,
И не отписавши.»—
Въ вишневомъ садочку
Жовнѣръ траву коситъ,
Пана Капитана
На урлопъ ся проситъ:
Пане Капитане,
Пусти мня до дому!
Пише дѣвча листы,
Причина зо мною.»—
«Молодой жовняре!
Глупый розумъ маешь,
Же ся до чужои
Причины пріймаешь.»—
«Пане Капитане,
Я клякну, присягну,
Же моя причина
И моя дѣвчина.
Пише дѣвча листы:
Давъ ми панъ Богъ сына.»
Прійшовъ я до дому,
Не казавши ни кому,
Дѣвчина лежитъ,
Свѣченька горитъ,
Припавъ до личенька,
Припавъ до бѣленька,
Въ личенько цѣлус,
Горне, обоймае.»
«Щобъ тя цѣловала
Лихая година,
Отрѣкъ ми ся панъ Богъ
И вся родина!» —
«Дѣвчино, дѣвчино,

Госпо̂дь Богъ съ тобою!
Якъ выслужу въ войску
Возьму слюбъ съ тобою!»

9.

(Отрывокъ.)

Упавъ снѣжовъ межи горы,
Та й рѣчки прибули:
Уже мого миленького
Въ черевички взулы;
Взули, взули, въ черевички,
Сиву барву дали,
Кучерики поро̂внали,
На войну погнали.
Ишовъ милый коло мене,
Та й не рѐкъ ни слова,
Тяжко вздохнувъ, хустоковъ махнувъ:
«Будь, мила, здорова!»

10.

(Отрывокъ. Т. I, 101.)

Въ чисто̂мъ поли береза стояла,
На березѣ зазуля ковала:
«Чомъ, береза, бѣла, не зелена?»—
«Якъ я маю зелена бути,
По̂до мною стояли рекруты,
Шабельками го̀лье обтинали,
До Маіора дро̂бный листъ писали:
«Ты, Маіоре пане, ты нашъ Капитане,
Пусти насъ въ лѣсъ за Ляшками!
Бо то Ляшки здрадливыи люди:
Здрадили Цѣсаря, шибеница буде.»

11.

(Отрывокъ. Паул. II, 46).

Ой на горѣ вѣтеръ вѣє,
Подолянка рутку сѣе,
Сѣе, сѣе, высѣвае,
Братъ сестру обо̂ймае,
Обіймае не чужую:
«Дай ми личко, поцѣлую,
Поцѣлую, помилую,
И до во̂йська повандрую!»

12.

(Т. I; ср. Метл. 449.)

Чорна хмара наступае,
Дро̂бный дощикъ йде:
Ой а бѣдный жовнярина
Ту зброю несе.
«Позволь, позволь, пане капраль,
На медъ, вино по̂йти!»
Ой позволивъ та панъ капраль
На медъ, вино йти.
Котры мають отця, матку,
Тоти въ корчмѣ пьютъ,
А бѣдныи сиротоньки
На дощи стоютъ.
Якъ заглянувъ панъ капраль,
Та стало му жаль,
Скинувъ съ себе курманину,
Надъ ними розпнявъ.
Якъ же взяли жовнѣроньки
Изъ тои нудности:
«Берѣтъ кварту, берѣтъ другу,
Изъ тои радости!»
Сидитъ багачъ конецъ стола.

Тай поглядався:
«За що тая голотонька
Та напивався!»
Якъ же крикнувъ самъ панъ капралъ
На жовнѣра вразъ:
«Беретъ, беретъ, багатчика
Зъ за стола заразъ!»
Єденъ тягне за чуприну,
А другій въ каркъ бье:
«Най ся багачъ не дивує,
Що голота пье!»
Выйшовъ багачъ по за-село,
Та й не оглядався,
Десятому наказовавъ,
Щобъ не сміявся.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

13.

Выправила мати сына горовъ, гребельками.
Не видѣла дороженьки передъ слѣзоньками;
Выправила мати сына на вôйну раненько.
Сѣла собѣ пôдъ вôконце, плаче жалôбненько:
«Обернися, воронъ коню, три разы по сонцѣ,
Най не плаче стара ненька раненько въ вôконцѣ!»

14.

Ой у лѣсѣ на дубочку зазуля ковала,
Тамъ у саду у вишневôмъ мати заплакала:
Не такъ она заплакала, якъ заговорила,
Выправляла на вôйноньку рôдненького сына:
«Иди, сыну, на вôйноньку, та й не забавляйся,
За пôвъ року, за три чверти, до дому вертайся!»—
«Цы ся верну, цы не верну, або тамъ загину,
Скажу я си посадити въ головахъ калину;

Будутъ пташки прилѣтати, та калину ѣсти,
Будутъ мѣнѣ приносити отъ матѣнки вѣсти.
Будутъ вѣсти приносити о першой годинѣ,
Поклонюся всему свѣту и своей родинѣ!»

15.

Ой зазукала сива зазулейка
Въ зеленомъ садочку,
Выпровожала стара матѣнейка
Свого сынка на войночку.—

* * *

«Ой иди, сынойку, на тую войнойку:
Та не забавляйся,
За рочокъ, за два, за недѣль чотыре,
До дому повертайся!»—

* * *

«Ой Богъ то знае, Богъ то вѣдае,
Ой чи я вже повернусь;
Ой чогось мой коникъ, коникъ вороненькій,
Въ воротейкахъ спотыкнувсь!»—

* * *

«Ой не бій, сыну, коня въ головойку,
Не буде ся спотыкавъ;
Ой не здрадь, не здрадь, людской дитины,
Не буде тя Богъ каравъ.»—

* * *

«Ой не бивъ же я коня въ головойку
Таки ся вонъ спотыкавъ,
Ой не здрадивъ я людской дитины,
Чого жь мене Богъ скаравъ!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

16.

(T. I., 134, 135.)

Ой у лузѣ при дубровѣ зацвѣла калина:
Породила бѣдна вдова хорошого сына;
Якъ же ёго породила темненькои ночи,
Дала ёму бѣле тѣло а черненьки очи.
Волѣла 'сь ми, моя мати, чорне тѣло дати,
«Нёжь есь мала на жовняра мене записати!» —
«Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде:
Выбирайся, вдовинъ сыну, завтра походъ прійде!» —
«Я морозу не боюся, Марта розо́вьюся,
Я похода не боюся, въ сво́й часъ выберуся.»
Гаёмъ, коню, гаёмъ, коню, гаёмъ зелененькимъ!»
Выѣжджае во́дъ родины жовняръ молоденькій;
На коника выхопився, съ коня похилився́:
«Прощайте ми, ро́дны братья, можемъ съ кѣмъ сварився!
Покропляйте дороженьку, бы ся не курила,
Перекажѣть до матоньки, бы ся не журила!
Розвѣвайся, сухій дубе, та въ четыре листы:
Любивъ же я двѣ дѣвчины, не мавъ зъ нихъ корысти;
Єдну 'мь любивъ на Волынѣ, другу на Вкраинѣ,
Роскраяли серце мое на двѣ половинѣ!»

17.

I, 134, 135; Паул. II, 49.)

Ходитъ Михась по садочку, на сопѣлцѣ грае,
Ходитъ за нимъ дѣвчинонька, тяженько вздыхае:
«Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде!
Выбирайся, Михасеньку, завтра походъ буде!» —
«Я морозу не боюся, листьемъ покрыюся,
Я походу не боюся, въ сей часъ выберуся!
Гаёмъ, коню, гаёмъ, коню, гаёмъ зелененькимъ!
Выѣзджае зъ того села хлопець молоденькій·
Выѣзджае за ворота, зъ коня похилився:

«Выбачай ми, громадонько, може 'мь съ кѣмъ сварився!
Покропѣть ми дороженьку, щобъ ся не курила,
Розбивайте тугу милôй, щобъ ся не журила!
Ой не жаль ми дороженьки, що ся за мновъ кýритъ,
Ой якъ ми жаль дѣвчиноньки, що сь за мновъ журитъ.
Розвивайся, сухій дубе, та на чтыри листы:
Уродився я въ тôмъ селѣ, а не мавъ корысти;
У тôмъ селѣ уродився, теперь на Вкраинѣ,
Роздвоене мое серце на двѣ половинѣ!»

18.

(Паул. II, 47.)

Въ славнôмъ мѣстѣ Залѣщикахъ высока могила:
Ой не една выглядае мати свого сына:
«Ой нема жь мого сына, не мажь мого пана,
А вже жь ёго постѣлонька порохомъ припала!»
Чорненькіи воронята, пôднесѣться въ гору!
Вы, молодй новобранцй, вернѣться до дому!» —
«Рады бы 'сьмы ся въ гору взнесли, туманъ полегае,
Рады бы 'сьмы ся вернути, Цѣсарь не пускае;
Не пускае, не пускае, добру здобычь мае,
Сидитъ собѣ на креселку, на скрипочкахъ грае;
А скрипочки зъ василечка, а струны изъ руты,
Якъ заграе въ Тернополѣ, на всю Польщу чути.»

19.

(Отрывокъ.)

Въ Залѣщикахъ на рыночку малёваный ганокъ:
«Выйди, ненько, подивися, зъ твого сына панокъ!»
Выйшла ненька, выйшла ненька, та й стала, та й тужить:
«Нема мого сынка Йванка, южь въ Цѣсяря служитъ!»

20.

(Паул. II, 40.)

За горовъ высоковъ сивый кôнь розигрався,
Такъ Ивасенько, молодый Козакъ, на вôйну выбирався,
А ёго ненька, а ёго ненька, та ёго обыймае:
Обыймае, припадае, та й ёго пытае:
«Коли ся, мôй сыноньку, зъ вôйны надѣяти,
И съ которои стороны тебе вызирати?» —
«Якъ задзвонятъ, моя мати, на свято Николы,
Не сподѣйся, моя мати, новобранця нѣколи!
Або ся верну, або ся не верну, може тамо й сгину,
Прійми, мати моя, Ганусю за рôдну дитину!» —
«А що тобѣ, мôй сыну, за година настала,
Що тобѣ чужа чужина до серця пристала!»
Ой Цѣсарскіи три жôвняры дали до Турчина знати,
Щобы Ивасеви молодому зъ плеч голову зняти.
Повели Ивася въ чистее поле съ голыми мечами,
Зняли Ивасеви зъ плечій голову пôдъ трёна яворами.

21.

(Т. I, 173—174.)

Мати сына лелѣяла,
Утѣхи ся надѣяла:
«Хочь ми лелѣй, хочь не лелѣй,
Утѣхи ся ничь не надѣй!
Сли я взросту, въ вôйну пôду,
А сли умру, гнити буду!»
Ой не умеръ, ино изросъ,
Ой не умеръ, ино изросъ,
Взявся въ вôйну выбирати,
Взяла мати проклинати:
«Бодай 'сь, сыну, не доѣхавъ,

Жебы 'сь, сыну, счастья не мавъ,
А нѝ счастья, а нѝ доли,
Ни годины веселои!»
Ой выѣхавъ въ чисте поле,
Ставъ му коникъ горонькою,
Сѣдланенько купиною,
А нагайка гадиною,
А самъ молодъ яворонькомъ;
Выйшла мати жито жати,
Взявъ ей дощикъ накропляти,
Стала она пòдъ яворомъ,
А взявъ яворъ промовляти:
«Не стòй, мати, пòдъ яворомъ,
Бо жь то яворъ твòй сыноньке!»—
«Ой коли жь мòй сыноньку,
То иди ты до домоньку;
Йди, сыноньку, до домоньку,
Вшіютъ сестры кошуленьку!» —
«Ой е въ мене кошуленька,
На яворѣ е листонько!» —
«Иди, сыну, до домоньку,
Змыю я ти головоньку!»—
«Иде въ полю дробенъ дощикъ,
Змые мѐнѣ головоньку.»—
«Иди, сыну, до домоньку,
Вшіютъ кравцѝ сукмаоньку!» —
«Ой е въ мене сукманька,
На яворѣ коринька!»

22.

Заковала сива зазуленька
Въ лѣсѣ надъ водою:
Плаче, тужитъ, жовняръ молоденькій
На конику вороному.

А въ недѣлю рано, раненько.
Якъ стало свѣтати,
Позъѣжджалася вся родина
Жовняренька выправляти.

* *
*

Выправляла ёго въ далеку дорогу.
Межи чужій люди:
«Якъ же вôнъ пôде, до насъ не мрійде,
То жаль за нимъ буде!»

* *
*

Сѣла мати, сѣла старенькая,
Въ сѣнёхъ на порозѣ,
Якъ си погадала, що сына отдала,
Обольяли ю дрôбны слёзы:

* *
*

«Волѣла бы 'сь мя, моя стара мати,
Маленькимъ втопити.
Нёжь я маю, такій молоденькій,
Цѣсареви служити!

* *
*

Волѣла бы 'сь мя, моя стара мати,
Малымъ поховати,
Нёжь я маю, такій молоденькій,
По сто кіёвъ на день брати!»

23.

(Т. I, 96.)

«Ты, Ивасю зъ надъ Дунаю,
Що тамъ чути въ вашôмъ краю?»—
«Ничь не чути, войну чути:

Идутъ Ляхи на три шляхи,
А жовнѣры на чотыри,
Гранатыри горнутъ крылы;
На тôй горѣ кôнь Турецькій,
На нѣмъ сидитъ сынъ Крôлевскій,
Въ правôй руцѣ лукъ тримае,
А зъ лѣвой ся кровь зливае;
На тôй крови воронъ краче,
А по сыну мати плаче:
«Не плачь, мати, та й не дуже,
Не бувъ я ще въ вôйнѣ дуже!»

24.

Ой у Львовѣ на рыночку
Пьютъ жовнѣры горѣлочку,
Ой пьютъ они, попивають,
Съ собовъ дѣвче намавляють:
«Всѣдай, всѣдай, дѣвче съ нами,
Съ молодыми жовнярами!» —
«Не буду я съ вами всѣдати,
Не позволитъ отець, мати.»
Дурне дѣвче послухало,
Всѣло на вôзъ, поѣхало,
Ѣде нôчку и другую,
А на третью треба спати,
Кониченькôвъ попасати,
До батенька листъ писати,
Най ся батько не журбуе,
И посагу не готуе,
Ой бо я вже посагъ брала,
Пôдъ яворомъ зеленькимъ,
Изъ жовнѣромъ молоденькимъ.

25.

(I, 145; Паул. II, 51.)

Вандрували вуланчики, счастлива имъ дорога!
«Бувай же ми, моя мила дѣвчинонько, здорова!»
«Чомъ ты мене, моя мати, раньше не будила,
Коли тая компанія зъ села выходила?» —
«Чи ты менѣ, моя доню, нынѣ одурѣла,
Що ты того вуланчика теперь полюбила?»
Спускалися вуланчики зъ горы на долину:
«Подивися, дѣвчинонько, въ новую кватыру!»
Ой летѣла зазуленька, та й казала: куку!
«Подай, подай, дѣвчинонько, безъ віконце руку!
Ой летѣла калинка нестрѣлена зъ лука:
А вже жь менѣ, дѣвчинонько, съ тобою розлука!»

26.

(Пауд. II, [illegible])

Ой не шуми, дубровонько,
Ой не шуми, зелена,
Бо ту[illegible]
[illegible]

«Бувай, менѣ, мамо, здорова!» —
«Счаслива ти, сыну, дорога!»
Зъ Золочева ажь до Львова,
А зо̂ Львова ажь до Вѣдня,
Головонько жь моя бѣдна!
Въ Львовѣ будете присягати,
Головы вамъ будутъ обстригати;
Цѣсарови будете служити,
А за родомъ не тужити!

27.

(I, 142; Паул. II, 61.)

Зо̂йшовъ мѣсяць и зоря,
Кличутъ Во̂йта до двора:
Иде Сотникъ, иде Во̂йтъ,
Та й съ громады чоловѣкъ;
Взяли раду радити,
Якъ рекруто̂въ ловити.
Я ночовавъ въ дубинѣ,
Не чувъ емь въ то̂й новинѣ;
Дала сестра брату знати:
«Будутъ до рекруто̂въ брати!»
А я на то не зважавъ,
По малу ся обувавъ,
Отворивъ я кватыру—
Обступили хатину;
А я зъ хаты до коморы,
А зъ коморы до стодолы,
По̂дхопивъ емь жита сно̂пъ,
Сховавъ емь ся на самъ спо̂дъ.
Ой приходитъ самъ панъ Во̂йтъ,
Узявъ зъ мене жита сно̂пъ:
«Вставай во̂дти, коханку!
Потребуютъ до замку;
Атаманы, берѣте!

Назадъ руки вяжѣте!»
Атаманы пôрвали.
Назадъ руки звязали:
Ведутъ мене чрезъ село.
Спѣваю си весело:
Завели мя пôдъ браму:
«Чекай, Вôйте, най стану.
Най си руки поправлю.
Отцю, матцѣ поклонюсь!»
Вôйтъ ся того догадавъ.
Чтыри людей варты давъ.
Выходятъ старй жовнѣры.
Берутъ мене до мѣры:
Ще 'мь до мѣры не дôставъ.
Уже 'мь ся тамъ та й зôставъ.
Даютъ менѣ камашй,—
Заплакали всѣ нашй:
Даютъ менѣ катанки —
Заплакали коханки.
Даютъ менѣ капелюхъ,—
Тото я си жовнѣръ зухъ!
А карабйнъ нэ плаче.
Теперь жовнѣръ не втече!

28.

(Т. I, 142. 144.

Ой сталася новина,
Кличутъ Вôйта до двора:
Взяли раду радити,
Где бы бранця узяти.
Ой е въ вдовы одинъ сынъ,
Буде жовняръ вдовинъ сынъ.
Дала мêнѣ сестра знать:
«Тêкай, тêкай, рôдный братъ!»

Я на тое не вважавъ,
По малу 'мь ся убиравъ;
Поливлюся въ кватырку—
Повно Ляхôвъ на рынку.
Єдинъ чобôтъ на нозѣ,
Ой а другôй у руцѣ,
Ой скочивъ я въ комору,
А съ коморы въ студолу,
Пôдоймивъ я житній снôпъ,
Сховавъ я ся на самъ спôдъ,
А Вôйтъ мене за плече:
«Вже вдовій сынъ не втече!»
Ведутъ мене до двора,
Уже фôра готова.
Гдесь взяли ся й жовнѣры,
Кладутъ мене до мѣры,
Дають мѣнѣ черевикъ,
Я до того не навыкъ;
Дають мѣнѣ камашй,
Плачутъ, плачутъ, всѣ нашй;
Дають мѣнѣ катанки—
Плачутъ мои коханки;
Дають мѣнѣ гребенець—
Плаче мати и отець;
Дали шаблю та й коня:
«Рушай, жовнѣръ, до огня!»

29.

(Отрывокъ.)

Черезъ гору Михайлову
Идутъ комйсары:
«Женѣтеся, ледѣники!
Берутъ у гусары.

* *

Хоть ся женѣтъ, хоть не женѣтъ,
Не поможе жёнка;
Однако нетъ выбивати,
Теляча тобôвка».

30.

(I, 148: Паул. II, 186.)

Въ Тернополѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцêвъ двѣстѣ;
А чѣмъ же ихъ звербовали?
Злотыхъ грошей даровали.

* *
*

Въ Тернополѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцêвъ двѣстѣ.
И коники, и писарѣ,
У уланы приставали.
Пристань Юрку, до вербунку,
Будешь ѣсти зъ масломъ курку.
Будешь ѣсти, будешь пити,
Будешь якъ панокъ ходити.

* *
*

Забувъ тата, забувъ маму,
А самъ пристань у уланы!
Тепер мусишь горевати,
Лише въ войску вандровати.

* *
*

А въ уланахъ даютъ гроши,
Будешь богатый, хорошій,
Будешь ѣсти, будешь пити,
И хороше въ чѣмъ ходити.

Утин паса на рамена,
Служитъ жовнѣръ за улана:
Кита бѣла, киверъ чорный,
Хлопець гожій и моторный!

31.

(Паул. II, 56.)

Въ тôмъ мѣстечку Калушу
Сидятъ паны рядами;
Стали раду радити,
Якъ бы бранця зловити:
«Не берѣмъ того багача,
Буде панамъ докучавъ;
Возмѣмь того сироту,
Позбудемся клопоту!
А нй батька, а нй мати,
Нема кому плакати,
А нй брата, а нй сестры,
Нема кому провести!»

32.

(Паул. II, 59.)

Ой весна, юже красна, юже красна, юже зô стрѣхъ капле,
Ой юже тобѣ, Козаченьку, вандровочка пахне!
Вандровавъ нôчку, другу, вандровавъ цѣлыхъ три днй,
Завандровавъ ажь до Рѣпнева, та на гôршіи злыднй.
А въ Суботоньку въ вечереньку до рекрутôвъ забрали,
А въ Недѣлоньку, по службѣ Божôй, до Бережанъ погнали.
Ой котрй були Отынёвскіи, тыи ся выкупляли,
А котрй були бѣдни сироты, тыми ся заступляли.
Ой летитъ воронъ вже по надъ Дунай, та й жалôбненько
краче:

Ой не єденъ отець, не єдна мати, за своимъ сыномъ плаче
Ой ступай, коню, ты пôдо мною на крôвавыи рѣки,
Бувай здорова, родино моя, пропавъ же я на вѣки!
Ой ступай, коню, ты пôдо мною на розбитую груду,
Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду!

33.

(T. I, 146.)

Ой у поли густый терень росте,
А тѣмъ терномъ вбита стежка иде:
Не такъ стежка, якъ вбитый шлячокъ,
Ѣхавъ нею Осударскій Ляшокъ:
За тимъ панкомъ сѣмь Маіорôвъ идутъ,
А за ними сивй конй женутъ,
А за кôньми новобранчики идутъ.
А зъ бокôвъ имъ тарабанчики бьютъ;
Ченька имъ позаплакованй,
Бѣлй лицй позамургованй,
Рученьки имъ позавязуванй,
Ноженьки имъ позаковуванй
А за ними отцй, матери, идутъ,
Тонкй бѣлй сорочки несутъ:
«Ой ты, сыну, тай дитино моя,
А где жъ ты свôй злотый перстень подѣвъ?»—
«Злотый перстень тарабанчикамъ давъ
Щобы вôнъ часъ ранесенько побуджавъ,
Та щобы намъ ладно маршъ выгрававъ.»—
«Ой ты, сыну, та й дитино моя,
А где жъ твоя любка, мила, дружина?»—
«Ой у поли тамъ высока могила,
Ой тамъ моя любка мила, дружина!»

34.

(T. I, 137.)

Ой я несчасливый на свѣтѣ народився,
Кôнь вороный, я молодый, и ще не женився!
Продай, матусенько, коня вороного,
Та ожени мене, пене, хлопця молодого!»—
«Не треба, сыноньку, коня продавати,
Пишутъ чорнымъ по бѣлому, хтятъ до вôйська взяти!»—
«Ой я, матусенько, вôйська не боюся,
Кôнь вороный, я молодый, зъ вôйська выслужуся.»
Ой на горѣ жито, жито, на долинѣ жито:
Подъ бѣлою березою тамъ жовняра вбито;
Ой убито, вбито, затягнено въ жито,
Чорненькою китаёчковъ личенько накрыто.
Ой выйшла дѣвчина изъ новои хати,
Пôдôймила китаёчку, взяла жаловати.
Ой выйшла другая, уже не такая,
Пôдôймила китаёчку, ревне заплакала:
«Ой встань, жовнярику, устань, молоденькій!
Ходитъ, блудитъ, по дубровѣ твôй кôнъ вороненькій!»—
«Ой най же вôнъ блудити, най ся выблуджае,
Вôнъ ло моёй матусеньки дороженьку знае!»

34.

Кровавая дороженька до самаго Вѣдня,
А ктожъ её покровавивъ?—Рекрутоньки бѣдни.
Не такъ Цѣсарь, не такъ Цѣсарь, якъ Цѣсарска мати,
Хтѣла нами, сиротами, Польщу звоёвати.
Ой скрипочки изъ липочки, а кôлочки зъ руты,
Якъ заграютъ а во Львовѣ, на всю Польщу чути.
А скрипочки изъ липочки, а струны зъ барвёнку,
Якъ заграютъ а во Львовѣ, чуги на Вкраинку.

35.

Ой служивъ я у Цѣсаря,
Заслужившъ на ласку:
Бѣлый ремѣнь черезъ плечи,
А на челѣ бляшку.

* *
*

Ой Цѣсарю, Цѣсареньку,
На що насъ вербуешь?
Ты не сѣешь, а ни жнешь,
Чимъ насъ выгодуешь?

* *
*

«Не бойтеся, поробочки,
Вы богати сыны,
Ой маю я за кордономъ
Чтыри магазины:

* *
*

Єдинъ сѣна, единъ сѣна,
А другой половы,
Третій вовса, третій вовса,
Четвыртый соломы.

* *
*

Буду я васъ годовати
Сѣномъ та полововъ,
А буду васъ высылати
Цѣсарсковъ дороговъ.»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

36.

Ой ковала ми зазулька въ Раховóмъ повѣтѣ:
Въ Коломыѣ одбираютъ якъ зимѣ, такъ лѣтѣ;
Въ Коломыѣ одбираютъ, до Вѣдня сгоняютъ,
А у Вѣднѣ на толоцѣ реймéнтъ сбиваютъ.
Та бо я тамъ бувъ два разы, ще й третій разъ буду,
За третій разъ якъ ся не здамъ, воякомъ не буду.
Кобы я Бога допросивъ, абы я здоровый,
Давъ бы Цѣсарь безъ крайцара ввесь мундуръ готовый;
А давъ бы бѣлый сердачокъ, та й голубй гачй,
Та й на пять день сороковца, ать статокъ, сараче!
Котрый тамъ бѣды не видѣвъ, гаразду не знав,
Сидитъ собѣ пóдъ касарнёвъ, гвéромъ обертав;
А я ходивъ того року, дививъ я ся зъ боку,
Такъ жовнярамъ крутя уха, якъ потакъ волоковъ;
А не за то имъ крутили, шо добре ходили,
Але за то имъ крутили, шо горѣвку пили.
Бо паны тимъ не требуютъ, шо охóчне ходитъ,
Бо вонъ пускае гверъ зъ руки та спйсы поломитъ;
А вóдъ панóвъ до воякóвъ розказъ господарскій,
Абы спйсы не ломити, бо то даръ Цѣсарскій.
Ой бо Цѣсарь гверъ не дававъ, шобы то псовати,
Але шобы на кождый день квачемъ пуцовати;
А не на то пуцовати, шобъ они не гнили,
Але на то пуцовати, шобы ся блищáли.

37.

Овва! що ми за страхъ буде, шо воякомъ стану,
Дасть ми Цѣсарь безъ крайцара скóряну крисаню.
А я сесе правду кажу, цы ты чуешь, уйку?
Дасть ми бѣлу камйзельку, орѣхову люльку.
Буду въ Цѣсаря служити, въ Цѣсаря дуфати,
Таке ми дасть лудинячко, шо ме сй лискати,
На вóдслузѣ мй выряднтъ, отъ якъ козу хрому,

Добре сдере, дрантаве дасть, тогды йди до дому!
А я въ свое село прійду шось погаздовати,
Прійдутъ, возмутъ десятники сердачину зъ хаты,
А нимъ шухи вôдрубаю, шарварокъ вôдроблю,
Доти сердачокъ пропаде, другій не зароблю,
За крайцара теперь тяжко, я другій не куплю,
Студеный морозъ потисне, голый ся облуплю.

38.

Изъ 1859 года, записана отъ Русскаго солдата Австрійскаго полка Парма, Коломыйскаго Округа.

(См. «Голосъ народный,» газета изд. въ Коломыѣ 1866 г., № 22.)

Та кувала зазулица ой на новімъ току:
Чи чули вы, люде добры, девятого року?
Але жь бы то бай не чули, бо не були 'мъ дома,
Та коли ся почínала изъ Французомъ война.
Чи вы чули, люде добры, та такі публики,
Що забрали въ Коломыѣ рекрутôвъ на війну?
Але жь в'ни ихъ та й забрали, не пустили къ хатѣ,
А взяли ихъ, хлю, підъ варту, гнали на бараки.
А взяли ихъ, хлю, підъ варту, та тамъ зецерують,
Котрый носа утирає, на остро штрофують.
Та кувала зазулица на зеленôй рутѣ:
Та зайшли на Сѣмбірки сараки рекруты.
Та зайшли на Сѣмбірки черезъ одну станцію,
Пригнали ихъ у Германштатъ, дали на касарню;
А тамъ нѣмку, цѣлъ ночують, мушку зецерують,
Коломыйську мацюрочку ничь не потребують.
А тепера мы нещасливы хлопцѣ молодыи.
Пала карта відъ Цѣсаря съ тои Италіи.
Пала карта відъ Цѣсаря зъ самой Вероны:
А щобы мы, малолѣтні, ступали до войны.
А [illegible] [illegible] горѣлки [illegible].

Бо вже, вѣдай, камратиска, вóдти ве вернемся!
Горѣлки ся якъ напили, ня чо не гадали,
Двѣ стаціи якъ зробили, то всѣ попадали.
Тамъ Обершты та Маіоры бефель выдавали,
Офицыры-Капѝтаны намъ наказовали:
«Якъ будете такъ робити, будете каранѝ!»
Теперь мы ся, молоденьки, дочекали бѣды!
Три стаціи на день робимъ, не ѣмо обѣды.
А якъ пришли въ Италію до самои войны,
А теперь мы, камратиска, ни чого не годны.
Але Парма бо счаслива, Бога допросила,
Лише прійшла въ Италію, война ся скóнчила.
А теперь мы, камратиска, вернѣмся до Вѣдня,
Мы кляйники поскидали, якѝ стали бѣдны.
А у Вѣдня тяжка служба, а ще почта ходитъ,
Въ Италіи еще гóрьша, най Господь боронитъ!
А що то въ той Италіи тамъ воды солены,
Якѝ були регимента, то всѣ заморены.
Тому добре, брате, въ вóйску, що жѐнки не мае,
А вóнъ свою службу робитъ, та ничь не пытае;
Але що тотъ, хло, женатый дуже штудеруе,
А якъ пóде до шпиталю, та й тамъ крепируе.

39.

Коничку мóй сивый!
Будь мѐнѣ счаслывый!
Якъ пóду на войну,
Бы 'ня не забили.

* * *

Бо кедь 'ня забіють,
Вержуть 'ня до решту,
Будуть до 'ня ходить
Хлопцѝ на перечку.

Бо кедь 'вя забіють.
Вернуть 'вя до ярку,
Будуть до 'вя ходить,
Дѣвки на фіялку.

* * *

Я коничка повнъ,
Мила воду брала,
Я собѣ заспѣвавъ,
Мила заплакала.

* * *

Я собѣ заспѣвавъ
На сивôмъ коничку,
А в'на заплакала
Въ зеленôмъ гаичку.

(Изъ села Лучки Бережскаго Уѣзда.)

40.

Эй, пôду я въ полонину вôвцы зимовати,
Цы не будешь, моя рыбко, за мновъ бановати?
Эй пôшовъ я въ полонину сѣнечко косити,
Пришли мене добры люде въ катуны винти.
Єденъ каже: «Побратиме!» Другій каже: «Куме!»
Третій менѣ по пôдъ плечи мотузище суне;
А я собѣ, бѣдный, гадавъ, ожь сѣно докошу,
Дали менѣ карабйнъ, най я тото ношу.
Карабйне, карабйне, ой на мою душу,
Цѣлый рôкъ єсь полёвавъ, носити тя мушу!

(Запис. въ околицѣ Мистичева Бережскаго Уѣзда.)

41.

Кедъ ти мои власы
Въ Угелю стригали,
То на мою стару матку
Зимну воду льяли.

* * *

Идземъ горе, долу,
Ажь ше дражка кури,
Пойдземъ до касарнѣ,
Ажь ся трясуть муры.

* * *

Эй не веримъ себе,
А нѣ, мила, тебе,
А нѣ тей кошулѣ
Цо ѣ мамъ на себе.

* * *

«Не поздравляй ты мня,
Отъ вышнего конца,
Бо я поздравлена
Отъ едного хлопца!»

(Изъ Земплинскаго Уѣзда.)

42.

Угелю, Угелю, несчесный Угелю!
Я до тебе идземъ не за своёвъ волёвъ.

Плакала стара маць, плакалѣ двы шестры,
Якъ на мне вйдзелѣ тенъ мундйръ воемскѣ.

Бо кедь 'ня забіють, бочку.
Вержуть 'ня до яр
Будуть до 'ня хо
Дѣвки на фіялку

* * *

Я коничка ше
Мила вод капчана
Я собѣ
Мила

Я

43.

ишолъ презъ Ви́днянске полё,
...й чарне очка моё.

Попатрели́ на тоту доли́ну,
Кади́ 'мь ишовъ въ Чи́сарско̂мъ мунди́ру,

На Кошицкей бани́ выши́ваютъ пани́,
Ужь Яни́чка ведутъ по̂дъ караби́нами́.

Помали́ го ведте брезъ Суковске полё,
Нягай ся напастря чарне очка моё!

Идземъ до Угеля, ажь ше дражка кури,
Придземъ до касарни́, ажь ся трясутъ муры.

Угельска касарня, бодай есь сгорѣла!
Не една стара маць при тебе зомлѣла.

догоню тя,
умѣню тя!».
ıутъ,
екавутъ.

ч воякъ,

Я не пôду .
Древо рубацъ
Древо бы мя за
Што бы дѣвче ро.

45.

Зъ Кошицкой касарнѝ
Хлапцы выпатраютъ,
Ажь ся по подъ горы
Бучки розвиваютъ.

* * *

Лемъ ся не розвила
Та една липочка,
Што подъ нёвъ сидѣла
Моя фраирочка.

* * *

Презъ татарку, презъ овесь,
Отъ фраира ти моресь,
Отъ фраира моего,
Няй мать кажда своего!

46.

Иду за дражечковъ,
Ажь ся дражка курн,
Вôйду до касарни,
Ажь ся трясуть муры.

* * *

Не за то ся трясуть,
Же я до нихъ вришелъ,
Лемъ ся за то трясуть,
Же фраирка у нихъ.

* * *

Докля жію та си пію,
Та и себе сваволюю,
А якъ зумремъ, буду лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

* * *

Коли жіемъ та и піемъ,
Та и себе сваволюемъ,
А якъ зумремъ, будземъ лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

(Всѣ 3 изъ села Чабы Лаборскаго Округа Замшленскаго Уѣзда.).

47.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 674.)

На Дунаѣ шматья прала,
На милого погледала,
Видала го на коню,
Коли ишовъ на войну.

«Чекай, милый, догоню тя,
Мамъ я тысячь, умѣню тя!».
Ай бо мене не дадутъ,
Бо 'ня у Самборѣ чекавутъ.

* *
*

«Ки бы бывъ емь простый воякъ,
Щѣ бы было тото даякъ,
Ай бо я емь Копитанъ,
Въ регементѣ старшій панъ.»—

* *
*

«Дали мѣнѣ кошульку працъ,
Не казали розкручовацъ,
А я взяла, розкрутила,
Бы му была ручка бѣла.

* *
*

На тôй ручцѣ златый перстень.
На перстенѣ мурно-камѣнь,
На камени сивый кôнь,
Сидитъ на нѣмъ милый мôй.»—

* *
*

«На тôмъ конѣ зброи многи,
А въ тыхъ зброяхъ мила моя:
Зостань здрава, кому хцешь,
Бо вже моя не будешь!»

48.

Щѣ 'мь ся не звербовалъ,
Уже 'мь катоначокъ,
Пришовъ ми сивый кôнь
Та ставъ пудъ облачокъ,

Коничку мôй сивый,
Будь же ми счасливый,
Якъ пôду на войну,
Бы 'ня не забили!

* *
*

Кедь мене забіютъ
Верзьте 'ня до ярку,
Будутъ до 'ня ходить
Дѣвки на фіялку;

* *
*

Дѣвки на фіялку,
Хлопцù на перечко,
Зôставай здорова,
Моя фаиречко!

49.

Не самъ иду у катуны,
Ведутъ мене люде,
Прійде така годиница,
Бирôвскый сынъ пôде.

* *
*

Прійде така годиница,
Прійде така днина,
Што поплаче Бирôвочка:
«Де моя дѣтина?»

* *
*

Якъ я пôду у катуны,
Катуникомъ буду,
А за тебе, файна рыбко,
Нигда ни забуду.

Ой Дунаю, Дунаёчку,
Та поколышися!
Прійди, прійди, моя мила,
Та наголосися!

(Записаны въ Мукачевскомъ уѣздѣ.)

50.

(Зап. Русск. Геогр Общ. 1867, I, 679.)

Мила моя, мила,
Ни чорна, ни бѣла,
Мѣнѣ черезъ тебе
Вечеря не мила!

* * *

Я вечерю лишу,
Та до тебе бѣжу,
Тебе общѣлую,
А самъ маширую.

* * *

«Машируй, машируй,
Молодый вòячку,
Справлю ти лавочку
На каждóмъ ярочку.»

* * *

Бо я маширую
Каждои годины,
Бо я вòторваный
Вòтъ своеи родины.

* * *

«Пôшовъ милый, пôшовъ,
Онь дорожка курить,
А я за нимъ смотрю,
Головка мня болить.»

51.

(Зап. Русск. Геогр Общ. 1867. I. 682.)

Ищё 'мь такъ молодый,
Уже 'мь катуначокъ;
Ходитъ мôй сивый кôнь
По пôдъ той облачокъ;

* *
*

«Коничку мôй сивый!
Ци я несчасливый?
Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима?

* *
*

Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима,
Ци тота година,
Што ся въ ней зродила?

* *
*

Спѣваночки мои,
Де я васъ подѣю?
Пôду до лѣсика
Тамъ я васъ посѣю.

* *
*

Тамъ буде миленька
На траву ходити,
Мои спѣваночки
Буде находити.

* *
*

Кедь намъ ся молодымъ
Не дали побрати,

Пôдеме до гаю
Наробиме жалю!

* *
*

Наробиме жалю
И своêй родинѣ,
Мы ся побереме
Й въ далекôй краинѣ.

52.

Ищê разъ, ищê разъ,
Прійду, дѣвча, до васъ,
Кеды ми тя не дадутъ,
Звербуюся до разъ.

* *
*

Вербуютъ, вербуютъ,
По подъ зеленый гай,
А а ся звербую,
Тобѣ, мила, на жаль!

53.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 683.)

Солодка ма бѣла рыбко,
Солодкій мôй меде,
Якъ же намъ ся сего рочку
Любити не веде!

* *
*

Єдно намъ ся не повело,
Бо люде зознали,

57.

Пониже Тернавы поточокъ кѣрвавый,
Моя мацъ думала, же то зъ моей главы.

Не зъ моей то главы, лемъ зъ мого конѣчка,
Цо го порубала на войнѣ шаблѣчка.

58.

Кедъ сомъ ишолъ одъ Унгвара до Тальи,
Зъ мого коня подковечки спадалѣ.

Эй лемъ ты 'ня, мой конѣчку, добре несъ,
Дамъ ци пребѣцъ подковечки ёшё днесъ.

Дамъ ци пребицъ подковечки съ клѣнкамѣ,
Будзешь ходзицъ по Сукове кованый.

Дамъ я тебе подковечки подковацъ,
Дамъ я тебе сѣделечко змалёвацъ.

59.

Мои жолты власы зъ мене зостригали,
Зъ Кошицкого моста до воды зрупали.

Мамко моя стара, не старайся о мне!
Бо ты не выховашь добре дзецко зо мне.

Гварила моя мацъ, же мне будзе женѣцъ,
Она мнѣ не могла зъ касарнѣ выменѣцъ.

Хоцъ бысъ, мамко, дала качку и когута,
Вера не выменѣшь зъ касарнѣ регрута!

60.

(Изъ Угорской Руси. См. Грамматику Лучкая 166.)

Братья! Что нового?
Не бойтесь ничого.
Война настала,
Отъ Кесаря пана
Уже выволана.
Абы держала
Армада Кесарска
Противъ Турка велькаго,
Слѣпого погана,
Свѣтского тирана,
Же поведе войну,
Не опуститъ ему
А ни жадному.

61.

(См. Грамм. Лучкая 167.)

Въ Мукачевскомъ замку
Мавъ емь Маріанку,
Я ю добрѣ знавъ;
Кедь ю зъ рукъ выпущу,
Геть отыти мушу.
Потѣшь тя Богъ зъ неба,
Ожь прочь ити треба,
До поля на Турка;
Отъ Турка на Брандебурка
Буду воевати,
И кровь проливати
За васъ, дѣвчата.

62.

(Паули II, 157.)

Рано, рано, ранíчко,
Уже уставъ панíчко,
Преходится по рынку,
Приноситъ намъ новинку;
А новинку такую,
Што въ уланы вербуютъ:
Звербовали Янíчка,
Та дали му конíчка,
И конíчка и шаты,
Штобы далéй рушати.

63.

Якъ будемо машеровать,
Скажемо си буты ковать
Золотыми пôдкôвками;
Машеруйте, дéвки, зъ нами!

64.

Плакала мамочка,
Плакала сестричка;
Ожь ми ся удала
До боку сабличка.
Сабличка не моя,
Пана Чéсарова,
Кедь ся зъ невъ вурубамъ,
То серенча моя!

Русскіе крестьяне Львовскаго уѣзда села Мальчичь въ Галичинѣ.

65.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 674.)

«Чесарю, Чѣсарю!
На што насъ вербуешь?
Малу машь крайну,
Чимъ насъ выгодуешь?»

* *
*

Не бо̑йтеся, хлопцѝ,
Чѣсарского гладу,
Сѣвутъ вамъ пшеницю
Коло Бѣлограду.»

* *
*

Бѣлоградъ, Бѣлоградъ!
Война на немъ стоитъ,
Не єдного хлопця
Головка заболитъ.

* *
*

Єдного заболитъ,
А десять упаде,
Не єдной матери
Тамо й сынъ пропаде!

66.

Вояцы, вояцы,
Вшиткы сте еднацы,
Якъ бы васъ родила
Єдна стара мати!

* *
*

Вербувутъ гусари
По подъ зеленый гай,

И я ся звербуву
Своёй милôй на жаль.

67.

О Кошутѣ.

Сидитъ Кошутъ, сидитъ,
На высокôй драбинѣ,
Пише листы, пише,
По Угорскôй Краинѣ.

* * *

Ци на жалость, на жалость,
Ци на вельки зармутокъ;
Шкода, Боже, шкода,
Сесь Кошутôвъ вербунокъ!

* * *

Кошуте, Кошуте!
На што насъ вербуешь?
Мало машь пѣнязи,
Чѣмъ насъ выгодуешь?

* * *

Шкода, Боже, шкода,
И Кошута самого,
Што вôнъ утёкъ, што утёкъ,
Изъ орсагу своёго!

ДУМЫ.

д) Господарскія и скотарскія.

1.

(Т. I, стр. 228. Ср. А. Метлинск. стр. 18.)

Ой зацвила калинонька та на сухôмъ терню:
Проситъ мила Василенька на свою вечерю.
«Якъ не прійдешь вечеряти, прійди поснѣдати,
Якъ не прійдешь поснѣдати, прійди обѣдати,
Якъ не прійдешь обѣдати, прійди одвѣдати,
Якъ не прійдешь одвѣдати, най слава не буде,
Ой утонешь край дунаю, где воды не буде!»
О утонувъ Василенько, та хусточка плавле,
Ходитъ мила край дунаю, бѣлѝ ручки ламле:
«Ой не жа̀ль ми тои хустки, що 'мь ей вышивала,
Ано жа̀ль ми Василенька, що 'мь го вѣрне кохала.
А дамъ же я рыбаченькамъ о пôвъ золотого,
Най шукаютъ Василенька хоть бы не живого;
А дамъ же я рыбаченькамъ по пôвъ сорокôвця,
Най шукаютъ Василенька, та везутъ идъ жѣнцѣ;
А дамъ же я рыбаченькамъ пива ся напити,
Най шукаютъ Василенька, хоть ся подивити!»
Найшли, найшли, Василенька на жовтôмъ пѣсочку,
Дали ему перстенину и бѣлу сорочку.
«Ой дамъ же я Попамъ, Дякамъ по бѣлôмъ таляру,
Абы ёго поховали на новомъ цвинтарю!»

2.

Ой у поли кирниченька, зъ неи воду пьютъ,
А вже мою молоду дѣвчину до слюбу ведутъ:
Одинъ веде за лѣву руку, другій за рукавъ,
Третій сидитъ на воронъ коню, що любивъ, та не взявъ.
«Чому 'сь тогди не приходивъ, коли 'мъ ти казала,

Коли 'мъ до тя дробненькіи листоньки писала?
Чому 'сь тогди не приходивъ, коли 'мъ листы слала,
Чи 'сь коника не мавъ, чи 'сь дороги не знавъ, чи ненька ти не казала?»
«И коника мавъ, и дорогу знавъ, и ненька ми позволяла,
Наймолодша сестра, абы не зросла! сѣделце ми сховала:
«Не ѣдь, братчику, не ѣдь, молодчику, до тои негóдницѣ,
Она не вмѣе жати, ни вышивати, тóлко у карти грати!»

3.

(Т. I, стр. 183, 184. Метл. 101.)

Выйшла, выйшла, Подолянка по воду,
Сподобала си Козаченька на вроду:
«Ты, Подолянко, ты, бѣленькая утко,
Ступай, ступай, на той Дунай хутко!»
Ще й Подолянка на Дунай не ступила,
Вже Подолянку быстра вода поймила.
«Ой ратуй, ратуй, Козаченьку, ратуй!
Будешь мати вóдъ матéнки заплату.» —
«Ой не хочу я вóдъ матéнки заплаты,
Но я тя хочу за миленькую взяти.» —
«Ой волѣла бъ я въ той Дунай утонути,
Нéжь бы я ти мала за миленькую бути!»
Ой утонула Подолянка, утонула,
Но за нею червона китаёчка сплынула:
«Ой затягайте дрóбненькіи сѣти,
Пóдемо мы Подолянку глядѣти!»
Найшли, найшли, Подолянку тую,
Пóдъ береженькомъ, та вже неживую.
Ой выбрали Подолянцѣ яму:
Заплакавъ Козакъ якъ за рóдну маму.
Та зробили Подолянцѣ кидрову трумну:
Заплакавъ Козакъ, ажь всѣмъ людямъ сумно.

(Зап. въ Золочевскомъ Округѣ.)

4.

Межи двома гороньками
Свѣтитъ мѣсяцъ съ зоронькьми,
Єще вышче пôдлѣтае
Сивый соколъ зъ вôрленьками.

* *
*

Ой летитъ же вôнъ, летитъ,
Та й крылоньками блудитъ,
Тяжко жь тому на серденьку,
Якъ хто кого вѣрне любитъ.

* *
*

Ой у поли край дороги
Стоитъ камень маймуровый,
А на тôмъ то камѣночку
Сидитъ хлопець чорнобровый.

* *
*

Ой сидитъ же вôнъ, сидитъ,
Та и думочку думае,
Закохався вôнъ въ дѣвчинѣ,
Покидати не гадае.

* *
*

«Допоможи менѣ, Боже,
Тую дѣвчину взяти,
Хоть худобы не дôждуся,
Най съ хорошовъ оженюся!

* *
*

А що же мѣнѣ по худобѣ,
Що обору ми заляже,
Якъ лихая дружиночка
Молодому свѣтъ завяже!»

Ходитъ милый надъ водою,
Сѣтковъ рыбу ловитъ:
«Щось до мене, пане брате,
Дѣвчинонька не говоритъ! —

* *
*

Памятай же, дѣвчинонько,
Що будешь тужити,
Якъ я сяду, та й поѣду
На Украину служити!»

* *
*

«Ой не буду, мой миленькій,
Не буду, не буду,
Ты поѣдешь за ворота,
Я тебе забуду.»

* *
*

Лишь выѣхавъ ей миленькій
За новы ворота,
Заплакала дѣвчинонька:
«Лишила 'мь ся сирота!»

* *
*

Лишь выѣхавъ миленькій
За браму новую,
Берутъ, несутъ, дѣвчину
До домъ неживую.

* *
*

«Ты казала, дѣвчинонько,
Що не будешь тужити,
Якъ я сяду, та й поѣду
На Вкраину служити.»

(Зап. въ с. Раковцѣ Коломыйскаго Уѣзда.)

5.

Край дороги широкои
Стоитъ камѣнь маймуровый,
На тôмъ камѣнь-камѣнчику
Стоитъ хлопець чорнобровый.

* *
*

Ой стоитъ же вôнъ, стоитъ,
Та й думку думае:
«Зъ великого закоханя
Та розлука бувае.

* *
*

Ой поможи ми, Боже,
Ту дѣвчину взяти,
Хоть худобы не дождуся,
Най хороше наживуся!

* *
*

Що же мѣнѣ по худобѣ,
Що обору та й заляже,
Не едная негôдниця
Молодому свѣтъ завяже!»

* *
*

«Розвивайся, лѣщинонько,
Дубе, розвивайся:
Ты, молодый Козаченьку,
Съ села выберайся!

* *
*

Выберайся, Козаченьку,
Громадѣ вклонися:
«Будь здорова, громадонько!
Може коли посварився!»

За нимъ, за нимъ. дѣвчинонька:
«Вернися, Козаче!
За тобою, Козаченьку,
Отець, мати плаче!

* *
*

Ой вернися, Козаченьку,
Сгину за тобою!» —
«Не вернуся, горда дѣвко,
Бо вже 'сь мновъ сгордѣла!»

6.

Ни хто менѣ не винен,
Тôлько я, тôлько я:
Сама 'мь собѣ полюбила
Гôльтая, гольтая!

* *
*

Ой бо гôльтай молоденькій
Въ корчмѣ пье, въ корчмѣ пье,
Та якъ прійде до домоньку,
Мене бье, мене бье.

* *
*

А я, бѣдна сирôтонька,
Бѣдую, бѣдую,
По пôдъ чужй перелазы
Ночую, ночую;

* *
*

По пôдъ чужй перелазы
Ночую, ночую.
Та ще свои дробни дѣтки
Годую, годую.

«Ой привыкай, моя доню,
Привыкай, привыкай;
Якъ вонъ иде съ корчмы пьяный,
Ты втекай, ты втекай!» —

* *
*

«Хто водъ него, моя мати,
Утече, утече,
Ой якъ зловитъ нелюбонько
За плече, за плече,

* *
*

Назадъ мене до светлоньки
Волоче, волоче,
Ой тамъ мое бѣле тѣло
Натовче, натовче.

* *
*

Якъ мя вдаритъ, моя мати,
Рукою, рукою,
Пидутъ зъ мене дробни слёзы
Рѣкою, рѣкою!»

7.

(Отрывокъ.)

Ой чому вода каламутна?
Бо ю рыбка змутила:
Чому дѣвчина така смутна?
Бо ю матенка побила.

* *
*

Мене матенка съ роду не била,
Все словами картала,
Полюбила я Козака зо света,
На вѣченьки 'мъ пропала!

8.

(Паул. II, 31.)

Ой на горѣ два мулярѝ муровали керницю:
«Выдай, выдай, матинонько свою одиницю!» —
—«Ой най у тôй керниченцѣ вода прибуває,
Нехай моя одиниця ще зъ рôкъ погуляє!»—
Якъ узяла одиниця одинъ рôкъ гуляти,
Взяли паны, взяли люде, на ню нарѣкати.
Ой и пôшла одиниця въ долину по глину,
Несе вôдти одиниця въ подôвку дитину:
«Ой нà тобѣ, моя мати, за твою науку,
Сѣдай собѣ, та й за пецомъ колыши онуку!»

9.

(Паул. II, 77.)

Ой летѣли журавлѝ,
Сѣли собѣ на рôлѣ:
«Лѣпша рôля ранная,
А нéжь тая пôзная;
Бо на ранньôй пшениця,
А на пôзной мéтлиця;
А пшеницю женцѝ жнутъ,
А мéтлицю конѝ мнутъ.»
Ой врикнули молодцѝ
Та сидючи въ коморцѣ:
«Лѣпша жéнка першая,
Нéжли тая другая;
Та съ первою дѣти мавъ,
А съ другою розôгнавъ:
Та йдѣть, дѣти, служити
Чѣмъ мачусѣ годити!»
Одинъ пôшовъ до Попа,
Другій пôшовъ до Жида,

Третій пôшовъ до пана,
Щобъ мачуха пропала!
Ходитъ батько по валу,
Кличе дѣтокъ до дому:
«Ходѣть, дѣти, до дому,
Не буде вамъ розгону!»—
«Живи, тату, якъ Бôгъ давъ,
Коли ты насъ розôгнавъ;
Мы будемо служити,
За матѣрью тужити!»

Въ другихъ мѣстахъ кончаютъ такъ:

«Вы, сороки, до лѣса,
А вы, дѣти, до бѣса!»
«Дѣти мои дробненькй,
Чого вы такъ марненькй?»—
«Бо насъ мама, тату, бьетъ,
А намъ ѣсти не даетъ;
Своя мама попôбье,
Якъ ластôвка гнѣздо вье;
Своя мама голубить,
Съ того свѣта не губитъ.»

10.

(T. I, 193. Паул. II, 145.)

Дала мати дочку далеко вôдъ себе,
И заказала ёй не бути сёмь лѣтъ у себе,
А я не стерпѣла, за рôкъ прилетѣла,
Ой сѣла я сивою зазулёю въ вишневôмъ садочку;
Ой сѣла я си, та й стала ковати,
Вышла стара мати, та й стала плакати:
«Ой не куй же, зазуленько, въ вишневôмъ садочку,
Гей сй, гей сй, зазуленько, въ темный лѣсъ ковати!»
А я молоденька того не стерпѣла,
Полетѣла до сестроньки на лелію сѣла;

Выйшла до ней сестронька, стала ю зганяти:
«Гей сй, гей сй, зазуленько, въ темный лѣсъ ковати!»
Выйшовъ до ней братичокъ, зъ нею ставъ ся розмовляти:
«Если 'сь сива зазуленька—въ темный лѣсъ ковати!
А если 'сь моя сестра, прошу жь тя до хаты!»
Ой выйшовъ же мôй рôдный братонько и ставъ плакати:
«Ой прошу жь тя, рôдна сестро, прошу жь тя до хаты!»
Ой якъ взрѣла стара мати, стала плакати,
Ой отворила двери изъ сѣній до хаты;
Прилетѣла зазуленька, та й повѣла: «Куку!»
Подай, подай, моя мати, мѣнѣ теперь руку!»
Ой якъ есь ми, стара мати, якъ есь ми жичлива,
Що 'сь ты мѣнѣ мого вѣна нѣгды не вжичила!
Мене мужь убивае: «Иди, жоно, до батѣньки,
Иди, жоно, до матѣнки, вѣно вôдбирати!»

11.

Дала мене моя мати
Далеко вôдъ себе,
Не бувала 'мь у матѣньки,
Ни матѣнка въ мене.

* * *

«Пусти мене, мôй миленькій,
На дунай по воду,
Та най я ся вôдвѣдаю,
Що ся дѣе въ роду.»

* * *

Взяла воду зачерпати
Брате призывати:
«Братье мое рôдненькое,
Що въ роду чувати?

Братья мое рóдненькое,
Брате соколята,
Прійдѣть до мя у гостину
У зелени свята!»—

* *
*

«Сестро наша рóдненькая,
Сестро наша рóдна,
Та якъ до тя въ гостѝ ити,
Коли 'сь така бѣдна?»—

* *
*

«Ой я пóду хусты прати,
А милый орати,
Та мы тóлько заробимо
Братій трактовати.»—

* *
*

«Сестро наша рóдненькая!
Гостина не мила,
Черезъ тыждень працювати,
Въ Недѣлю пропила.»

12.

(Т. I. стр. 105.)

Ой гое, гое, ой гое, гое!
Любилося насъ двое,
Ой гое, гое, ой гое, гое!
А обое молодóе.

* *
*

Рóкъ ся любили, рóкъ ся любили,
А день ся не видѣли,

Ой якъ ся взрѣли, ой якъ ся взрѣли,
Ажень ся поболѣли.

* *
*

Ой мила лежитъ
Въ матѣнки въ постѣлонцѣ,
А милый лежитъ
Въ зеленой дубровонцѣ.

* *
*

«Ой возми, мати, ой возми, мати,
Єдвабну хустиноньку,
Та поди, мати,
Въ зелену дубровоньку.

* *
*

Та поди, мати,
Въ зелену дубровоньку,
Та звяжи, мати,
Милому головоньку!

* *
*

Ой якъ вонъ не вире,
То затѣмъ тобѣ буде,
Ой якъ вонъ умре,
Прости Богъ ти буде!»

13.

(Шаф. II, 110.)

Ой піду же я греблею по надъ ставомъ,
Ой кому я ся, молоденька, достану?
Ой чи не тому съ сивою бородою,
Що вінъ такъ любитъ говорити зо мною?

Его борода припѣчки замѣтати,
Мое личенько хлопчикамъ цюлювати.
Его борода, якъ соломенька въ стрѣсѣ,
Мое личенько якъ калинонька въ лѣсѣ.
Его борода, якъ на улицѣ смѣтье,
Мое личенько, якъ рожовое квѣтье
Его борода припѣчки замѣтае,
Мое личенько калиновъ процвѣтае.

14.

Ой вылетѣло, ой вылетѣло,
Двѣ зазульцѣ зъ Подо́лья,
Вынесли собѣ, вынесли собѣ,
По двѣ цвѣтонцѣ зѣля.

* * *

Та й посадили, та й посадили,
На высоко́й горонцѣ,
А сами бродятъ, а сами бродятъ,
По студено́й водонцѣ.

* * *

Студена вода, студена вода,
Тяженько ю сбродити,
Чужо́й матѣнцѣ, чужо́й матѣнцѣ,
Тяженько догодити

* * *

Чужа матѣнка, чужа матѣнка,
Якъ соломонька въ стрѣсѣ,
Своя матѣнка, своя матѣнка,
Якъ калинонька въ лѣсѣ.

15.

Ой кобы я маму мала,
Маму рôднесеньку,
Мала бы я що недѣлй
Сорочку бѣленьку.

* *
*

Не лише я, сирôтонька,
Ой е сирôтъ бôльше,
Та кобы я маму мала,
Було бы ми лѣпше.

* *
*

Ой кобы я маму мала,
Я бы не служила,
Я бы чужôй господинѣ
Воды не носила.

* *
*

Я бы воды не носила,
Хату не мéтала,
Я бы чужôй господинѣ
Въ ласку не стояла.

Изъ Стрыйскаго Уѣзда.

16.

Вылетѣла зазуленька
Изъ лѣса на поле,
Жалѣтъ ми ся, що 'мъ не знала
Матѣньки нѣколи.

Та якъ мою матуненьку
Землёвъ пригорнули,
Тогди мене, молоденьку,
Гаразды минули.

* * *

Та якъ мою матуненьку
Прикрыли мураковъ,
А я чужёй не догоджу,
Най ся стелю лавковъ!

17.

Ой ясно, красно, та куда сонёнько сходитъ,
Ой ясше, красше, куда рôдна матёнька ходитъ.
Сонёнько зôйде, та й за хмароньку зайде,
Матёнька умре, та й такои не буде.
Хоть она буде, то она студенька,
Не пристане в'на до моего серденька.
Чужа матёнька ударитъ, ще й ногою потрутитъ,
Своя вдаритъ, та й къ собѣ приголубитъ.
Кобы 'сь ты знала, моя матёнько, та якъ я тутъ бѣдую,
Взяла бы 'сь мя къ собѣ пôдъ муравоньку, пôдъ тую зеленую.

18.

(I, стр. 190. Метлин. 281.)

Ой въ недѣлю рано ёще сонце не на сходжу,
Я зо своимъ братомъ по рыночку ходжу;
По рыночку ходжу, зтихонька говорю,
Зтихонька говорю, якъ рѣченька въ бурю:
«Не дай мене, брате, за селянина,
Тôлько мене вôддай за мѣщанина:

Бо у селянина стара деревня, а мала сѣнья,
А у мѣщанина велика сѣнья, нова деревня.
Де нова деревня, люблю жартовати,
Де велика сѣнья, люблю похаджати.»
Въ недѣлю рано задуднѣли мосты,
Братъ до сестры пріѣзджае въ гостѝ:
«Помогай Бо́гъ, сестро! Чи 'сь дуже здорова?» —
«Не пытайся, брате, чимъ дуже здорова,
То́лько пытай, брате, яка моя доля:
Во́кномъ утѣкала, въ степахъ ночовала.» —
«Тото тобѣ, сестро, наробила новая деревня,
Новая деревня, великая сѣнья:
Де нова деревня, любишь жартовати,
По велико́й сѣньи любишь похаджати.»

19.

Ишо́въ я въ ночи о по́вночи,
Надыбавъ я соловья въ корчѣ:
«Соловѣю, скажи мѣнѣ правду,
Де я свою дѣвчиноньку знайду?
Чи на меду, чи на горѣлцѣ,
Чи у батенька на бѣло́й постѣлцѣ?» —
«Ни на меду, ни на горѣлцѣ,
Ино у батенька на бѣло́й постѣлцѣ.»
Вертаюся до татуня и мамуни́:
«Дай же, Боже, добрый день мамуни́!
Добрый день, мамуню моя!
Десь ту є дѣвчина моя?» —
«Вона въ полѣ куко́ль выбирае́,
Ой у полѣ, полѣ, куко́ль выбирае.» —
«Треба по нію посла посылати,
До дому дочку закликати.»

20.

(Отрывокъ.)

Ой Василю, Василенку! дай ми яку раду,
Бо я съ тыми коноплями на вѣки пропаду!
А у кого чтыри копы, то ся помочили.
А у мене чтыри жменѝ, свиниѝ зволочили.
А у кого чтыри копы, то ся перетерли,
А у мене чтыри жмени, и стоютъ за дверьми.

21.

(Паул. II, 21.)

Втворивъ милый квитирочку:
«Подай, мила, бѣлу ручку,
Подай бѣленьку рученьку,
Вандруй зо мновъ всю нѡченьку!»—
Звандровали одно поле,
Звандровали и другое,
Взяли собѣ спочивати
И зтихонька розмовляти:
«Чи ты, мила, заѓорѣла,
Чи голова заболѣла,
Чи за родиною тужишь?» —
«А нѝ бо я загорѣла,
Голова моя не болѣла,
Нѝ за родиною тужу!»
Взявъ милый миленьку по пѡдъ бѣлѝ боки,
Та пустивъ ю у дунай глубокій:
«Плыни жь ты, миленька, быстреньковъ водою,
Бо не буде намъ житья съ тобою.»
Ой выплинула мила на жовтый пѣсочокъ,
Промолвляли зтиха голосочокъ;
«Чи жь я не була красна, чи жь не уродлива,
Чи то моя така доля несчаслива?»—
«Ой ты була красна, ты була вродлива,
Лишь то була твоя доля несчаслива.»

22.

(Паул. II, 22. I, 188.)

Ой поѣхавъ милый за лѣсъ,
Та й чорни брови занѣсъ;
Не такъ мѣнѣ за бровами,
Якъ за вѣрными словами.
Ѣхавъ милый край Дунаю,
Та до родимого краю:
Ой ставъ Дунай проѣзджати:
Стали кони потопати.
«Ратуй мене, моя мила,
Колись мя вѣрнѣ любила.»—
«Ой хлѣба бъ я ошалѣла,
Щобъ я тебе не любила.»
Якъ только тее сказала,
Якъ стояла, такъ и впала,
Запуталася въ плахтину.
Та й крикнула «Гину! Гину!
«Ой ратуйте жь еѣ люде,
Бо 'тъ се моя мила буде!»

23.

(Т. I, стр. 188.)

Ой поѣхавъ мой миленькій за лѣсъ,
Чорнѣ оченька занѣсъ,
И слѣдоньки съ собовъ забравъ,
Мому серцю тугу завдавъ.
Ой туга жь мѣнѣ, туга,
Вже недѣленька друга,
Туга жь мѣнѣ тугою,
Вже мой милый за водою.
Ой кажѣть мѣнѣ, люде,
Коли мой миленькій буде?

За чотыри недѣленьки,
Ажь тамъ ѣде мой миленькій,
Ѣде миленькій, ѣде,
Штыри коники веде,
Ой а пятый вороненькій,
На нёмъ сидитъ мой миленькій;
Пріѣжджае до Дунаю,
До широкого краю,
Зачавъ конй наповати,
Взяли конй выгравати,
Почавъ милый потопати.
«Ой ратуйте жь го, люде,
Вже милого не буде!»—
«Ой ратуй же мя, мила,
Сли 'сь мя вѣрне любила!
Подай, миленька, руку
На тяженькую муку!»—
«Подамъ, миленькій, обѣ,
Чей тя вытягну дъ собѣ!»

24.

(T. I, 205.)

Три Козаки, три Козаки, напивалися,
Зъ молодою дѣвчиною подмовлялися,
А молода дѣвчинонька не уважала,
Зъ молодыми Козаками повандрувала.
Вандруй ночку, вандруй другу, та й нема села,
Привандрували Козаченки близко дуная,
Та узяли дѣвчиноньку за бѣлй боки
Та кинули дѣвчиноньку въ дунай глыбокій,
А сами ся повернули до того села,
Та сѣли си въ ёи отца по конець стола:
«Господарю, господарю, где твоя донька?»—

«Уже два дни и двѣ ночи, якъ выйшла изъ хатоньки,
Мали вы ѐ, Козаченьки, сами узяти,
Сами жь узяти и повандровати.»—
«Якъ бы мы ѐ, господарю, сами узяли,
Мы бы уже бо́льше въ тебе та не бували!»

25.

«Ой где ты ѣдешь, ой где ты ѣдешь,
Мо́й миленькій о́дъ мене?»—
«Не далеченько, не далеченько,
Я ся верну до тебе.»
«Ой где ты ѣдешь, ой где ты ѣдешь,
Молодый жовнярочку?
Хто жь тобѣ постелитъ, хто жь тобѣ постелитъ,
Въ дорозѣ посте́лёчку?» —
«Постелитъ ми ся, постелитъ ми ся,
Зелена муравина,
А по́дъ голову, а по́дъ голову,
Молода буковина.» –
«Ой ты поѣхавъ, мене отъѣхавъ,
А я, бѣдная, плачу;
Сплакала 'мь очи, якъ въ день, такъ въ ночи;
Вже свѣтонька не бачу.
Щобы такъ тобѣ, якъ теперь мѣнѣ,
Прійшовъ часъ загибати,
Щобы 'сь такъ не мо́гъ, якъ я не могу,
Темнои но́чки спати!» —
«Ой заржи, заржи, сивый кониче,
По́дъ круту гору ѣдучи,
Нехай учуе мила дѣвчина,
Вечеру готуючи!»—
Дѣвчина вчула, тяжко востхнула,
Ревненько заплакала:
«Ой нема, нема, та й вже не буде,
Кого 'мь вѣрно кохала!»

26.

(Паул. II, 48.)

«Що жь ты, милый, думаешь, гадаешь,
Що ты мене покинути маешь?»—
«По чѣмъ ты мя, мила, пôзнала,
Що ты мою гадку вôдгадала?»—
«По тôмъ я тя, мôй милый, познала,
Ще 'мь я твою гадку вôдгадала,
Що зъ вечера конёмъ обрôкъ даешь,
На розсвѣтѣ конй наповаешь».
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе,
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь тй буде постѣлоньку слати?» —
«Ой е въ полю зелена травиця—
Та жь то буде моя постѣлиця.»—
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе;
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь съ тобою буде нôчку розмовляти?»—
«Ой е въ полю сива зазуленька,
То жь та буде моя розмовонька.» —
«Не ѣдь, не ѣдь, мôй милый, вôдъ мене,
Не дай, Боже, недуги на тебе;
Якъ ты будешь въ недузѣ лежати,
Хто жь тй буде пива доношати?»—
«Ой маю я коня вороного,
Принесе ми пива червоного!»

27.

(Т. I, стр. 250.)

Не шуми ты, луже,
Дубровою дуже,

Не завдавай жалю,
Що я въ чужôмъ краю!

* * *

Бо я въ чужôмъ краю
Якъ на пожаринѣ,
Нйхто мене не пригорне,
При лихôй годинѣ:

* * *

Не пригорне отець,
Не прогорне мати,
Треба мênѣ, молодому,
Въ чужинѣ вмирати.

* * *

Плыне утка, плыне,
И въ гору все дмется,
Чогось мênѣ съ моимъ милымъ
Мешканье псуется!

* * *

Плыне утка, плыне,
Я на ню дивлюся:
Таки мене думка муситъ,
Щб я утоплюся.

* * *

Изъ вôдки ся взяла
Старенькая мати,
Взяла мене, молодую,
Словами картати:

«Не топися, доню!
Бо душу загубишь,
Скажи мѣнѣ щиру правду,
Кого вѣрно любишь!» —

* *
*

«Ой знаю я, знаю,
Кого я кохаю,
Але жь ёго тутки нема,
Бо ôнъ въ чужôмъ краю!»

28.

(Т. I, стр. 184 и 270.)

Ой пôду я горою, долиною,
Знайду я собѣ роженку съ калиною:
Чи рожу рвати, чи калину ламати,
Чи замужъ ити, чи дѣвою зôстати?
Замужъ пошôвши, то болитъ головонька,
Замужъ не йшовши, людская обмовонька,
Обмова буде, то колись перестане,
Голова болитъ, розумоньку не стане.

29.

(Метл. 31—34.)

«Чому 'сь не прійшовъ, якъ мѣсяць зôйшовъ,
Якъ зôрка засвѣтила?
Чи 'сь коня не мавъ, дороги не знавъ,
Чи мати боронила?» —

* *
*

«Я коника мавъ, дороженьку знавъ,
Мати не боронила,

Найменша сестра, бодай не вросла!
Она мя одрадила:

* *
*

«Не ѣдь, братейку, не ѣдь, братейку,
Бо нôчка невидная,
Коника струдишь, и самъ заблудишь,
У миленькôй не будешь.

* *
*

«Не ѣдь, братчику, не ѣдь соколе,
Та не ѣдь до дѣвчины,
Бо коня стомишь, себе зневолишь,
Дѣвчины не намовишь.

* *
*

Якъ на павойцѣ золоте пѣрье,
Такъ на дѣвойцѣ косы,
Жадна невѣстка та й не зазнала
При свекросѣ роскоши.

* *
*

Ой не зазнала, ой не зазнала,
Та й вже не буде знати,
Ой Боже, Боже, мôй милый Боже,
Треба ся розлучати!»

30.

(Паул. II, 23.)

Простѣ жовняры по всѣмъ селѣ стали,
Молодôй вдовѣ Поручника дали,
Выйшла вдова, выйшла, та взяла плакати:
«Ой нема жь бо въ мене, де кôньми стояти» —

«Ой ты, вдовонько, не фрусайся того,
Не фрасуйся, вдово, не буде злого
Суть бо у мене два вартôвниченьки,
Будутъ вартовати мои кониченьки;
Ой мôй ти коникъ стайнй не загноитъ,
А золота зброя клинцêвъ не поломитъ,
И я самъ молодъ ложе не заляжу,
Ложе не заляжу, и тебе не зражу.
Ой ты, вдовонько, скажи ми два слова:
Цы много ты, вдово, якъ есь повдовѣла?» —
«Вже третій рочокъ, молодый паночку,
Якъ повязала чорнымъ головочку.» —
«Цы много ты, вдово, дѣточокъ мала?» —
«Мала жъ бо я, мала, велики и мала:
Мала я сыночка, въ Цêсарщинѣ служитъ,
Въ Цêсарщинѣ служитъ, по всячинѣ тужитъ.
Маю три дононцй, сидятъ въ коморонцѣ,
Сидятъ въ коморонцѣ, на моêй головонцѣ.» —
«Ой ты, вдовонько, кличь же ихъ до хаты,
Дай же ми, вдово, на ихъ поглядѣти!»
Найстарша выйшла, та й ся вôдступила,
Середуща выйшла, та й ся поклонила,
Наймолодша выйшла, та й до нôгъ упала,
Бо своего братчика по руцѣ пôзнала.

31.

(Паул. II, 30.)

Схилилися двѣ березы низко:
Живе Козакъ край дѣвчины близко:
«Ой, Козаче, не ходи до мене,
Буде слава на мене, на тебе.» —
«Ой я славы, славы, не боюся,
Съ кѣмъ люблюся, сяду, обôймуся!»
Пытае мати доню: «Де вѣнокъ свôй дѣла?» —
Де вѣнокъ дѣла, на що погубила?» —

«Ой прійшла жь я, мамо, по воду до броду,
Упустила 'мь вѣночокъ у воду.» —
»Треба жь, доню, громаду сбирати,
Треба жь твôй вѣночокъ ратовати,» —
«Не треба жь, мамо, людей турбовати,
Треба, мамо, всю правду сказати:
Ишовъ Козакъ, Козакъ молоденькій,
Вôнъ захвативъ вѣнокъ зеленькій.»

32.

Ой ты, сыну мôй, дитино моя,
Не пій, не пій, горѣлоньки въ недѣлю зъ раня,
Бо та горѣлонька дуже здрадлива,
Не одного Козаченька здрадила вона.»
Ой пье, коникъ пье, вола ѐще е,
Пôдъ бѣлою березою Капитанъ ся бье:
«Ой ты, пане нашь, Капитане нашь!
Шлыне рѣчка кервавая вôдъ тебе до насъ.»
Зôронька ясна на небѣ зôйшла,
Тогды моя дѣвчинонька по воду выйшла.
Я доломъ, доломъ, та й долиною,
Пôдъѣхавъ вороненькимъ ажь до дунаю:
«Дѣвчино моя, напôй ми коня!» —
«Не на пою, бо ся бою, бо 'мь ще не твоя;
Якъ буду твоя, напою ти два,
Заведу тя до дунаю, где быстра вола.»
Ой пье жовнярь, пье, горѣлонька е,
Ёго мати старенькая все слѐзоньки лье.

33.

(Т. II, 576.)

Дубъ на дуба повалився,
Сынъ изъ мамковъ посварився:
«Иди, мати, геть ôдъ мене!
Будутъ гостй кращй въ мене:

Мои гостѝ въ кармазинѣ,
Ты въ драгтовôй сардачинѣ.»
Пôшла мати та лугами,
Вмываючись слёзоньками,
Пôшла мати въ долиноньку,
Здыбала тамъ свою доньку:
«Прійми, донько, мя до себе,
Ней прожію дни у тебе,
Буду тобѣ угожати,
Дѣти твои колысати,
Унучата научати,
Христа Бога почитати!» —
«Ты мнѣ, мати, не догодишь,
Тôлько вѣкъ свôй искоротишь:
Я лихого мужа маю,
Вôкномъ зъ хаты утѐкаю.»
За годинку за маленьку
Бѣжитъ сынокъ за матеньковъ:
«Прійди, мамко, ты до мене,
Пригода ся стала въ мене:
Грôмъ ми хату испаливъ,
Та й двѣ душѣ ми убивъ:
Вбивъ ми жёнку молоденьку;
Та й дитину малесенку!»
«Не грôмъ хату тобѣ спаливъ,
Тôлько тебе Господь побивъ;
Плавала я надъ лозы,
Побили тя мои слёзы.»

(Изъ Буковины.)

34.

Гей, по пôдъ гай зеленeнькій,
Брала панна лёнъ дрôбненькій,
Брала, брала, выбирала,
До серденька прикладала:

«Личко мое румяное,
Кому будешь, кохане?
Ой цы тому паничеви,
Шо му хустка у кишени?
Ой цы тому Козакови,
Шо му шабля при бокови?
Ой цы тому мужикови,
Шо му оре плугъ у поли?» —
«А ни тому мужикови;
Шо му оре плугъ у поли;
А ни тому Козакови,
Шо му шабля при бокови,
Але тому паничеви,
Шо му хустка у кишени,
Бо паничикъ повный грошій,
Кучерявый и хорошій,
Пуститъ мене погуляти,
Съ паробками танцёвати;
Я не буду шити, ткати,
Лишь паничика кохати.»

35.

(Т. I, 68.)

Ой во Львовѣ на рыночку сталася новина,
Чаровала бѣдна вдова богацкого сына;
Якъ го хтѣла чаровати, кликала до хаты:
«Прійди, прійди, красный хлопче, що 'сь ти йму казати!»
Ой пойшовъ я до хатины, стоитъ склянка вина:
«Выпий, выпий, красный хлопче! Я уже выпила.»
Ой выпивъ я ту одную, нальяла другую:
«Може ты ми заварила грутину якую?» —
«Хиба бы я дурна была, розуму не мала,
Шобъ я тобѣ, красный хлопче, грутину давала.»
Ой прийшовъ я до домоньку, та й сѣвъ у куточку,
Пытаеся мене мати: «Где ты бувъ, сыночку?» —

«Ой бувъ же я, моя мати, у той вдовы въ хатѣ,
Дала мѣнѣ склянку вина, треба умирати.
Ой дай мѣнѣ, моя мати, бѣлую сорочку,
Но прошу тя, не позывай, тои вдовы дочку:
Бо якъ будешь позывати, будутъ ми лаяти,
Будутъ мои кости зъ гробу назадъ выкидати.»

36.

(T. I, 68 (?), 81.)

Тамъ во Львовѣ на рыночку стала ся новина,
Счаровала дѣвчиночька богацкого сына;
Якъ го мала чаровати, кликала до хаты:
Прійди, прійди, мой миленькій! Що 'сь ти маю дати.
Прошу я тя, мой миленькій, на шкляночку пива:
На здоровье, мой миленькій! бо я вже выпила.» —
«Пила 'сь едну, пила 'сь едну, выпій ще другую,
Може ты ми сготовала трутизну якую.» —
«Хыба бы я дурна була, розуму не мала,
Щобы 'мь мому миленькому трутизну давала.»
Ой прійшовъ я до домоньку, сѣвъ си конецъ стола,
Мати ся мя запытала: «Де 'сь бувъ, сыну, вчора?» —
«Ой бувъ же я, моя мати, въ Паращинѣ хатѣ.
Якъ ми дала склянку вина, треба умирати.
Ой дай мѣнѣ, моя мати, бѣленьку сорочку,
Не позывай, моя мати, богацкую дочку:
Богацкая дѣвчинонька буде проклинати,
Буде мѣнѣ, молодому, тяжко умирати.»
Єго везутъ, коня ведутъ, кôнь головою клонитъ,
Молодая дѣвчинонька бѣлы руки ломитъ;
Ломитъ вона бѣлы руки зъ мезиньного пальця:
«Якъ не мала 'мь, такъ не буду, Василя коханця!»

37.

«Чорна гречка, бѣли крупы:
Не впадайся, дѣвча, въ руки!
Якъ у руки упадешься,
То по слюбѣ не скаешься.»—
«Ты, Козаче, не пытай!
Якъ мя любишь, присылай.
Та якъ хочешъ мене взяти,
Присылай сваты до хаты!»—
«Добрый вечѣръ вамъ, матусю!
Бо я прійшовъ по Настусю.»—
«Вòтчепися, вражій сыну,
Ты не вартъ моей дитины.»—
«Ты мене, мати, не знаешь,
Волоцѣговъ называешь,
Я є хлопецъ пребогатый,
Въ мене є товаръ рогатый,
Въ мене злото, въ мене сребро,
Въ мене вòвцѝ, и все добро.»—
«Бійко, доню, коцюбою,
Ней не ходитъ за тобою!»—
«Стара мати, Богъ съ тобою,
За що бити коцюбою?»—
«Щобы 'мъ ѣла борщъ безъ сала,
Абы ся съ нимъ пара стала!»—
«Якъ я жѐнки не мавъ,
Я горѣвки не пивавъ,
Теперѐнька жѐнку маю,
Горѣлоньку попиваю.
Возьми, жѐнко, два лòктѣ,
Принеси ми горѣвки!
Якъ не буду мавъ що пити,
Присяй Богу, буду бити.»—
«Лыжки, миски, до порога,
Несчастлива моя доля,
Що я собѣ наробила.

Же 'мь пяницю полюбила!»
Стара мати рано встала,
Не запецку заплакала:
«Но едну я дочку мала,
За пяницю тую дала!»—
«Ци жь я въ тебе не бувавъ?
Ты видѣла, що я мавъ:
Сѣрачина по колѣна,
На весёльє пожичена;
На весёльє вôдобравъ,
Ще ми гôрьшій жаль задавъ;
Мавъ я волы и коровы,
Забрали Жиды за довги,
А теперька хоть прійдутъ,
Посмѣяться, та й пôйдутъ.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

38.

Ой зацвѣла калинонька въ лузѣ:
Зломалася поличенька въ плузѣ;
Цы мѣнѣ тую полицю ладнати,
Цы мѣнѣ нôчку вандровати?
Не забивъ я но едну плѣшку,
Вандровавъ я до дѣвчины нôчку,
Вандровавъ я три мили дороги,
Прійшовъ я пôдъ ей пороги:
«Роствори мнѣ, дѣвчинонько, сѣни!
Бо мя твои собаки присѣли.»—
«Ней же тя таки заразъ зъѣдятъ,
Бо въ мене вже иншй у столахъ сидятъ!»
Ще Козакъ на лавонцѣ не сѣвъ,
Вже Козакъ перепелоньку зъѣвъ;
Не зъѣвъ же вôнъ, но едно крыльце,
Кольнула колька пôдъ ребро, подъ серце;
Уже Козакъ по пôдъ коню вьеся,

Дѣвчина безъ вôкно смѣеся:
«Не смѣй же ся, дѣвчинонько, зъ мене,
Наѣвъ я ся чаровины въ тебе!»
Вже дѣвчина на рочницѣ стала,
На Козака сыра земля впала;
Вже дѣвчиноньку до слюбу ладятъ,
А Козака до гробу провадятъ.

39.

(Паул. II, 123.)

Ой гаю жь мôй, гаю, зеленый розмаю!
Самъ не знаю, не вѣдаю, що чинити маю:
Казали ми дѣвчатонька на нôчь приходити,
Поставили сторожочку, хотятъ мене вбити.
Сторожочка добра була, дала мêнѣ знати:
«Гей, утêкай, ледêнику, хотятъ тя пôймати!»
А я, гôльтай молоденькій, того не злякався,
Хильцемъ, хильцемъ, по пôдъ вербы, та въ зѣлье сховався.
Выйшли раненько дѣвчата зѣлье пôдливати,
И зачали гôльтаєвй слѣды пôзнавати;
А я, гôльтай молоденькій, взявся по пôдъ боки:
«Дивѣть же ся, дѣвчатонька, якій я высокій!»

40.

Ой зъ вечера, зъ вечера, люлька ся курила,
Якъ упала изъ полицй, на цебрикъ ся збила;
Спавъ я собѣ на припêчку и зачавъ думати:
«Люлько жь моя червоная, вже жь тебе не мати!»
Ой пôтовъ я до Бурштина люльку куповати,
Знайшовъ люльку червоную, не мôгъ сторговати,
Ажь єдная мармозеля штопо продавала,

И та мѣнѣ червоную люльку сторговала.
Ой пошовъ я до дѣвчины люльку покурити,
Здерли зъ мене опанчинку, ѣще хтѣли бити;
А я собѣ хлопецъ добрый, добре догадався,
Опанчину вòдобравъ и бити не дався;
Ой втѣкавъ я черезъ поле и не оглядався,
А за мною мужикъ съ цѣпомъ, якъ скаженый гнався.

41.

Чемъ соловѣй не спѣвае?
Голосу не мае,
Ходитъ боднарь по лѣщинѣ
Обручѝ рубас.

* * *

Витявъ едень, вытявъ другій,
На третій гадае,
Молодая дѣвчинонька,
Гаю доглядае.

* * *

«Ой знати ти, дѣвчинонько,
Отца, мати не маешь,
Що ты така молодая
Гаю доглядаешь?» —

* * *

»Ой маю я отця, мати,
Обое старенькѝ,
Кажутъ мѣнѣ доглядати
Въ гаю зелененькòмъ.»

Каламутна вода въ рѣчцѣ,
Та ходѣмъ до ставу:
Зробила 'сь ми, дѣвчинонько,
Велику неславу.»

42.

Ще не свитає, мати пытає,
«Где вѣночокъ задѣла?» —
«Ой, матусю моя единая,
Гультаёви дала.

* * *

Моя мати, моя единая,
Не турбуйся ты того,
Єна водѣ два лебедѣ,
Пóшлю я єдного.

* * *

Лебедѣ плывутъ, вѣнка не несутъ,
Мати ся журитъ,
Мóй вѣночокъ, моє паненьство,
Вже ся до мене не вернутъ!»

* * *

Взяла в'на сѣтки, пóшла на квѣтки,
До городочка свого,
Що вырве листокъ, кладе до устокъ,
До серденька свого:

* * *

«Чомъ ты цвѣтешь, жовтая лелѣ,
Що я тебе садила?» —

«Не для тебе то, мачотравицё,
Що 'сь вѣночокъ сгубила.

* * *

Не радовала 'сь ся матки,
Сгубила 'сь вѣнокъ,
Но 'сь ся дивила на кавальера,
Що мае личенько гладке.

43.

Купью я ти, дѣвчинонько,
Та й павяный вѣнокъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчь на Понедѣлокъ!

* * *

Купью я ти, дѣвчиненко,
Та й сорокъ пацорокъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчь на Второкъ!

* * *

Купью я ти, дѣвчинонько,
Запаску съ переду,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Середу!

* * *

Купью я ти, дѣвчинонько,
Срёбный перстенецъ,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Четверецъ!

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу спôдницю.
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Пятницю!

* * *

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу капоту,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Суботу!

* * *

Купью я ти, дѣвчинонько,
Дорогу делѣю,
Ходи зо мновъ ночовати
Нôчку на Недѣлю.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
Въ першій Понедѣлокъ.
Будуть зъ тебе знимати
Тотъ паванный вѣнокъ.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
А другій Вôвторокъ.
Подивись на твое личко,
Маешь синцéвъ сорокъ!

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько
А въ третю Середу.
Подивимся довкôла себе,
Ци рôвна въ череду.

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
А въ Четверъ четвертый.
Якъ ти буде лиха доля,
Твои кости терти.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
А въ пяту Пятницю.
Якъ не зможешь выкликати,
Изъ корчмы пяницю.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
А въ шесту Суботу,
Якъ не зможешь выкликати
Пяницю въ роботу.

* * *

Ой заплачешь, дѣвчинонько,
А въ сему Седѣлю,
Якъ не зможешь выкликати
До церкви вôтмѣну.

44.

Мысли мои, мысли, чого вы ту пришли?
А пôдъ моимъ миленькимъ сивый коникъ быстрый;
Сивый коникъ быстрый, золотая зброя,
«Що ты собѣ гадаешь, дѣвчиночько моя?»—
«Гадаю, думаю, въ тоіі дунай втонути,
Жебы за тобою, гультаю, не бути.
Якъ въ дунаіі утону, где схочу спочину,
А якъ за гультая пôду, марно съ свѣта сгину.
Плынутъ каченята быстрою водою:

«Выйди, выйди, дѣвчино, розмовься зо мною.!»—
«Не разъ, не два, я съ тобовъ розмовляла,
Нигды я тобѣ правды не сказала;
Тогды я тобѣ усю правду скажу,
Якъ твою рученьку на мою повяжутъ.
Тамъ на горонцѣ церковця стояла,
Тамъ дѣвчина примушоный слюбъ брала.
«Слюбе мôй, слюбе, примушоный слюбе,
Повѣджь ми правду, чи гараздъ ми буде?»—
«Такъ я тобѣ скажу, ты, дѣвчино красна,
Якъ нелюбъ не любитъ, то доленька несчасна.»
Поставлю я собѣ хату съ дерева самого,
Буду я ходити вечера каждого.
Поставлю я хату съ дерева кендрины,
Якъ ми ту зле буде, пôду до родины.

45.

Оженила мати сына,
Сына молодого,
Привели невѣстку
До своего дому.

* *
*

Послала сыноньку
Въ далеку дорогу,
А невѣстоньку
Въ поле до лёну:

* *
*

«Якъ лёнъ выберешь,
До дому прійдешь,
Якъ нн выберешь лёну,
Не прійдешь до дому.»

Не выбрала лёну,
Не прійшла до дому,
Пôшла она, пôшла,
Доломъ, долиною.

* *
*

Стала она, стала,
Въ полю тополёю,
Стала тополёю
Та на своёмъ полю.

* *
*

Прiѣхавъ сыпонько
Съ далекой дороги,
Упавъ своёй мати
Низенько у ноги:

* *
*

«Ой мати, мати,
Що ту чувати,
Же моёй милои
Дома не видати?»—

* *
*

«Пôшла она, пôшла,
Доломъ, долиною,
Стала тополёю
Та на своёмъ полю.»—

* *
*

Возьму я собѣ
Острую сокиру,
Порубаю тополю
Та на своёмъ полю.

Цюкнувъ вóнъ ю разъ,
Она ся схилила:
«Не цюкай мя, мѝлый,
Бо я твоя мила!»—

* * *

«Бодай наша мати,
На свѣтѣ не жила,
Же насъ молоденькихъ
Съ пары розлучила!»

46.

(I, 204; Паул. II, 18.)

Ой въ мѣстѣ, въ мѣстѣ,
Въ мѣстѣ Березѣ,
Мала́ Жидóвка
Дочку Хаюню;
А любивъ ею
Ивась Тарновскій:
«Хаюню, любуню,
Чи любишь ты мене?»—
«Гой, гой, я люблю тебе.
Татыли, мамыли,
Пóшли до школы,
Лишили мéнѣ
Ключь вóдъ коморы.» —
«Хаюню, любуню,
Коли пріѣджати?»—
«Ивасю Тарновскій,
Въ Суботу рано,
Гой, гой, въ Суботу рано.»—
На першій вóзъ брали
Скриня́, перины,

А другій вôзъ брали
Грошй золотыи,
На третій вôзъ сѣдали
Гой, гой, воны обое.
Ивасю Тарновскій,
Где твои дворы?»—
«Хаюню, любуню,
За тыми горы,
Тамъ мои дворы.»—
Ой выѣхали
На мôстъ высокій,
Кинувъ Ивась Хаюню
Въ дунай глыбокій:
«Плывай, Хаюню,
Вôдъ краю до краю,
Колись не знала
Нашого звычаю!
Плывай, Хаюню,
Вôдъ мѣры до мѣры,
Колись не знала
Нашои Вѣры!»

47.

Ой ты, сива зазуленько,
Высоко лѣтаешь.
Повѣжь менѣ щиру правду,
Где любка видаешь?» —

* * *

«Повѣмъ я щиру правду,
Смутну, невеселу,
А вже твою файну любку
До слюбу повели.» –

«А най ведутъ, а най ведутъ,
Най и заведутъ,
А я пôшлю добрыхъ людей,
Нехай отдадутъ!

* *
*

А я пôшлю добрыхъ людей
Або пôду самъ, самъ,
Та буду ся споглядати,
Що сидитъ за панъ.

* *
*

Сидитъ мила конецъ стола,
Межи панянками,
Якъ на небѣ красный мѣсяцъ
Межи звѣздоньками.

* *
*

«Ой ты мила, ой ты мила,
Не по правдѣ жіешь,
Дала 'сь менѣ бѣлу ручку,
За инчого идешь.»

48.

А въ недѣлю дуже рано дощикъ накропляе,
А та бѣдна удовонька волы выгоняе:
«Пасѣть же ся, сѣры волы, пасѣть же ся сами,
Я не маю господаря высылати зъ вами!
Та надъѣхавъ Козаченько, та сблудивъ съ дороги,
Та заѣхавъ на подвôрье до вдовы небоги:
«Помогай, Бôгъ, удовонько! Якъ же ми ся маешь?»—
«То ты 'сь Козакъ зъ Украины, по чѣмъ ты мя знаешь.?»
«Познаю тя, удовонько, по твоей худобѣ,»

Худоба ти невесела, ты сама въ жалобѣ.»—
«Прошу я тя, Козаченьку, до новои хаты,
Сама пôду вороное стадо выганяти».—
«Цы ты, молоденька, челядки не маешь,
Що ты сама, удовонько, стадо выганяешь?»—
«Ой маю я челядоньку, не хоче робити,
Одна пôшла въ карты грати, друга въ коршму пити»—
«Ой цыть, вдово молодая, Господь Богъ съ тобою!
Якъ намъ Панъ Богъ допоможе, будешь ми женою.»—
«Ой що жь бы то, Козаченьку, за неслава впала,
Щобы я ся, молоденька, и тобѣ достала!»—
Тамъ по горѣ по высокôй ходила Марыся,
Ой ходила и гукала: «Козаче, вернися!
Ой вернися, Козаченьку, вернися, вернися!
Єсть у мене медъ и вино, напійся, напійся!»—
«Єсть у тебе медъ и вино, напій же ся сама!
Я не твôй, ты не моя, ты 'сь вдова кохана!»

49.

Ой що жь менѣ по фортунѣ на тôмъ свѣтѣ было,
Коли Господь мѣнѣ отнявъ, що ми було мило;
Фортуна ми въ нивечь пôшла и всяя надѣя,
Наглая смерть наступила, взяла пріятеля.

Ой пôду я до сосѣды порады зажити,
Пôшла моя порадонька въ сыру землю гнити;
Куды иду, туды иду, все одно гадаю.
Якій, такій, съ пріятелемъ, я ёго не маю.

Ой пôду я на ярмарокъ, знайду всёго много,
Но не знайду пріятеля, любця золотого.
Высокая лѣщинонька широкій листъ мае,
Тяжкій тягаръ на серденьку, хто же о тôмъ знае?

Тяжкій тягаръ на мя впаде, я то перебуду,
Но о своёмъ пріятелю нигды не забуду.

Летѣвъ орелъ по надъ море: «Подай, море, питы!»
А всѣ люде съ пріятелемъ, менѣ нѣ съ кѣмъ жити.

Летѣвъ орелъ по надъ море, и въ море схилився:
А всѣ люде мовятъ менѣ, же бымъ оженився.
А хотяй бымъ хгѣвъ зажити людской порады,
Но такъ, щобы 'мь я не зробивъ своимъ дѣтемъ зрады.

Взявъ бымъ собѣ дѣвчиноньку, якъ лебедь бѣленьку.
Ой привѣвъ бымъ дѣтемъ матѣрь, якъ ледъ студененьку.
Ой пôду я походити по горѣ, долинѣ,
Чи не прійде она сюда къ своѣй родинѣ.

Борше бы то гора къ горѣ дала схилитися,
Нижели ѣй сюда прійти та подивитися.

(Изъ мѣстечка Потылича Жолковскаго У., поется также въ Чуловичахъ, селѣ Самборскаго У., съ мѣлкими перемѣнами.

50.

Ой шумятъ луги, шумятъ,
Буйны вѣтроньки вѣютъ:
Не вкрывай мя, мôй миленькій!
Мене твои слова грѣютъ.

* * *

Ой грѣютъ они, грѣютъ,
Якъ Козацькая думка,
А ты сядешь, та й поѣдешь,
Я ся лишу, якъ голубка.

* * *

Не жаль же ми за водою,
Що бренитъ по камѣнью,
Ино ми жаль на милого,
Поѣхавъ на Украину.

Ой поѣхавъ, поѣхавъ,
Не звѣнчався зо мною,
Бодай же му коникъ издохъ,
Самъ наложивъ головою!

* *
*

Ой не слухай, милый Боже,
Що я тое говорила,
Бодай мого миленького
Пречистая боронила!

* *
*

Нема мого миленького,
Нема моёй квѣтки,
Я жь бы ёго вызирала,
Сама не знаю звôдки.

* *
*

Нема мого миленького,
Ой нема жь мого пана,
Ой вже жь ёго бѣла постѣль
Порошенькомъ припала.

* *
*

Нема жь мого миленького,
Тамъ на горѣ траву коситъ,
Буйный вѣтеръ повѣвае,
Ажь до мене голосъ носитъ.

51.

Добре мêнѣ говорили кумы и сусѣды:
«Не дай жêнки на весêлье, наробишь си бѣды!»
А я, бѣдный, несчасливый, самъ переконався,
Жêнка дружбу полюбила, самъ въ нêй закохався.
Радьте мêнѣ, добры люде, що маю робити?
Замкну êê до коморы, не дамь ѣсти, пити:
Она мене перепроситъ, дарую êй тое,
Щобъ не було межи нами тое, що е злое.
Добре менѣ панъ реентный вчора говорили:
«Не дай жêнку на веселья, кожуха, кобылы:
Бо якъ жêнка яка ладна, то ю зневажаютъ,
А одежа хоть порядна, то споневѣряютъ,
А кобыла або здохне, або пôдпалится,
Чужихъ жêнокъ зачипати, Бôгъ ме, не годится!»
Радьте менѣ, мои кумы, що жь маю робити,
На що жь менѣ, молодому, такъ теперь постити?

52.

Гей, на горѣ явôръ зелененькій,
Пôдъ яворомъ Козакъ молоденькій,
Сидитъ, сидитъ, на скрипочку грае,
Струна струнѣ правду вповѣдае:
«Нена встриму вдовиному сыну,
Звêвъ зъ розуму молоду дѣвчину:
Гей, якъ звêвъ же, на коника сѣвъ же,
Воронъ коня свого на волю пустивъ же.
Ѣде собѣ, ѣде, долôвъ за водою,
Чей ся стрѣтитъ, здыбле, съ своêвъ родиною?
Ни родины, ни дружины,
Бѣдна жь моя головонька!
Гей, якъ мêнѣ вогорѣла
Та чужая сторононька:
А на чужêй сторононцѣ
Назвали ня заволокою,

Кажутъ мѣнѣ рѣчку плысти
Широкую та глыбокую;
А на тій быстрій рѣцѣ
Пьютъ голубы зимну воду:
«Гоя, гоя, по дунаю,
Плынѣть, ленѣть, до мого роду!
Та не кажѣть, голубочки,
Що я тутъ тяжко бѣдую,
Але кажѣть, голубочки,
Що я тутки та й паную:
Горьке мое панованье,
Цѣсарское шанованье—
Вставаючи, лягаючи,
Слѣзоньками вмываючись!

53.

Оженився человѣкъ, та й на якеесь лихо,
Теперь дома, якъ въ млынѣ, николи не тихо;
Якъ ми перша жѣнка вмерла въ зимѣ, поховавъ емь,
Зостался двое дѣтій, горко працёвавъ емь.
Єдно 'мь носивъ на рукахъ, друге колысавъ емь,
Якъ пригадавъ першу жѣнку, ревне заплакавъ емь.
Якъ ми стали добрій люде тее говорити:
«Нема дома господиній, треба ся вженити!»
Наравъ ми нашь кумъ реентъ: «Є въ дворѣ дѣвчата:
«Возми собѣ зъ двора дѣвку, буде панъ за свата!»
Взявъ я собѣ зъ двора дѣвку, але жь не такая:
И пещаща, и ледаща, до того лихая;
Скажи ёй яке слово, осою ся кине,
За дворакомъ казится, ажь мало не згине.
Поѣхавъ я въ дорогу ажь на двѣ недѣлѣ:
Бѣдна жь моя головонько, не маю надѣи!
Пріѣхавъ я зъ дороги, домъ мій водмѣнився,
Якъ погадавъ першу жѣнку, слѣзами обмывся;

А стодола вòдчинена, гостѝ люльки курятъ,
Щобъ зъ дороги не пріѣхавъ, жѐнкою ся журять;
Дѣти ходятъ якъ святіи, и свѣтятъ колѣньми,
Повбивала имъ мачоха, якъ била полѣньми!

54.

Романъ волы наповае,
Дѣвча воды доливае,
Дѣвча волы доливае,
Романъ зъ коновъ выливае:
«Ой Романе, Романочку,
Пусти жь мене до домочку!
Бо то мати не рòдная,
Головко жь моя бѣдная!
Буде бити, катувати,
Нема кому ратувати;
Буде бити, волочити,
Нема кому боронити!» —
«Знаешь, дѣвча, що казати,
Не буде тя бити мати:
Надлетѣли гуси зъ броду,
Сколотили зимну воду,
За кимъ ся вода встояла,
Я зъ Романомъ постояла.»

55.

Ой Романе, Романочку,
Вòдгадай ми загадочку:
А що росте безъ корѐня,
А що горитъ безъ пломѐня,
«А що цвѣте безъ цвѣточку?»—

«Камень росте безъ корѣня,
Любовь горитъ безъ пломѣня,
Вода цвѣте безъ цвѣточку,
Ты мой милый, Романочку!»

56.

Ой ходила по саду,
Та й сбирала лободу:
Таки свому миленькому
За наймычку не буду.

* * *

Ты пшеницю продаешь,
Менѣ гроши не даешь,
Я съ родинковъ сойдуся,
За цыбульку напьюся.

* * *

Пришли Жиды по довжокъ,
Взяли въ мене пять лыжокъ,
Мене дома не було,
Они взяли й помело.

* * *

Пришли Жиды по вола,
Я вже дома була:
Кадукъ вашій Жиды мавъ,
Я не пила на вола!

* * *

Въ мене когутъ на шопѣ,
Знесъ ми яецъ три копы,
Якъ я яйця продамъ,
Тогды довжокъ воддамъ.

Не разъ не два, кумцю моя,
Пôдъ оконцемъ въ тебе стоя,
Не разъ стою, та й боюся,
Та якъ на рожнѣ трясуся.

* *
*

Щобъ ся хто не выхопивъ,
Мене за лобъ не вхопивъ,
Не разъ, не два, псами чвали,
Та ще сами засѣдали.

* *
*

Якъ бы були йимли,
Були бы мя вбили,
А я, добрый хлопецъ,
Та й до полёванья,

* *
*

На двохъ ногахъ хожу
Безъ хорта спôйнаю,
И гусочку обскубаю,
И подушку свою маю:
Якъ ся ляжу спати,
Не хочеся встати.

59.

«Эй, Грушечко давна,
Давна, жалôбная!» —
«Пусти мене, старый!» —
«Некъ ти, нерзена!
Въ недѣлю до церкви
Не пущу, небого;

Бо тамъ дячкôвъ много,
А ты молоденька,
Гуляти 'сь радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.»

«Эй, Грушечко давна,
Давна, жалôбная!»—
«Пусти мене, старый!» —
«Пекъ ти, мерзеная!
Въ корчму на гулянье,
Не пущу, небого:
Тамъ парубкôвъ много,
А ты молоденька,
Гуляти 'сь радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.»

«Эй, Грушечка давна,
Давна жалôбная!»
«Пусти мене, старый!» —
«Пекъ ти, мерзеная!
До Дунаю воды брати,
Не пущу, небого:
Тамъ рыбарôвъ много,
А ты молоденька
Гуляти 'сь радненька,
Та дашься имъ на пôдмову.» —

«Пусти брата свого
И дѣверя мого,
Та най менѣ вѣра буде!
Пустивъ брата свого
И дѣверя мого,
Таки жь мѣнѣ вѣра була:
Одновъ ручковъ воды начеряе,
Другôвъ ручковъ въ море потапае:
«Та най мои очи
Жовтый пѣсокъ точитъ,
Та най нелюбъ не звиджае!

Та най мои лицѝ,
Поѣдя плотицѝ,
Та най нелюбъ не цѣлуе!
Та най мое тѣло
Рыбка шибка ѣла,
А най нелюбъ не збиває!
Та най мои ноги
Поѣдя стоноги,
А най нелюбъ не сходжає!»

60.

Ой выорю я пивку,
Та посѣю тамъ ганушь,
Ой не дай мене, моя матѐнько,
Вже за дворака замужь!

* * *

Бо дворакъ молоденькій,
Вонъ въ далекóй дорозѣ,
Бѣдна жь я, вдова, рубаю дрова,
Горе жь мѐнѣ, небозѣ!

* * *

Ой у лузѣ калина
Та вотъ соненька зовяла,
Ой полюбила я проходисвѣта,
Та й за нимъ я пропала!

* * *

Вырву же я калину,
Та на дорозѣ покину:
Несчасна доля съ тымъ пройдисвѣтомъ,
Я на вѣки загину!

Ой по́ду я до броду
По студеную воду,
Ой стану я, стану, тамъ я подивлюся,
Чи хороша на вроду:

* * *

И на личеньку бѣла,
И на вродоньку красна,
А що жь мѣнѣ съ того молоденькій,
Коли доля несчасна!

60.

(I, 274.)

Пійте, люде, горѣлоньку,
А вы, гуси, воду,
Плынѣть, плынѣть, бѣли гуси,
Ажь до мого роду!

* * *

Не повѣжьте, бѣлй гуси,
Що я такъ бѣдую;
Но повѣжьте, бѣлй гуси,
Що я роскошую.

* * *

Єще гуси не доплыли,
Вже родина знає,
Вже ся мною, сиротою,
Родина цурає.

* * *

«Не цурайся, родинонько!
Я тобовъ не буду;
Пріѣдь, пріѣдь, въ гостиноньку,
Я ти рада буду!

Сама сяду на постелѣ,
Тебе гостемъ прійму:
Развесели мое серце
Хоть едну годину!»—

* * *

«Якъ же мы тя, моя сестро,
Маємъ веселити?
Ой въ далекôй 'сь краиноцѣ,
Не можемъ трафити.»

61.

Ой бѣда тому, ой бѣда тому,
Що горѣлицю любитъ,
По ночи ходитъ, по ночи ходитъ,
Оченьками блудитъ!

* * *

Ой лѣпше тому, ой лѣпше тому,
Що горѣвку не любитъ,
Вôнъ дома сидитъ, вôнъ дома сидитъ,
По ночи не блудитъ.

* * *

«А вы, дѣтоньки, а вы, дѣтоньки,
Раненько вставайте,
Та сѣчку рѣжьте, та сѣчку рѣжьте
Худобы дозирайте!«

* * *

А зôшлися та папы газды
Въ господарскій дôмъ:
«Такъ мы собѣ починаймо,
Щобы Богъ завидѣвъ.

Ой щобы мы та не болѣли,
А ни хоровали,
Ой щобы мы отъ Господа
Божу ласку мали!»

62.

(I, 225—226.)

По тôмъ боцѣ дуная,
Не далеко вôдъ края,
Чобанъ рôвцѝ корняе,
Та й на хлопцѝ моргае:
«Ой вы, хлопци-молодцѝ,
Поклонѣтся дѣвочцѣ,
Що въ шовковôй сорочцѣ!
Най она ся не журитъ,
Красу лиця не губитъ!
Бо я хлопецъ молодый,
Ще до того войсковый,
Якъ я пôду на вôйну,
Тебе лишу на бѣду;
Якъ я пôду въ чужій край,
Тобѣ буде за мновъ жаль;
Якъ я буду стрѣляти,
А ты будешь плакати.»—
«Ой що, ненько, робити,
Не хоче чобанъ любити?»—
«Копай, дочко, корѐня,
Зъ пôдъ бѣлого камѐня!»
Копала го цѣлый день,
Не вкопала лишь одень,
Полокала на руцѣ,
Та й мочила въ горѣвцѣ,
Варила го въ молоцѣ,
Та й приваблю молодци;

Ще корѣнье не въ гранѣ,
А вже чобанъ на конѣ.
Єще корѣнь не вкипѣвъ,
А вже чобанъ прилетѣвъ:
«А що тебе принесло,
Ой чи човенъ, чи весло?»—
«Принѣсъ мене сивый кôнь
До дѣвчины на поклôнъ:
Сорокъ волôвъ полевыхъ,
Триста коней вороныхъ,
Сѣмь сотъ овецъ въ дойнику,
Ялôвнику безъ лику,
А дѣвчина въ лѣтнику.»
А она то якъ вчула,
Та й за гору стрепнула,
Бѣловъ ручковъ махнула.

63.

На тôмъ боцѣ дуная, Гей, гей!*
Чобанъ вôвцй корняе:
«Та вы хлопцй, молодцй,
Скажѣть то тôй дѣвочцѣ,
Шо въ шовковôй сорочцѣ,
И въ багрявôй горготцѣ,
Нехай мене не любитъ,
Лѣта свои не губитъ!
Бо я чобанъ молодый,
Ще й до того убогій:
Стадо коней въ дубнику,
Сѣмь сотъ овецъ въ дôйнику,
Ялôвнику безъ лѣку,
А дѣвчина въ лѣтнику.»—
«Що бы, ненько, робити,

---

* Такъ послѣ каждаго стиха.

Не хочь чобанъ любити?»—
«Копай, доню, корѣня,
Съ подъ бѣлого камѣня;
Вари го въ молоцѣ,
Що бъ любили молодцѣ!»
Єще корѣнь не вкипѣвъ,
А вже чобанъ прилетѣвъ:
«А що тебе принесло,
Цы човенчикъ, цы весло?»—
«Принѣсъ мене сивый кѣнь
До дѣвчины на поклѣнъ.»

(Изъ Буковины.)

63.

«Чы ты мене, Василю, не знаешь,
Що ты мою хаточку минаешь?
Моя хатка край воды, край воды,
Зъ высокого дерева, зъ лободы.
Чорнѣ очи якъ деренъ, якъ деренъ,
Коли жь ми ся поберемъ, поберемъ?» —
«Маю въ Бога надѣю, надѣю,
Поберемся въ Недѣлю, въ Недѣлю.»
«Де жь ты мене поведешь, поведешь,
Своей хаты не маешь, не маешь?»—
«Поведу тя я въ чужую, въ чужую,
Поки свою збудую, збудую.»—
«Будуй свою зъ лободы, зъ лободы,
До чужои не веди, не веди!
Чужа хата тяжкая, тяжкая,
Де свекруха лихая, лихая.
Эй ты любишь Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишь играшку, играшку;
Присіяй Богу, не люблю, не люблю,
И любити не буду, не буду!»

«Гей, ходило курятко по току:
Чекай мене, дѣвчино, до року!»—
«Хиба бы я розуму не мала,
Що бымь тебе до року не ждала.»

64.

(Т. I, стр. 383.)

Тамъ на старôй греблѣ,
Тамъ млыночокъ меле:
«Чому не приходишь,
Мôй милый, до мене?»—
«Якъ же я маю ходити,
Хотятъ насъ вороги сгубити:
Покопали ямы,
Пôдъ кимъ? Пôдъ нами;
Покопали ямы горою,
Щобымь не стояли съ собою.
Иструдивъ я коня, иструдивъ другого:
Повѣжь мила, правду, ци буде що зъ того?
Цы буде що зъ того, та й цы нѣ?
Най не вяне серденько въ мêнѣ!»—
«Я тобѣ казала, що слухали люде,
Що у мене, милый, вѣна не буде,
Возмутъ мене, милый, такъ люде.»—
«Эй, серденько мое, не кажи ми того!
Я тобѣ не кажу за вѣно нѣчого,
Ты у мене вѣно самая,
Якъ на небѣ зоря ясная.»—
Теперь мêнѣ кажешь: «Зоренька ясная!»
По тому ми скажешь: «Доле несчасная!»
Не дай то, Боже, недуги,
Будешь ся дивити на други.»—
«Скарай же мя, Боже, на душѣ, на тѣлѣ,
Коли я що мыслю та й о злôмъ дѣлѣ,
Скарай же мя, Боже, та й за разъ,

Коли я що мышлю негараздъ!»—
«Не скажешь, ты милый, скаже твоя мати:
«Було дѣвчиночку безъ вѣна не брати;
Не скаже мати, то сестра:
«Небогато 'сь вѣна нанесла!»—
«Эй, серденько мое, не кажи ми того,
Бо моему роду ни чо не до того,
Не тое то вѣно, що даютъ,
Та якъ ся доробятъ, такъ маютъ.»

65.

Чего я плачу, чего, чего, я смучуся,
Чего я ажь теперь плакати учуся?
Знаю бѣду, знаю я пригоду,
Моимъ ворогамъ нѣгды не догожу.
Вороги жъ мои, скажить же мѣнѣ,
Що жь вы за причину находите въ мѣнѣ?
Що жь я вамъ зробивъ та й такого злого,
Вы мене судите, якъ бы остатного?
Взяли 'сте гоноръ, отберѣть и славу,
Вынесѣть славу на высоку трону,
Зрыйте тѣло, зрыйте, лишь только немного,
А серця не рушите, бо вамъ нѣцъ до того!
Ой бо мое серце душу въ собѣ носитъ,
У вашои ласки нѣчого не проситъ,
Лишь у единого Бога найвыжшого
О милосердіе, и тако бѣ много.

66.

(Т. I, 267 и 110.)

Ой по горѣ, горѣ, явôръ похилився,
Сынокъ до матери низенько вклонився:
«Позволь мѣнѣ, мати, сіе дѣвче взяти,
Яка нôчь велика, нѣ съ кѣмъ розмовляти!»—

«Ой маешь ты, сыну, коня вороного,
Розмовляй же ся съ нимъ до дня бѣленького!»—
«То жь бы тобѣ, мати, такъ легко конати,
Якъ же мѣнѣ легко съ конемъ розмовляти!
Ой коню мой, коню, що ты такій смутный?
Цы ты изъ дороги прійшовъ такій трудный?
Ой цы моя зброя тобѣ догорѣла,
Цы моя дѣвчина тебе зневажила?»—
«А ни твоя зброя мѣнѣ догорѣла,
Ни твоя дѣвчина мене зневажила,
Догорѣли жь мѣнѣ тіи твои коршмоньки,
Догорѣли жь мѣнѣ твои дороженьки:
Ты до коршмы йдешь, піешь й гуляешь,
За мя, воронъ коня, слова не згадаешь;
Передъ тобою стоитъ медъ, горѣвка,
А передъ мною а ни стебла сѣнка;
Передъ тобою дѣвки й молодицѣ,
А передъ мною не кропли водицѣ;
Ты изъ горы ѣдешь, мене не стримаешь,
Ты до горы ѣдешь, мене нагоняешь;
Ты до дому идешь, та й спати лягаешь,
Мене, воронъ коня, не роззумбелаешь;
Ты до дому прійдешь, лягаешь въ перины,
А передъ мною а ни стебелины!»

67.

Жали жъ мои, жали,
То 'сь те ми на зрадѣ,
Якъ дробна росонька,
По зеленой травѣ!

* * *

Якъ вѣтеръ повѣе,
Та й росоньку звѣе,
Вже мь мое серденько,
Зъ жалю не отѣе!

Якъ засп҃ваю
Въ зелено҃й до҃бровѣ,
По҃йде голосочокъ
До моей милои.

* * *

Якъ миленька вчуе,
Та й словонко рече:
«Де сь мое серденько,
Въ чужинѣ щебече!»

* * *

Ой выйду я на горонько,
Гора ся бѣлѣе,
Де жь ся моя миленькая
На зиму подѣе?»—

* * *

«Збудую я хатку
Зъ жовтого дерева,
Буду приходити
Кождого вечера.

* * *

Збудую я сѣни
Зъ жовтой кидрины,
Буду приходити
Кождои годины.

* * *

«Во҃вцѝ жь мои, во҃вцѝ,
То чорнѝ, то бѣлѝ,
Хто жь васъ буде пасти
Святои Недѣлѝ?

Вôвцѝ жь мои, вôвцѝ,
Великій бутею,
Хто васъ буде пасти,
Якъ я ся оженю?»—

* *
*

«Сами будемъ пасти,
Сами завертати,
Тебе, вôвчерику,
Завше згадувати.»

68.

(II, 576 и 33.)

Дубъ на дуба повалився,
Сынъ съ мамкою посварився:
«Иди, мати, пречъ вôтъ мене,
Будутъ гостѝ красни въ мене!

* *
*

Мои гостѝ въ кармазинѣ,
Ты въ пôдертôй сукенчинѣ.»—
«Я тя, сынку, выплекала,
Я тя гôрко згодовала.

* *
*

Да на тебе всю налѣю,
Де жь ся теперь, бѣдна, дѣю?»
Сынъ на тое невважаетъ,
Маму зъ хати выражаетъ.

* *
*

Надôхнула тяжко мати:
«Прощай, сынку!» пôйшла зъ хаты:
Вышла мати за подвôрье.
Бôль пôйшла по безъ мѣры.

Идетъ мати по дорозѣ,
Рѣнь въѣдается ей въ нозѣ.
Идетъ, стогнетъ, увявае,
Горесть вся предъ нёвъ лѣтае.

* *
*

Сынъ злодарный за плечима,
Голодъ, студень, предъ очима,
Ходитъ спати полянками,
Кормючися терночками.

* *
*

Ходитъ спековъ и зимою,
Боса, зъ головъ головою,
Ходитъ полемъ и лѣсами,
Неразлучна съ слезоньками.

* *
*

Идетъ мати стежечкою,
Здыбается съ донечкою:
«Прійми, донько, твою мати,
Буду тобѣ угожати!»

* *
*

Дѣточки ти колисати,
И хаточку замѣтати!» —
«Ахъ, не прійму, бо не можу,
Сама съ часта блудомъ хожу:

* *
*

Прелихого мужа маю,
Вокномъ зъ хати утёкаю.»
Шумитъ вѣтеръ дубиною,
Вже бѣжитъ сынъ за мамою:

Єдинъ веде за рученьку,
Другій за рукавъ,
Третій стоитъ, серце болитъ,
Що любивъ, та не взявъ.

71.

Темная нôчка, темна, не видненка:
Головонько ты моя бѣдненька,
Съ кимъ я буду нôчку ночувати!
Съ кимъ я буду ревне розмовяти?
За ворôтьми явôръ зелененькій,
Подъ яворомъ хлопець молоденькій,
Съ тимъ я буду нôчку ночувати,
Съ тимъ я буду ревне розмовяти.
«Вы, сусѣды, вы, добріи люде,
Сватайте дѣвчину, господиня буде!
Що чужая була, теперь моя буде,
Оженюся, раютъ мѣнѣ люде.
Чужой жоны не похищаю,
Богатую не вышукую,
Возьму собѣ сиротоньку,
Що зазнала клопотоньку.
По садочку ходила,
Садовину садила,
И ходячи говорила:
«Нема того, кого я любила!
Мамко жь моя старенькая,
Долежь моя бѣдненькая!
Хорошую 'сь мя згодовала,
Щастя, доли, не вгадала!»—
«Все жь я тобѣ, доню, дала,
Щастя, доли, не вгадала,
Проси Бога ажь до вѣка
О доброго чоловѣка!»

Просю Бога о долечку,
О щасливу годиночку,
Хто мя любитъ, я не ёго,
Кого люблю, нема того! »

72.

Стоитъ явôрь надъ водою,
Вѣтеръ нимъ колыше,
А я того полюбила,
Що акцизу пише.

* * *

Якимъ правомъ полюбила,
Прошу послухати:
Гузики ся зблыщали
Взяла 'мь ся пытати.

* * *

Ой що ся тамъ заблыщало,
Що ся тамъ яснѣе?
Коло шеи файный ковняръ
Якъ май зеленѣе.

* * *

Коло шеи файный ковняръ
Якъ май зелененькій,
Аще красшій въ тôмъ ковнярѣ
Хлопецъ молоденькій.

* * *

А надъ чоломъ малый дашокъ
Ясно глянцованый,
А надъ дашкомъ тонкій сурокъ
Срёбромъ проплётаный.

А надъ снуркомъ кругла рожа
Злотомъ вышивана,
Та й и цыфра́ золотая
Яснѣйшого Пана.

* *
*

Давъ имъ Цѣсарь таки знаки,
Щобы ихъ любити,
Лише не давъ позволеня
Щобы ся женити.

* *
*

Ой Цѣсарю, Цѣсарику!
Буду тя просити:
Позволь мѣнѣ по щирости
Авзера любити.

* *
*

Ой погоди, гарный хлопче,
Буду ся пытати,
Чи умѣешь, гарный хлопче,
Чи вмѣешь кохати?

* *
*

Бо якъ будешь мя любити,
А не схочешь взяти,
Замѣсть шаблѣ, возьми палку
Та й йди розбивати!

* *
*

Препрашаю, гарный хлопче,
Що 'мь тя розгнѣвала,
То за тое, гарный хлопче,
Що 'мь тебе кохала.

(Зап. въ Раковцѣ Колом. У. отъ Попадьи Левицкой.)

73.

Вставай, вставай, продри очи,
Хоть есь не спавъ сеи ночи!
Бо тя вчора накормили,
Фафулицѣ наварили;

* * *

Наварили фафулицѣ,
Съ кваснымъ сыромъ варенициѣ,
Двѣ картечи съ лоемъ въ водѣ,
Що ажь дивитися годѣ.

* * *

Якъ есь выбѣгъ зъ Ишпанiи,
Видишь здаля мантулiи
Съ цыбульками, съ грибочками,
Съ перчиками, съ припрявками.

* * *

Завтра Пятокъ, день пôстненькiй,
Буде борщикъ солоденькiй,
Або супка шара-бура,
Однимъ словомъ, чиста люра.

* * *

Панъ селедецъ у мундурѣ,
Що му лобъ объѣли щуры,
На тарелѣ лежитъ бокомъ,
И дивится однимъ окомъ.

* * *

Свѣжи яйця, памятайте,
Виделцями не штуркайте;
Бо, моспане, фiку, фiку,
Яйце крикне: «Кукурѣку!»

Якійсь шницель, сѣканина,
Всего мяса сбиранина,
И быдляче, и коняче,
И свиняче, и теляче.

* * *

Гей же, гаса, гаса, гаса!
Завтра екстрасосъ до мяса.
Бо мы за спѣвъ того варта,
Абы була кремотарта.

* * *

Часомъ на велики свята
Достаемо и курчата,
Щобы здохлы не пôзнати,
Звыкли муковъ обсыпати.

* * *

Гей же, гей же, веселися,
Що завтра съѣшь, не журися!
Ѣда, марность сего свѣта,
Ректорови многа лѣта!

(Семинарская.)

74.

Прійшовъ мужикъ до корчмы: «Здоровъ, арендарю!
Прошу тебе хорошенько, дай ми гардаману!
Напившися гардаману, пôшовъ бымъ гуляти,
Тôлько менѣ капелйсты не хтятъ дармо грати.
А вы, паны капелйсты, танцю ми заграйте!
Я вамъ добре заплачу, тôлько не дрёмайте!
А но не тыхъ новомодныхъ, що рѣжутъ, якъ сѣчки,
Тôлько мёнѣ, старенькому, грай по старосвѣцки!

Не дивуйтесь, добрй люде, що мужикъ гуляе,
Я господарь зъ ласки Бога, и панъ мене знае,
Маю плуги, маю поля, маю що потрѣбно.
Зыграйте ми зъ горы шумки, ино не такъ дрѣбно!
Натягнувся я косою, намахався цѣпомъ;
Пригнавъ волы я изъ росы еще передъ свѣтомъ,
Запросивъ я свою куму та й на честь до себе:
«Пій же, кумцю, горѣлоньку, коли прошу тебе!»
Вокомоны зъ нагайками ходять пѣдъ вѣконця,
Заказуютъ панщиноньку передъ сходомъ сонця;
Вокомоны зъ нагайками, гумѣнній съ фандою,
Теперь же я, бѣдный мужикъ, що жь почну съ бѣдою?
Якъ я виджу, нема правды, громада бѣдуе,
Нѣмцй берутъ, Ляхи дерутъ, и Жидъ не даруе.
Теперь же я, бѣдный мужикъ, що маю робити?
Треба нести пану курку, сто разъ ся вклонити
Не занесу десять ясцъ, то берутся бити,
И бьютъ дуже мѣцно, тяжко намъ свѣтѣ жити!
А вокомонъ не зважае на нашу худобу,
Бере, кладе, кужика, та сыпле якъ бобу.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

75.

Пѣсня о Панщинѣ.

(Ср. Основа 1861 г., VI.)

Ой летѣла зазуленька,
Та й стала ковати:
«Почекайте, добры люде,
Що 'сь маю казати!»

* * *

А вже гаи зеленѣли,
Я до васъ вертала,
Сѣла 'мь собѣ въ темномъ лѣсѣ,
Трохи спочивала.

Ажь тутъ разомъ задуднѣло,
Я ся споглянула,
Якъ емь диво забачила
Ажь емь ся забула.

* *
*

А панщину свобода
Впередъ себе гнала,
Загнала ю въ лѣсы, дебры,
Щобъ тамъ пропадала.

* *
*

А за нею паны женутъ,
Стали ю просить:
«Повернися, панщинонько,
Нема звôтки жити!»

* *
*

Панщина имъ вôтповѣла:
«Я тому не винна;
Сами сьте мя вôтправили,
Я вамъ була вѣрна.»—

* *
*

«Не въ тôмъ часѣ мы съ тобою
Хтѣли ся розстати:
Мы казали, що ще будемъ
Съ тобовъ ся витати.»

* *
*

А вже нема того пана,
А ни ватамана,
Жебы ходивъ, колядовавъ,
По нôдъ вôкна зъ рана.

Окомонôвъ, ватаманôвъ,
Уже скасовали,
Що на панщину гонили,
Вôкна выбивали.

* *
*

Перше були штыре паны,
А два ватаманы,
Вôсемнадцять полёвыхъ,
А единъ пôдданый!

* *
*

Выйшла стара панѝ
На затыльни двери:
«Повернися, панщинонько,
До насъ, до вечери!

* *
*

Ой вернися, панщинонько,
Вернися, вернися,
Хоць на рочокъ, або на два,
Та у насъ наймися!»

* *
*

Панщина имъ вôтповѣла:
«Я за васъ не дбаю,
То-то 'мь ся въ васъ доробила,
Що ничо не маю.»

* *
*

Ой пôшовъ нанъ молотити,
Панѝ пôдмêтати:
«Десь нашеи панщиноньки
Теперь не видати!

Не вмѣемъ мы мо̀лотити,
Нашѝ жёнки жати,
Мы не знали, якъ то горько,
На хлѣбъ працёвати.

* *
*

Сюда, туда, по кишенькахъ,
Нема звôтки взяти,
Ой нема съ чѣмъ до кавярнѝ
Та дябелка грати.

* *
*

Зъ орендаря вже не можна
Бо̀льше раты потягати,
Бо не хочутъ хлопы на боргъ
Горѣлоньки брати.

* *
*

Наѣхали комисарѝ
Стали голосити:
«О часъ бы вамъ, бѣдны хлопы,
Пайщинъ не робити!»

* *
*

Отъѣздили комисарѝ,
Та й наказовали,
Жебы хлопы предъ панами
Шапокъ не здоймали

* *
*

Хлопы идутъ, люльки курятъ,
Паны сидятъ, та й ся журятъ
«Де бъ намъ гроши заробити
И тымъ хлопамъ заплатити!

И табаки понюхати,
Жебы пана послухати;
И горѣлки оковиты,
Щобъ на пана ще робити!»

* * *

Вылетѣла зозуленька,
Сѣла съ голубами:
«Ой часъ бо вамъ, паны,
Приставати съ нами!»

* * *

Сѣла собѣ надъ водою
Сива посмѣтюха,
Та й спѣвала панщиноньки,
А той Липокъ слуха:

* * *

«Ой жебы намъ, пане брате,
Посмѣтюху вбити,
Щобъ не вчила та пташина
Зъ бѣдныхъ Ляшкóвъ плати!»

* * *

Ай летѣла та сорока,
Та й стала, скрегоче:
«Чогось бо намъ вже панщины
Робитись не хоче!»

* * *

Вылетѣла ластóвочка,
Уже снѣгу мало:
«Въ самій свята Великодній
Панщины не стало.»

Ой ты, Зоре Галицкая,
Яка жь бо ты ясна!
Якъ есь красно засвѣтила,
Ажь панщина сгасла!

* *
*

Свѣти, Зоре Галицкая,
Най видятъ всѣ люде,
Бо суть такій межи нами,
Що маютъ палуды.

* *
*

Ой ты, Зоре Галицкая,
Не свѣти никому,
Тòлько нашéй Русской справѣ,
Якъ иде до трону!»

76.

Ой летѣла зазуленька, та й стала ковати:
«Зачекайте, добры люде, щось маю казати!
Якъ я до васъ повертала, гаи зеленѣли,
Сѣла 'мь собѣ въ темнóмъ борѣ, трохи отпочила:
Загудѣло, задудѣло, а ся обернула,
Таке диво зобачила 'мь, що 'мь ся ажь забула:
Ажь свобода передъ собовъ ѣа панщину гнала,
Загнала ю въ дебры, лѣсы, щобы тамъ пропала;
А за нею Ляхи бѣгли, зачали просити:
«Вертай, вертай, панщинонько, нема звóтки жити!»
А панщина вóтповѣла: «Я тому не винна.
Сами сьте мя вóтправили, я вамъ була вѣрна.»—
«Мы не вмѣемъ молотити, нашй жёнки жати,
Мы не знаемъ, якъ то тяжко на хлѣбъ працювати!

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

77.

Прилетѣла зозуленька,
Та й стала кукати:
«Да што я вамъ, добры люде,
Маю повѣдати?

* * *

Якъ ся гаи зеленѣли,
Я до васъ вертала,
Сѣла 'мь собѣ въ темнóмъ лѣсѣ,
Мало 'мь спочивала.

* * *

Лемъ ту на разъ што се здуднѣло,
Я ся обличила,
Якъ я нагло посмотрѣла,
Ажь я ся забыла!

* * *

А то панщину свóбода
Передъ собовъ гнала,
Загнала ю въ лѣсы, дебры,
Обы тамъ пропала.

* * *

А за нею идутъ паны,
Зачнутъ ю просити:
«Вертай, вертай, до насъ назадъ!
Не откуда жити.»

* * *

Панщина имъ отповѣла:
«Я тому не винна,
Сами сьте мя отправили,
Я вамъ была вѣрна!» —

«Не въ тотъ способъ мы съ тобою
Хтѣли ся розстати,
Мы не знаемъ молотити,
Нашѣ жёнки жати.

* * *

Мы не знали, же такъ тяжко
На хлѣбъ працовати,
До каварнѣ нѣтъ съ чѣмъ ити,
Тай чортика грати.

* * *

Бо въ карнзнѣ всюды пусто,
Не є откудъ взяти,
Отъ орендаря не можно
Бо̀льше вытягати,

* * *

Бо ужь на борѣ хлопъ не хочетъ
Горѣлоньку брати,
Ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ, намъ вже жити,
Пришлось пропадати!»

(Изъ Угорской Руси.)

78.

(Т. I, стр. 229.)

А у той ми полонинцѣ врачки се зводили,
Во̀вчерики молоденькѣ во̀вцѣ погубили.
Пустилисе долинками та й за овечками,
Найшли, найшли, боднарину по̀дъ Коровечками.
Ой ковала ми зозулька, ше буде ковати:
«Ой ек̀ъ бы тòй боднарчучцѣ дати въ село знати.
Ой сѣдлай-ко, боднарчучко, коня вороного,
Та выведи въ Погорѣлецъ Попа молодого!»
Осѣдлала боднарчучка коня вороного,
Та вывела въ Погорѣлецъ Попа молодого.
«Обертайте, боднарине, напротивъ сонечка!

А пôзнавай, боднарчучко, чи твоя донечка?
А иму я калиночку за саму сердечку.»—
«Чому бы я не пôзнала вже свою донечку?
У пасѣцѣ мѣнѣ бджолы, за пасѣковъ осы.»
А вже жьтота боднарчучка плаче та голосить:
«Ой не плачь-ко, боднарчучко, не плачь, не смуткуйсе!
Не прійде донечка въ гостй, сама помѣркуйсе!
Озми-ко ты, боднарчучко, жовтого пѣсочку,
Посыпь же ты та донечцѣ ба й коло гробочку!
А якъ же той та пѣсочокъ на гробочку зôйде,
Тогды твоя та донечка до тя въ гостй прійде!»

(Изъ Гуцулъ.)

79.

Ой маю я своей сестрѣ весѣлье зробити,
Двѣ коровѣ до посагу зъ малыми телети.
А я на се слово вгôдне не йшовъ собѣ съ дому,
Двѣстѣ ренскихъ до посагу и съ телємъ корову.
«А вже сесе такъ не буде, якъ засуде люде,
В'на вхопила горнецъ каши, вергла ему въ груди.
А я жь тото черепечко зъ себе обтресаю,
В'на вхопила за мѣтавку: «Рушь зъ хаты, Маскалю.»
А я, братйкъ, выхопивсе, на то мѣстце дъ дѣвцѣ:
«А бувъ же я, дѣвчиночко, сночи у публйцѣ.
Мѣнѣ на се порадила та дѣвоча мама:
Якъ бы ты пôшовъ до вôйта, ты бы доставъ права.»
А в'на мене зачѣпила, не треба и дѣдька;
Я взевъ паличку у руки, та й гайда до вôйта.
А прійшовъ же я до вôйта, розказую файно:
«Ой зроби ми, вôйте, право, най ми не метъ банно!»
Тото жь паны не судили, люде толковали,
Взели, взели, два гайдучки, та й за невъ пôслали.
Они жь мѣнѣ присудили штыри сорокôвцй,
Можна въ старосты ходити хоть и дъ котрôй дѣвцѣ.

(Оттуда же.)

80.

(Т. I, 197, 198.)

Ишовъ бычокъ у плаичокъ, та тонецько рыче:
«Выйди-ко ты, дѣвко, зъ хаты, шось тя ледѣнь кличе!»
Ой не выйшла дѣвчиночка, выйшла ей мати:
«Чого треба ледѣневи, най иде до хаты!»
Прійшовъ ледѣнь та до хаты, та ставъ се витати,
А дѣвчина до вѣнничка хату замѣтати.
Ой а прійшли старосточки, та ели сидѣти:
«Иди-ко ты, свату, въ хату, цы любетсе дѣти!»
А дѣти се полюбили, ели говорити:
«Ой екимъ же метъ та нашъ лелько вѣнцемъ насъ мѣнити?»
Весѣлечко вôдограло, в'ни пришли по вѣно,
Стоитъ лелька на подвôры съ коленымъ полѣномъ.
Невѣсточка и сказала, шо то не до речи,
Вытегае еѣ лелька котика зъ пôдъ печи.
Котикъ иде царинками, а вона лугами,
Смутчѝ люде выгадали, шо в'на йде съ волами.
Котикъ иде царинками, а вона йде лугомъ,
Смутчѝ люде выгадали, шо вона йде съ плугомъ.
А свекрушка погадала, шо жене телицу,
Та скочила до потока, обмыла дôйницу.
А свекрушка погадала, шо женѐ коровку,
В'на скочила та до рѣчки, обмыла коновку.
Обмыла в'на коновочку, пôшла у плôтъ сѣна,
Єкъ узрѣла, шо то котикъ, а она си сѣла,
Таки сѣла, таки сѣла, та й заголосила:
«Цы таке ты въ своєй мамки вѣнце заслужила?
Я робôтки не робила, лише вечерницѝ,
Таке мѣнѣ вѣнце дали, шо дере полицѝ!»—
«А встань же ты, невѣстице! Богъ дай есь не встала!
Выжени-ко сѣри волы, шо ти мама дала!»—
«Мѣнѣ мамка не давала, бо й сама не мала,
А на шо ты свого сына у старосты слала?»—
«Ой я слала, бо гадала, шо в'ни годны люде,
Я гадала, шо на волы выймаочка буде!

(Оттуда же.)

81.

А яке нынѣ настало, цы вы чули, люде?
Котрый иде у старосты, то най ся варус!
Котрый иде у старосты, ме горѣвку пити,
Лише най ся добре варус, ледви не мутъ бити.
Я самъ ишовъ у старосты, та не славъ никого,
Лишь кортѣло сго знати, цы що буле зъ того.
Єму дѣвка розсказала все по доброй волѣ,
Єму такъ ся тото вдало, якъ бы пара коній.
Єму дѣвка розсказала безъ бѣды, безъ дива,
Такъ єму ся тото вдало, якъ свинѣ кропива.
Эй бо вонъ ставъ середъ хаты, та й зачавъ гадати:
«Хиба пôду до старшого, шось май буду знати!»
А прійшовъ я до старшого, та й розговорився,
Та бо вонъ сѣвъ на лавицю, та й воды напився.
«А я прійшовъ, товаришу, шось до тебе знати,
Хочу въ тебе сестру брати, що ей мает дати!»—
«А маю ей, товаришу, весе́лье вчинити,
Та й у посагъ двѣ коровы съ малыми теляти.»—
«На сю раду, товаришу, я бы не йшовъ зъ дому,
Мает дати ей сто левôвъ, та й въ посагъ корову.»—
Женка каже: «Такъ не буде, не засудя люде!»
Ухопила горнець зъ печи, та й шпурнула въ груди.
Табо я ся вôтъ черепья зачавъ обре́сати,
В'на вхопила загре́бачку: «Рушай, гицлю, зъ хаты!»
Ой а я ся выхаплюю, та бѣжу идъ дѣвцѣ:
А бѣдна моя головко, въ якôй я публи́цѣ!
А пôшовъ я вôдти скорѣй, не треба ми дѣдька,
Вхопивъ паличку у руки, та й гайда до вôйта.
Та бо я прійшовъ до вôйта, розказую файне:
«Изробѣтъ ми, братья, право, щобы ми не банно!
А вони ми засудили штыри сорокôвцй:
«Та й можно тобѣ ходити на свадьбы идъ дѣвцѣ!»
Тото вряда не судили, тото люде простй,
«Та й можна тобѣ ходити идъ дѣвчинѣ въ гостй.»

(Оттуда же.)

82.

А у тôй ми полонинцѣ вѣтеръ се вагує,
Котрый иде у старосты, най же се варує.
Котрый иде у старосты, иде безъ горѣвки,
А лишень се выпытати перше слово въ дѣвки.
Ой пôшовъ я до дѣвчины, водицѣ напивсе,
А сѣвъ собѣ на лавицу, та й розговорившсе;
А сѣвъ собѣ на лавицу, та й розговорившсе:
«Кобы съ мѣнѣ слово дала, я бы оженившсе.
Она жь мѣнѣ приповѣла безъ чуду, безъ дива,
Такъ мѣнѣ се дѣвка вдала, якъ свинѣ кропива!

(Оттуда же.)

83.

А я пôду въ полонинку по зелене сѣно,
Не перейду полонинку, бо сонечко сѣло.
Въ полонинцѣ на кидринцѣ голубы лѣтаютъ:
«Мы гаразду не зазнали, лѣта се минаютъ.
Мы гаразду не зазнали, та й знати не будемъ,
А по чому свои лѣта пôзнавати будемъ?
На свѣтѣ се не нажили, красно не входили,
Лишь по тому пôзнавати, що сме нагрѣшили.»

(Всѣ 8 запис. отъ Гуцулки изъ Криворовни, Марины Грицючки.)

84.

(Т. I стр. 112.)

Ишовъ легѣнь зъ полонины
На нове подвôрье.
То повернувъ до дѣвчины
На ей задвôрье.

Ой повернувъ до дѣвчины,
Та ставъ ся пытати:
«Ой чи можно, дѣвчинонько,
Старосты прислати.»—

* * *

«Ой а можна, легінику,
Старосты прислати,
Сли ми зможешь, молоденькій,
Троїзе́ля достати.»

* * *

Ой пôшовъ вôнъ до стаенки
Коника сѣдлати,
Та й поѣхавъ межи горы
Троїзе́ля копати.

* * *

Прилетѣла зазуленька,
Та й стала ковати:
«Ой лиши ты, легінику,
Троїзе́ле копати!

* * *

Ой лиши ты, легінику,
Сесе трое зе́лье:
Бо у твоєй дѣвчиноньки
Грае вже весе́лье.»

* * *

О класти бы та й на коня
Новыи сѣдельця.
Та ѣхати до дѣвчины
До щирого серця.

Ой прійшовъ я на весе́лье,
Та ставъ тамъ стояти,
Ой выносятъ мѣнѣ братья
Горѣвочки зъ хаты.

* * *

«Ой не хочу я, братчики,
Вашеи горѣвки,
Лишь я хочу исказати
Двѣ словѣ до дѣвки.

* * *

Бо я маю до дѣвчины
Шось заговорити,
Цы буде в'на еще бо́льше
Зъ розума зводити?»

* * *

Зъ правой ручки изъ коника
Тройзе́лье подае,
А зъ лѣвого свого боку
Шабельку выймае.

* * *

Ой ковала зазуленька
На верху, на млынѣ:
«Най не буде, песій сыну,
Ни тобѣ, ни менѣ!»

(Оттуда же.)

85.

(Отрывокъ.)

Ой у лѣсѣ на горѣсѣ
Два качорй вются:
Надо мною молодою
Два легйнй бьются.

* *
*

«Ой бійтеся, рубайтеся,
Одного я буду,
Василькови хустку куплю,
Иванова буду.»

86.

Люде кажутъ, що я гультай,
Що я гультаю;
А ще я ся вôдъ оттеперь
Доста набѣдую.

* *
*

Кобы сте ми дѣвку дали,
Буду шеновати;
Тричй на день на купинѣ
Букомъ обертати.

* *
*

Инший люде мутъ казати,
Що я лихо роблю,
Менѣ тогды лѣпше буде,
Якъ зъ разу второплю.

Менѣ тогды лѣпше буде,
Лѣпше 'ме робити,
Не 'мутъ пустй поза углы
Горѣвочку пити.

87.

Та бо въ нашêмъ Яворовѣ корчма коло схилку,
Тамъ пропила моя любка рыженьку кобылку.
«А ты лиши, молодице, горѣвочку пити,
Будешь боса, та безъ канцêвъ, безъ волôкъ ходити.
Не такъ ей студêнь въ пяты, якъ студêнь у пальцй,
Она пôшла до сосѣда, выбрехала канцй.
Въ мене така файна любка, що ей нема пары,
Она нйбы канцй вбула, на вѣки пропали.
А я прійду на весêлье, заспѣваю тутка:
«Вы бы, братя, не вгадали, котра моя любка!»
Та бо въ мене любка файна, на очи блещнява,
Роздивѣться помежи міръ, а цы е ей пара.
Нема пары ни въ Кордонѣ, ни въ нашêмъ Пôдгôрью,
Она себе продавала на Рôздво въ Недѣлю.
Рôздво свето е велике, бôлше якъ Недѣля,
Она ёе продавала, поганая вѣра.
Зъ любки ми ся не збыткуйте, моя любка озде,
Дамъ у люльку два корений, хто въ данецъ ê озме.
Озмѣть, братя, любку въ данецъ, данцювати година,
Она свище якъ данцюе, якъ у корчѣ довга.

(Оттуда же.)

88.

Ой пôшовъ легйнь до церкви
У одну Недѣлю,
Тамъ дали му за прости Бôгъ
Одну козу бѣлу.

Вонъ тоту козу не доитъ,
Лишь сѐ кохае,
Ой є въ Рѣчцѣ весѐлечко,
Вонъ ретельно знае.

* * *

Лишь бы менѣ тра вызнати,
У котрую днинку,
Пошовъ бы я погулятн
На малу годинку.

* * *

А легѝникъ моледенькій
Пошовъ, та й танцуе,
Молодая молодиця
Боками болуе.

* * *

Ой узявъ вонъ танцовати,
Взявъ ся обзирати,
Ой їду я до домочку
Чесь ся перебрати.

* * *

О пошовъ вонъ до домочку,
Перебираеся
А молода молодичка
Єго надѣеся.

* * *

Ой Бодай тя, молодичко,
Смагонька побила!
Мавъ же бо я одну козу,
Й тоту бѣда взела!

Летѣло ми крозь струночку
Сиве воробетко,
Та лишень ми ся зостало
Козле сиротетко.

* *
*

Ой прійшовъ хлопецъ воробецъ,
Тото козля вхопивъ
Вонъ на малу годиночку
До сусѣдки скочивъ.

* *
*

Прійшовъ же вонъ до сусѣдки,
Та ставъ у порога:
«Дай-ко менѣ, сусѣдочко,
Моя мила, рога!»—

* *
*

«На що жь тобѣ, легинику,
Того рога дати!»—
«Моя мила сусѣдочко,
Сиротя плекати.

(Оттуда же.)

89.

Кобыхъ могли, люде добрй, теперь не грѣшити,
Припадѣмо на колѣнки Бога попросити:
«А Господи милосердный, якъ тя допросити,
Теперь народу богато, мало будемъ жити.»
Цы видите, люде добрй, якѣ нынѣ постало,
Оденъ на другого важитъ, отъ якъ котъ на сало.
Цы знаете, люде добрй, поганого духа,
Отъ такъ бы тя радъ изъѣсти, отъ якъ садно муха.
Цы знаете, люде добрй, ту погану вѣру,

Якъ тя не зъѣстъ у Суботу, то зъѣстъ тя въ Недѣлю.
А хоть кажеть, що я брешу, хоть ся зъ сего смѣйте,
Люде! бѣда не далеко, борзо ся надъйте!
А ну, люде православнй, просѣмъ щире Бога,
Та й може бы Господь нагнавъ бѣду одъ порога.
«А Господи милосердный, якъ тя допросити:
Людій много, поля трохи, зъ чого будемь жити?»
Намъ заробки не поможутъ, я дуже не вѣрю,
Не родяся кукурудзы у нашемъ Подгорю;
Барабулй изогніютъ, нищо буде брати,
Вже не будемъ у Подгорю якъ цапы скакати.

(Оттуда же.)

90.

Ой у моєй головонцѣ щось перевертае,
Самострѣлъ ми любку напавъ, бо ёй натягае;
Самострѣлъ ми любку напавъ, лупае очима,
Усе каже, що ёй болитъ щось межи плечима.
Але бо я ляжу спати, зачне ми ся снити,
Хиба возму букъ у руки, плечи помастити.
А якъ узявъ букъ у руки, помастивъ хробаку,
Яка жь по тому газдиня, дей ты ёго кату!
Яка жь ся зъ неё выбрала газдиня по тому,
Уже й другой наказуе: «Дай спокой пустому!»

(Оттуда же.)

91.

(II, 463.)

Ой легіню, легінику, лишь не пій горѣлку,
То дамъ тобѣ штыри волы та й хорошу дѣвку.
Що же есь ся такъ красно упивъ, що впавъ по за грубы.
Такой песь тя, кобы здоровъ, нацмокався въ губы.

Дивѣтеся, люде добрѝ, що пяниця мае,
А що видитъ, бере зъ хаты, за горѣвку дае
Затягнувся самъ у корчму, та й ставъ говдувати,
А що занѣсъ, усе пропивъ, Жидъ вытрутивъ зъ хаты.
Лѣзе въ потôчь до домочку страшный якъ блощица,
Голый якъ быкъ, дурный якъ цапъ, подрапанѝ лиця.
Обскубли го якъ гусака, голого пустили,
Ажь го слёзы обливаютъ, отъ тожь то го били!
Що жь то добре, товаришу, горѣвку лишити,
Май мало мешь грѣшити, довголѣтне жити.

(Оттуда же.)

92.

(II, стр. 166.)

Люде давно старосвѣтскѝ горѣвку не пили,
По сто годôвъ по пятьдесятъ все на свѣтѣ жили.
Эй бо теперь якъ узяли жваво попивати,
Та й по сорокъ по исповна не будутъ тревати.
Дѣдька нема по камѣнью, лише коло винницъ,
Своимъ зѣльемъ заправляе горѣвку для пяницъ.
А мы лишѣмъ, люде добрѝ, горѣвочку пити,
Бо будемо въ Бовцатулѣ бѣланѝ кочáти.
Мы будемо въ Бовцатулѣ бѣланѝ кочáти,
А Жидзи мутъ изъ Залуча горѣвку возити.
Та бо у насъ на дор зѣ корчма на дорозѣ,
Тамъ не одинъ пропивъ вôвцю та й чотыре козѣ.

93.

Ой ходивъ панъ Ромашканъ студененькимъ ледомъ,
Та наваривъ Путилянамъ горѣвочки зъ медомъ;
А вôнъ тото та й наваривъ за велику плáту,
Та наметавъ по терьхови все въ четверту хату;
Та наметавъ по терьхови, щобы тото пити,
Забравъ волы та й коровы, и вôвцѝ съ ягняти.
Пустилися бѣлѝ мраки долôвъ облазами,
Забравъ волы та й коровы, пасѣки съ бжолáми.

(Оттуда же.)

94.

Заиграли вчера въ скрипки, а сегодне въ зузы:
Сердится мельникъ на щура, що есть кукурузы.
Та бо прійшовъ мелникъ у млынъ, та щось собѣ робитъ,
А такой щуръ по при него пôдвалиновъ ходитъ.
Мелникъ пôшовъ пôдъ колѣсы потискати цѣвы,
А щуры ся прихопили, бесаги поѣли.
То бесаги мелниковй стояли съ пшеницевъ,
Та бо мелникъ розгнѣвався, вбивъ щура тупицевъ.
Они ся съ щуромъ сварили на велику драчу,
Щура добивъ топорищемъ, не ѣжь чужу працю!
Та бо прійшовъ мелникъ домôвъ, росказуе жѣнцѣ:
«Я вже того щура убивъ, що бувъ у млынôвцѣ.»
Мелничка ся зъ того смѣе, не жáлуе рота:
«Добре, що есь щура убивъ, ты лѣпшій вôдъ кота.»
А мелничка мелникови кулешу готовитъ:
«Добре, що есь щура убивъ, най шкоду не робитъ!»
Та бо мелникъ поживився, та й лягъ собѣ спати,
А вôнъ не йде покôйника щура поховати.
Завзявся мелникъ на щуры, на щуровй дѣти,
Щурамъ ни якъ у млыновцѣ въ прутечку сидѣти.
Та бо мелникъ тоты щуры, хлю', не любивъ зъ роду,
Гетъ-то выбивъ топорищемъ, най не робя шкоду!

(Оттуда же.)

95.

(Т. I, 210.)

Ишло дѣвче на воду
Презъ Попову заграду,
Нашло оно златонецъ,
Почало вицъ свой вѣнецъ;
Пришелъ ку ней младенецъ:
«Дѣвче, дѣвче, дай вѣнецъ?»—
«Якъ ти мамъ дацъ свой вѣнецъ,
Кедъ ты зъ пекла младенецъ?»—

Якъ ей хопилъ, та ей нѣсъ
Понадъ горы, по надъ лѣсъ:
«Не несте мя по надъ млынъ,
Бо ми грызе очи дымъ!»
Якъ ей принѣсъ надъ пекло:
«О Боже мôй, якъ тепло!
Мои старши братове,
Отворяйте ми двере!»—
«Што такъ тяжко несете,
Же отворяцъ кажете?»—
«Несу тѣло и душу,—
Рихтарову Ганушу.»
«Што Гануся дѣлала,
Же ся ту такъ достала?»—
«Єдно съ псома скормила,
Друге въ водѣ втопила,
Трете вергла подъ меджу,
Што го люде не виджу.»
Посадили ей за столы,
Та и дали пити смолы;
Єдинъ погаръ выпила,
Ажь густочка збляднула;
Другій погаръ выпила,
Ажь стѣна сканула;
Третій погаръ выпила,
Ажь на землю спаднула.
«Вынесте мя за двере!
Няй мя вѣторъ проберe!»
Вылетѣли журавьи:
«Откажьте тамъ матери,
Ищѐ мать дома дѣвки двѣ,
Няй ихъ карать обѣдвѣ,
Няй до церкви посылать,
А до корчмы не пущать;
Бо мене не карала,
До пекла емь ся достала.»

(Изъ Угорской Руси.)

96.

(T. I, 218.)

Помахала молодица пальчикомъ на мене:
«Приди, приди, мой миленькій, вечеромъ до мене!» —
Якъ я знаю до тя ити, маешь чоловѣчка,
Якъ застанетъ мене въ тебе, збавитъ здоровьичка.
Пошовъ старый бородатый у лѣсъ по калинку:
«Приди, приди, милый хлопче, въ вечеръ на гостинку!»
Ой поглянувъ я въ окенце, а калинка близко:
«Где ся маю исховати, любезна Марисько?» —
«Сховай тя, милой хлопче, подъ бѣлу плахтину,
Сама лягну до постелѣ, ажь я марне гину.»
Пришовъ старый бородатый, та явъ звѣдовати:
«А што тобѣ, Марысенько, хочешь умирати?» —
«Иди, старый бородатый, принеси ми меду,
Тожь я свою головоньку еще разъ подведу!»
Пошовъ старый бородатый меду куповати,
А молодый паробочокъ выхопився зъ хаты.
Пришовъ старый бородатый, та й руками трепле:
«А хто ту бывъ, Марысенько, еще мѣсто тепле?» —
«Мовчи, старый бородатый, не вчися брехати:
Кедь есь видѣвъ туй да кого, было го имати!»

(Изъ Бережскаго Уѣзда.)

97.

(I, 79.).

Эй, пошовъ Симуненько у поле орати:
«Не е моей Катарины мѣнѣ поганяти.
«Орьте, орьте, штыри волы зо старенькимъ лѣдцомъ,
Не е моей Катарины зъ раненькымъ обѣдцомъ!»
Пріорався Симуненько ку широкой мечи:
«Не е моей Катарины великы обедчи!»

Пріорався Симуненько къ широкому полю,
И отсиливъ штыри волы, и заявъ до дому;
И увойшовъ Симуненько до новой свѣтлицы—
А ни сукенъ, а ни грошей, а ни заступницы.
И увойшовъ Симуненько изъ сѣній до хаты:
«Дѣти мои дробненькіи, та де жь ваша мати?» —
«Пошла, татцу, мати у гай по телята,
Лемъ она намъ наказала, же мы сиротята.»
Ударився Симуненько по брюсѣ ручками:
«Дѣти жь мои дробненькіи, што жь я почну съ вами?» —
«Эй цытъ, татцу, татцу, нами не журися,
Приде осѣнь, приде лѣто, татцу оженися,
Возми за ся бѣле дѣвча, якъ бѣленьке гуся,
Тобѣ буде шувна жена, а намъ не матуся.»

(Оттуда же.)

98.

Пасло дѣвча волы
По подъ чарне горы,
Дробне шитья шило,
Волкы потратило;
Волкы потратило,
Само заблудило
До темного леса,
До глубокой долины;
Прилетѣвъ ку нему
Орябичокъ птачокъ:
«Орябичку птачку,
Препекны пёрка машь
Ты высоко лѣташь!
Орябичку птачку,
Ты высоко лѣташь,
Ты высоко лѣташь,
Ты далеко видашь:
Цы не видѣвъ ты тамъ

Мои штыри волы,
Мои штыри волы,
Лемъ яко соколы?
Мои штыри волы,
Лемъ яко соколы,
А на нихъ дзвоночкы,
Яко оргоночкы?»
«Видѣвъ я ихъ, видѣвъ,
На высокой горе,
На высокой горе
Отецъ съ нима оре,
А такъ горько плаче:
«Эй Боже мой, Боже!
Нѣтъ моей дѣвочкы
Поганяцъ волочкы!
Твоя стара мати
За кроснами сидитъ,
За кроснами сидитъ,
Полотенце робитъ,
А такъ горько плаче:
«Нѣтъ моей дѣвочкы,
Нѣтъ моей дѣвочкы
Шпулятй цивочкы!»

99.

Иде вôвчарь зъ полонинкы
Въ широкôмъ ременѣ,
Несе мѣпѣ подарунокъ,
Мало сыра въ жменѣ.

* * *

Укушу я двичй сыра,
Сырець солодейкый!
Якъ вôвчаря не любити?
Вôвчарь молодейкый.

Якъ вôвчаря не любити?
У вôвчаря вôвцѝ,
У вôвчаря у ремени
Самѝ сорокôвцѝ!»

100.

(Зап. Геогр. Общ. I, 685.)

Якъ вôвчаря не любити,
Кой въ вôвчаря вôвцѝ,
Черный ремень выбиванный,
Самѝ сорокôвцѝ!

* * *

Мамко моя старенькая,
Што емь учинила!
Полюбила 'мь вôвчарика
За грудочку сыра.

* * *

Ой я вкушу разокъ сыра,
Сырець солоденькій!
Позираю на вôвчаря, —
Вôвчарь молоденькій!

101.

А де идешь, пане брате?
Ци на косовицю?
На кого ты зоставляешь
Свою молодицю?

«Дозирай ми молодицѣ,
Дозирай ми жёнкы!
Якъ ся верну зъ косовицѣ,
Куплю ти горѣвкы.

* * *

Дозирай ми молодицю,
Бы ся не бояла!
Якъ ся верну зъ косовицѣ
Твоя буде слава.»

102.

Панъ Богъ бы ти дѣвку давъ,
Панъ Богъ бы тя побивъ!
Мѣнѣ мамка волкы дала,
А ты тото пропивъ!

* * *

Мѣнѣ мамка волкы дала
Съ жовтыми рогами,
А ты тото все прогулявъ
Съ чужими жонами.

* * *

Єднôй 'сь купивъ чоботятка,
А другôй катранець,
Туды пошли мои волкы,
Чорту на ладанець!

103.

Ой заяла файна рыбка
Сивй кайлинята
У зелену полонину,
Тамъ отава мнята.

* * *

Ой заяла файна рыбка
Сивй волкы пасти,
А я за невъ, молодейкый,
Огника накласти.

* * *

Я огника та й наклавъ:
«Пойдь ся, рыбко, грѣти!»—
«Мене, любцю, кровця грѣе,
Бо не рожу дѣти.»

104.

«Прійди, прійди, соколику,
Де нова вболона!
Пôшовъ газда въ олѣйницю,
Не е ёго дома.»

* * *

Олѣйниця та не била,
Бо ся посукала,
Прійшовъ овôнъ до домочку
Звѣдать, де му жона.

Комóрниця неборачка
Знала якъ, казати:
«Пóшла твоя, каже, жона
Коровкы вязати.»

* *
*

Пóшовъ овóнъ до стаенки,
Жéнка кравкы доитъ,
А Иванко молодейкый
Телятойка поитъ.

* *
*

«Ци ты тото, каже, Йване,
Чесный чоловѣче,
Чого моя, каже, жéнка
До стаенкы втéче?

105.

Закукала зозулейка
У гаю, у гаю:
«Прійди, прійди, мóй миленькій,
Бо я умираю!

* *
*

Мене мамка годовала,
Въ папéръ обвивала,
За богача 'ня строила,
А за драба дала.

* *
*

За пана ей обѣцяла,
За жебрака дала,
Штыри волы обѣцала,
Єдно пація дала.»—

«А на чемъ ся, единице,
На чѣмъ ся потѣшишь?
Жебракъ умре, паця сдохне,
А ты ся повѣсишь.»

106.

(Зап. Русск. Географ. Общ. 1867, I, 690.)

Лавуть 'ня, біють 'ня,
Черезъ побратима,
Я ся лаву, проклинаву,
Ожъ емь ничь не винна.

* * *

Я ся лаву, проклинаву,
Утратила 'мь душу,
Черезъ тебе, мôй миленькый,
Погинути мушу.

107.

Ой пôду я въ полонинку,
А що ся въ нêй дѣе?
Калинка ся розвивае,
Листокъ зеленѣе.

* * *

У зеленôй полонинцѣ,
Въ зелентѣ, въ зелентѣ,
Стоитъ стадо бѣлейкое,
Вôвцêй не досчêй.

Ой по́ду я въ полонинку
Во́вцѝ зимовати;
Ци не будешь, файна рыбко,
За мновъ бановати?

* *
*

Ой по́ду я въ полонинку́,
Та въ зелену пущу;
Тамъ я себе зарубаю,
Ни кого не пущу.

(Оттуда же.)

108.

По́шло мое соколятко,
Та вже не вернеся,
Ой бо мое та й серденько
За нимъ роспукнеся!

* *
*

По́шло мое соколятко
Та долу лугами;
Лишило мня, молодейку,
Межи ворогами!

* *
*

«Ой выйди ты, молодейкый,
Изъ шумо́въ, изъ луго́въ,
Возьми мене такъ сумную
Изъ межи ворого́въ!

(Оттуда же.)

109.

Болитъ моя головиця,
И серденько ные,
Ай бо за тымъ соколикомъ,
Що въ Верецькомъ жіе.

* * *

Єдно мы ся плече мече,
А другe не хоче;
Солодко ме соколятко
Любити не хоче.

* * *

Ой Иванку поздубанку,
А я была пышна,
Де были ми мои очи,
Коли 'мь за тя ишла?

* * *

Чорни очи по обочѣ,
Сивѣ по долинѣ;
Не є мого миленького
Зъ задъ той верховинѣ!

110.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867. I, 683).

У зеленой полонинѣ
Сова воду пила:
Ци чули 'сьте, добрѣ люде,
Жона газду била?

Прійшли они передъ панóвъ,
Обы ихъ судити;
Паны имъ такъ осудили,
Бы жону выросити.

* *
*

Унеси ты, жоно моя,
Єдну ицъю пива;
Обы ты ся не гнѣвала
Що 'сь мене набала!»

111.

Ой играйте, хлопцй, играйте,
Берѣть рукавицй,
Стоять жоны якъ коровы,
Дѣвкы якъ телицй.

* *
*

Ой играйте, хлопцй, играйте,
Берѣть въ ручки бучки,
Не дайтеся поймати,
Бировови въ ручки!

* *
*

Одъ бирова утѣкайте,
Боженика бійте,
Громадского чоловѣка
Паленку не пійте!

112.

Гей, хто хоче воды пити,
Схилися въ кирницю!
Кого хоче бѣда найти,
Бери единицю!

* * *

Единиця неборачка
Не хоче робити,
Гардо ѣсти, гардо пити,
Парадно ходити.

* * *

Ой у саду вербу сажу,
Въ городѣ росаду:
Ой у танку на передѣ,
На роботѣ съ заду.

* * *

Обѣцяла молодиця
Паленки купити,
Лемъ обы ей на роботѣ
Съ заду не лишити.

113.

(Ср. I, 56.)

Прійшовъ любцё до милои:
«Добрый день, добрый день!»—
Она ему вітповѣла:
«Убій жёнку, убій!»—

«Якъ я маю, молодейкый,
Жёнечку убити,
Кедь жёночка якъ ластôчка
Буде ся просити.»—

* *
*

Не позирай, соколику,
На еи прôсбицю:
Запни косу у лавицю,
Утни головицю! —

* *
*

Знала ъсь мене порадити
Якъ жону убити,
Та знай мене порадити,
Де еи подѣти.»—

* *
*

Позамыкай сѣни, хыжу,
Та наклади огень,
Та понеси въ чисто поле,
Якъ буде бѣлый день!»—

* *
*

«Яли тото, яли тото,
Люде дознавати,
Яли его у желѣзнôмъ
Путѣ выправляти.

114.

(I, 130.)

«Эй, вôвчарю, синетарю,
Покинь вôвцй пасти!»—
Не покину, бо погину,
Не вчивъ емь ся красти.

* *
*

Эй укравъ эмь два баранки,
А третю ягницю,
А вже менѣ сбудовали
Въ Сиготѣ темницю.

* *
*

Эй бо тота ягниченька
Попова, Попова;
Бо вже мѣнѣ темниченька
Въ Сиготѣ готова.»—

* *
*

«Эй, вôвчарю, синетарю,
Ссучи ми волоки!
Будеме ся любовати
За чотыри роки.

* *
*

Эй ссучи ихъ, эй ссучи ихъ,
Лемъ обы тоненьки,
Будеме ся туловати
Хоть êсьме маленькй.

Эй ссучи ми, эй ссучи ми,
Обы ся не рвали!
Будеме ся туловати,
Вбы люде не знали.»

115.

Ой лука, лука, лука зелена,
Посла дѣвчина по нёй елена.

Не бывъ то елень, была то пава:
«Чекай, дѣвчино, рочокъ, либо два!»—

«Я бымъ чекала рочокъ, пôвъ друга,
Ты бы ся вженивъ, ганьба бы была.

Ганьба бы была моему личку,
Же 'мь ся зостала старовъ дѣвочковъ.

Ганьба бы была моей родинѣ,
Же 'мь ся зостала у ледачинѣ.»

Якій то великій тотъ камѐнь млынскій,
Якій то тяжкôй той ставъ малженскій.

Тотъ камѐнь млынскій можно вбернути,
А ставъ малженскій не можь кинути.

Тотъ камѐнь млынскій можно крутити,
А ставъ малженскій не можь лишити.

Ой якъ я умру, лежати буду,
Дамъ собѣ зробити изъ срёбра труну,

Изъ сребра труну, изъ злата вѣнецъ,
Обы люде знали, же я младѐнецъ.

116.

(Т. I, 315.)

Ище кури не пѣли,
Люде кажутъ, день бѣлый:
«Выйди, выйди, молода дѣвчино,
Поговори со мною!» —

* * *

Почекай ты годину,
Почекай ты другую,
Няй я своей старой мамцѣ
Вечеряти зготую!» —

* * *

«Добрѣ тобѣ гудити
По свѣтлицѣ ходити,
Бѣда менѣ, молодому,
На морозѣ стояти.

* * *

На морозѣ стояти,
Коновъ съ медомъ держати,
Метѣль мете, очка замѣтае,
Коновъ съ медомъ до рукъ примерзае.» —

* * *

«А хто тебе напросивъ,
Вбы ты менѣ медъ носивъ?
Є у мене медокъ солодейкій,
Є у мене иншій молодейкій.» —

* * *

«Поглянь, Боже, съ тои высокости,
Пожаль, Боже, моеи молодости;
Роспусть, Боже, тоту синю хмару,
Розлучь, Боже, фальшивую пару!»

117.

Ужь журавли отлетѣли:
Де ся мои лѣта дѣли!
Лѣта мои молоденьки,
Минулися помаленьку!
Плачутъ мои чорны очи,
Якъ и во дни, такъ и въ ночи,
Плачутъ они не маленько,
Бо имъ жити барзъ тяженько.
О Боже мой милостивый,
Якъ я дуже несчасливый!
Волѣвъ емь ся не родити,
По сей землѣ не бродити!
Прикрый мене, земле черна,
Бо ты мене ужь не годна
На семъ свѣтѣ подѣшити
И животъ мой обновити!

118.

(Т. I, 225.)

Ой на горѣ сѣнета:
Пасе дѣвча ягнята,
Копле дѣвка корѣнья
Съ подъ бѣлого камѣнья.
Ище корѣнь не скынѣвъ,
А вже любцё пришпытѣвъ,
Та сѣвъ собѣ на грушу,
На май вышню голузу;
Голуза ся схылила,
Милейка ся вклонила.

(Записала въ Мукачевскомъ Убядѣ.)

119.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 687.)

Ой на горѣ синета:
Пасло дѣвча ягнята,
Накопало корѣнья
Съ пôдъ бѣлого камѣнья.
Ище корѣнь не скыпѣвъ,
Уже милый пригримѣвъ:
«Ой што тебе принесло,
Ци кочія, ци весло?» —
«Принюсъ мене сивый кунь,
Бо я теперь, душко, твуй.»

120.

«Качмаръ, качмаръ, бѣлый качмаръ!
Эй, де ты то жйтко посьявъ?» —
«Эй, посьявъ я го по пôдъ слйвкы,
Эй, выжалй го шувны дѣвкы.
Посьявъ я го по пôдъ мосты,
Эй, выжалй го двѣ невесты.
Эй, якъ в'ны го дожйналй,
Эй, шувнѣ собѣ заспѣвалй:
«Жито, жито, озимина!
Эй не буду я материна;
Эй лемъ буду Янйчкова,
Бо Яничокъ душа моя.»
Горе, доловъ, Кошицамй,
Эй, иде Янчй малёваный,
Эй, иде, иде, писка себе,
Эй, Капраль за нимъ конй веде:
«Цытъ ты, Янчй, не смутйся,
Подь до карчмы, напіймеся!
Галву вйна, жидель пйва,
Заплáтитъ то вшйтко мйла.»

Чорна гора родитъ поперъ,
Эй, повѣжь, дѣвча, чія 'сь теперь?» —
«Эй, я теперь сама своя,
Придь на вечаръ, буду твоя!»
Бѣла гора паперёва,
Шувна Ганча Рѝхтарова,
Шувна, шувна, бо есть бѣла,
Бо ся за нёвъ Янчѝкъ сбѝра.
«А ты, Янчѝкъ, зъ тамтой страны,
Подь подвигнуть зайду травы!» —
«Якъ я пойду зайду двигацъ,
Будешь ты мацъ цо повивацъ!» —
«Не боюся повиваня,
Лемъ ся бою колысаня;
Бо я въ ночи твердо заснимъ,
А за дзецко не помышлимъ.»

121.

Сидитъ врабель на косцеле, яко младенецъ,
Прилетѣла къ нему врана, дала му венецъ.
«А ты врано, чорна врано, чорны ноги машь.» —
А ты, врабель, тлустый врабель, ночь на карты грашь?» —
«Хоцъ бымъ прегралъ двадцетъ, тридцетъ, такъ тѝ то мало,
Твоя глава нечасана шитцемъ недзелю.» —
«Якъ я пойдземъ до вароша, купимъ си гребенъ,
Будземъ я ю почесоваць кажды Божій денъ.»

122.

(T. I, 54.)

Съ тамтой страны яблонѝ
Пріѣхалъ Яшо на конѣ,
А Кася на нь волала,
На ручкахъ дѣтя трѝмала:

«Касю, Касю, Касенько,
Вруцъ до воды дѣтйнку!»
Якъ она вруцйла,
За главу ся вхопйла.
Стоялъ млынарь при водзе,
Злапалъ дѣтятко на водзе:
«Дайте дзвонаромъ, дайте знацъ,
Хтора паненка его мацъ!
Дайте дзвонаромъ посполу,
Вшиткы дзевечкы до столу!» —
Кожда дѣвочка у вѣнкахъ,
Вôтова Кася въ гайданкахъ.
Взяли Касю за ручку,
Та ей вывели на лучку:
«Не вѣшайте мя на дубѣ,
Бо мя розъедза голуби:
Лемъ ме завесце надъ водовь,
Тамъ ме гавраны не найду;
Тамъ буде милый воду брацъ,
Та онъ ме буде жаловацъ.

(Записана имъ же въ той же мѣстности)

123.

Пониже млина густа вербина.
Треба бы ей вырубацъ:
Сподобало ми ся у сусѣды дѣвча.
Але ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

Ужь емь стратилъ волы,
Што орали двойми,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

Ужь емь стратилъ кони,
Што бранили полё,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

Ужь емь стратилъ талйгъ,
Добре мь не ошалёвъ,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

Ужь емь стратилъ вшитко,
И румяне личко,
И такъ ми ю не хцутъ дацъ.

* * *

А што ся выстало,
Дёвча ся преспало,
Теразъ ми ю даваютъ.

* * *

А я имъ го не хцемъ,
Обрацимся, где хцемъ,
Няй собё го тримаютъ!

124.

А на горе липка зеленый вершокъ ма,
А подъ нёвъ Ганйчка зъ Янйчкомъ карты гра;
Якъ они ся гралй, якъ они ся гралй,
Зъ великого граня далй ся до спаня.
Прилетёвъ сивый птахъ, сяднувъ на ей личко,
Такъ красно заспёвавъ: «Встань горе, Ганйчко!
Встань горе, встань горе, ужь есь ся выспала,
Твой зеленый вёнокъ быстра вода взяла!» —
«Кедъ она го взяла, няй она го несе,
Загатитъ съ нимъ воду при дунаю въ лссе!»

125.

Сьяло просо, але босо, не далеко фары,
Пришелъ ґу ней органиста и самъ Плебанъ старый:
«А ты дѣвча, дѣвчаточко, подь ты до 'ня служицъ,
Не будешь ты тяжко робицъ, лемъ кочѣша любицъ.» —
«Эй, мала бы я любовацъ кочѣша вашего,
Волѣла бы я любовацъ Плебана самего.» —
«А ты дѣвча, дѣвчаточко, не лакомься на 'ня,
Татъ я духовна особа, не пойдешь ты за 'ня.»

126.

Тотъ паробокъ Моравчанъ
Не мать жены, лемъ есть самъ.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вонъ мать съ собою
Дость трапѣнья?

* * *

Женѣ треба корыто,
И решето, и сито.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вонъ мать съ собою
Дость трапѣнья?

* * *

Женѣ треба чоботкы,
На ей бѣлы ноженькы.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вонъ мать съ собою
Дость трапѣнья?

Женѣ треба хустечку,
На ей бѣлу щічку.
На чьто му есть, на чьто,
Молода жена,
Кедь вонъ мать съ собою
Дость траплѣнья?

127.

Лѣтать голубь по улици гуркаючи, гуркаючи,
Свою милу, премилену, гледаючи, гледаючи. 2
Полетѣла голубйця по краннѣ, по краннѣ,
Потратила сиве пёрья по долинѣ, по долинѣ. 2
«Помозъ, Боже, сиве пёрья позбирати, позбирати,
Якъ то буде зъ моёвъ миловъ привыкати! 2.
«Ахъ цй ты спишь, цй ты не спишь, 2
Чомъ со мною, молодою, не говоришь?» — 2
«Якъ же я мавъ съ тобою говорити, 2
Лежитъ корбачь при ручецѣ, буде бити? 2
Отшмарь корбачь, мила моя, за сусѣчокъ, 2
Сама выйди голубкою на облачокъ!» 2

128.

Кошулё тоненька!
Шила тя миленька,
Подъ бучкомъ, подъ грабомъ,
Зеленымъ гадвабомъ.

* * *

Уже бучка стяли,
Спадлулъ до поточка,
Ужь ми ся справила
До милой лавочка.

Зъ Кошицкой касарни
Хлопцы позираютъ,
Цы ся но подъ горы
Бучкы розвиваютъ.

* * *

Шѐ ся не розвила,
Лемъ една липочка,
Што ей посадила
Моя фраирочка.

* * *

На Кошицкой церкви
Червена туренка,
Покопали конѝ
Бѣлого Иванка.

* * *

Якъ го покопали,
Дуже форый лежитъ,
Сто премилена
За докторомъ бѣжитъ.

129.

Не буду ся женити тои осени,
Буду ся женити въ Таліянской землѣ;
Возму собѣ отъ Француза жену,
Буду служитъ десять годовъ за ню.

* * *

Не буду ся женити тои осени,
Бо я ся оженю въ Таліянской землѣ;
Стану служитъ до Галибардого,
Возму собѣ Фрайцимѐрку ёго.

130.

Эй, шкода, Боже, Шарѣша, Шарѣша,
Же го подмыла Торѣса, Торѣса!
Эй, шкода, Боже, фарара, фарара,
Же себе не тримать кухара, кухара!
Але себе тримать кухарку, кухарку,
Шиткымъ Плебаномъ фраирку, фраирку!

131.

Газда же я, газда,
Ужь емь догаздовалъ,
Шено сомъ попредалъ,
Конёмъ сламу давамъ!

* * *

Пришло на Вельки Постъ,
Вытягъ коня за хвостъ,
Корову за роги,
Стару мацъ за ноги.

132.

Не пуйдемъ за варгу,
Заваруй 'ня, Боже!
Пуйдемъ за млынаря,
Допомозъ ми, Боже!

* * *

Бо варга завола
Зъ тей высокей гуры:
«Намочь тамъ, дѣвчатко,
До Дуная шкуры!

А млынарь завола
Зъ тей новей млыницѝ:
«Нисыпь тамъ, дѣвчатко,
До грота пшеницѝ!»—

* * *

«За яречкомъ конѝ:
Хто мѝ пуйде по нѝ?
Пуйде по нѝ мила,
Зъ чарныма очима!»—

* * *

«Чарны я очка мамъ,
Бѣлы я личка мамъ,
Фалечный то шугай,
Цо му ихъ бочкацъ дамъ?»

133.

Орала баба заграду,
Пришелъ панъ на нараду:
«Бабо, бабо, дай рады тамъ,
Якъ я тоту панну здрадзицъ мамъ?» —

* * *

«Облечь ты шаты панянскы,
А черевики камужелскы,
Прохажай ты ся цо рынечку,
Ажь до самого вечеречку!»—

* * *

«Коваль, коваль, ковалёчку,
Преночуй мя тоту ночку!»—
«Якъ я тя мамъ преночовацъ,
Ты подорожня, я тя не знамъ!» —

«А я пани зъ Воршавы,
Йду на ярмаркъ до Праги.»
«А ты, дѣвко, идь ложе слацъ,
Бо ты подешь съ панёвъ спацъ.»

* * *

«Анно, Анно, Аничко,
Не бачитъ ми ся паничка.»—
«Де бы ти ся бачила,
Кедь ты ей нигдй не видѣла?»—

* * *

Не выстало повночи,
Кричитъ дѣвка одночи:
«Тихо, дѣвко, не кричи,
Бо твой панъ отецъ въ свѣтлици!»—

* * *

Рано, рано, раненько,
Коли сходитъ слоненко,
Ходитъ дѣвка по луце,
Носитъ дѣтя на руце;

* * *

«Люляй, люляй, сыну мой,
Велькы зводитель отецъ твой.

(Конца недостаетъ.)

134.

До костела пошовъ,
Тамъ миленку найшовъ,
Боршаномъ прикрыта,
Свѣчками обита.

До кишени штергнувъ;
Острый ножъ вытягнувъ,
До серца ударивъ:
«Терпи, серце, терпи!..

* * *

Воли серцо терпицъ строму ножови,
Мало оно терпицъ вулькому жалѣви.
Єдно поховали повыше костела,
Друге похровали пониже костела.

* * *

На єдномъ выросла ружа и шалвія,
На другѣмъ выросла дробна розмарія;
А тоты квѣтки въ едно ся ростали,
Жебы люде знали, же ся любовали.

(Всѣ отъ 125 запис. Дьякомъ Вас. Сухимъ въ Краснобродѣ Шарыскаго Уѣзда.)

135.

Въ жалобине при млыне,
Лежитъ Янчи въ вербине,
Лежитъ Янчи забитый,
А зъ вербину прикрытый.
«Ганчо, Ганчо! Ратуй ме!
Гледай желье коле мне.»—
«Якъ я це ратовацъ мамъ,
Шакъ я ту желье не мамъ.»—
«Подь, Ганѣчко, изъ гаю,
Ужь Янѣчка ховаю.
Хто же за нимъ нарѣкатъ?
Отецъ, мати, фаирка;
Отецъ, мати сердечне,
А фаирка фалечне.
Утлачена долина
До Шандала, до млына;

Утлачили дворяци,
Ку Ганѣчци ходячи;
Утлачилъ ей младый панъ,
Ку Ганѣчци ходилъ самъ.

(Изъ Шарышскаго Уѣзда, записана въ селѣ Чабѣ.)

136.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. I, 1867, 1, 678.)

«Смотри, дѣвко, смотри,
На суху тополю,
Коли ся розовье,
Тогда я тя возьму.»—

* * *

«Бо я вже смотрѣла
И вчора и днеська,
Щé ся не розвила
Жадна голузочка.» —

* * *

«Цы ты, дѣвко, дурна,
Цы ты ушалена?
Суха бо тополя
Не буде зелена!

* * *

Смотри, дѣвко, смотри,
За кого машь ити,
Обысь не плакала,
Якъ тя буде бити!»

137.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 672.)

Изъ Середы на Четверь,
Памятую якъ теперь,
Же молды Козаки
Вовели мя въ бодаки.

* * *

«Вы, молоды Козаки,
Я васъ не боюся,
Не ведѣть мя въ бодаки,
Бо тамъ поколюся!

* * *

Ведѣть мене въ лободу,
Лобода холодна,
Постелѣть мнѣ жупану,
Бо я того годна!»

138.

(II, стр. 567.)

На бережоньку стояла, стояла,
Бѣлыи ноженьки мыяла, мыяла, мыяла:
«Эй, мои ноженькы бѣлоц, бѣлои,
Кому жь вы будете милои, милои?
Эй, коли старому, храньБоже, храньБоже!
Коли молодому, дайБоже, дайБоже!»
А на горѣ зѣлья ядловецъ, ядловецъ:
Лѣпшій есть младенецъ, якъ вдовецъ, якъ вдовецъ;
Бо вдовецъ буде вымавлявъ, вымавлявъ,
Же першу жену крайшу мавъ, крайшу мавъ;
А дѣти будутъ плакати, плакати,

Бодай о мичосѣ не знати, не знати!
А у нашой заградойки бѣлый квѣтъ, бѣлый квѣтъ:
«Вандруй, вандруй, дѣвчинонько, зъ нами въ свѣтъ!
Але коли мы выйдеме на гору, на гору,
Тамъ я тобѣ вшитку правду зговорю, зговорю.»

139.

Руской была 'мь и буду, Руска моя мати,
За Руского молодца хочетъ мя отдати.
Чужей матери сыновъ я не потупляю,
Но къ Руской моей крови большу любовь чую;
Всегда, вездѣ, по Руски я буду спѣвати,
А всѣхъ Рускихъ молодцовъ буду чаровати.
Очарую каждого Рускима словами,
А всѣхъ серца наполню Рускими чувствами.
Всѣхъ Руской мамы сыновъ серца очарую,
Дабы ся любили, якъ я ихъ любую.
Пока духъ во мнѣ живетъ, буду ворожити,
Должны Руски молодцы Русчизну любити.
Старый Бескидъ, нашъ дѣдо, онъ мнѣ поворожитъ,
Онъ чародѣйный огень до серца положитъ;
Будутъ серца любящи любовью горѣти,
При томъ огнѣ небесномъ мы будемъ ся грѣти.
При томъ сердечномъ огнѣ пѣснь будеме пѣти,
Всѣ въ соединеньи другъ друга любити.
Русска мене родила мати моя мила,
Отъ мамы розлучитъ гробъ и могила.

140.

Повѣдаютъ люде,
Же дієта буде,
Я на выволанку
Заспѣвамъ спѣванку.

Найяснѣйшій Краль нашъ
Рачилъ дозволи́ти,
Жебы всѣ народы
Зышлися ради́ти.

* * *

Угерска краина,
Мила наша мати́,
Съ народами́ буде
Пораду тры́мати.

* * *

Мати́ хоче съ дѣтми́
Мудро погварити́,
На діету кли́че
Свои милы дѣти́.

* * *

Въ Пештѣ при Дунаю
Буде славна рада,
Тамъ ся зыйде честна
Краинска громада.

* * *

Тамъ вшиткы народы
Будутъ раду мати́,
Намъ конечно треба
Русску посылати́.

* * *

Кебы на діетѣ
Безъ насъ ся радили́,
О Русскомъ народѣ
Може бы забыли.

Мы вшиткы до Пешту
Не можеме ити,
Намъ Русскыхъ заступцовъ
Треба выволити.

141.

Пробудилися народы,
О житью думаютъ,
Духа народной слеободы
Сердечно витаютъ.

* * *

Кипитъ, бульчитъ кровь нарсдна
Въ нашёмъ Русскомъ родѣ,
Кожда душа благородна
Тѣшится слеободѣ.

* * *

Пробудився сынъ Бескидовъ,
Зачавъ розмышляти,
Надъ гробами своихъ дѣдовъ
Горенько вздыхати.

* * *

Невидима Божа сила
Его посилняе,
Въ его душѣ Божу искру
Господь розъяряе.

* * *

Житья намъ далъ Богъ створитель,
Неба, земли, творецъ,
Хранитъ насъ Богъ Вседержитель,
Нашъ небесный Отецъ.

Подастъ помочь, крѣпость, силу,
Русскому народу,
Допоможе выдобити
Народну слеоду.

142.

Добрянскій радъ видитъ
Худобну черняву,
Подьме, братья, люде,
Подъ его заставу.

* * *

Тримаймеся, люде,
Розуму нашого,
А выберме собѣ
Пана Добрянского.

* * *

Добрянскій добрый панъ,
Допоможь му, Боже,
Бѣдный людъ боронить
Якъ найлѣпше може.

* * *

Не отрцаймеся
Охранцы нашого,
Тримаймеся вшиткы
Пана Добрянского.

* * *

Допоможь намъ, Боже,
Поможь, Духу Святый,
Пана Добрянского
Въ Зборовѣ выбрати!

143.

Вера, Боже, не плебана
Але барзъ доброго Пана,
Добрянского выбереме
А на діету пошлеме.

* * *

Добрянскій бѣдный людъ хранитъ,
Подлый чловѣкъ, хто го ганитъ,
Плеткй слухацъ не будеме,
Добрянского выбереме.

* * *

Выбереме Добрянского
За аблегата нашого,
Бо онъ мудрый, справедливый,
Добрѣ сталъ и одважливый.

* * *

Выбере го Маковица,
Наша цѣла околица
Жада себе Добрянского,
Нягай Панъ Богъ живй сго!

* * *

Найяснѣйшій Краль нашъ
Дозволицъ рачилй,
Жебы ся народы
Разомъ порадилй.

* * *

Угерска краина,
Матка наша мила,
Же буде діета,
Ужь намъ ознаймила.

Мы до Пешту
Пойти не можеме,
Але мѣсто себе
Заступцохъ пошлеме.

* * *

О такомъ чловѣку
Треба роздумовацъ,
Штобы хтѣвъ а моголъ
Бѣдныхъ заступовацъ.

* * *

Заступникохъ воля
Словенскы сынове,
Кого выволйме
У нашемъ Сиксове?

* * *

Мы разъ, выволили,
Пана Годожого,
Вѣрного охранцу
Народа бѣдного.

* * *

Най жіе Годожій,
Панъ нашъ справедливый!
Заступцу нашого
Нягай Панъ Богъ живи!

Лирникъ и крестьяне Тернопольскаго уѣзда с. Скалата въ восточной Галичинѣ.

ДУМЫ.

е) нравственно-поучительныя и религіозныя.

1.

Лазарь.

(Ср. II, 737.)

Єдинъ человѣкъ богатый бувавъ,
Который роскошне ѣдавъ та й пивавъ,
Въ дорогихъ шатахъ по дворъ ходжувавъ,
Про милости пана Бога николи не знавъ,
На святые церквы ничого не накладавъ,
Службы божественны, акафисты, парастасы, николи не наймавъ.
А отцѣвъ духовныхъ въ домъ свой николи не пріймавъ,
Нищихъ, убогихъ, николи не обдѣлявъ,
А брата Лазаря за брата не мавъ.
Ой лежавъ святый Лазарь въ смердящомъ гною,
Передъ богачевыми воротьми его,
А выйшовъ сильный богачь передъ свои ворота,
За нимъ слугъ красна, препышна рота.
Скоро бо святый Лазарь богача узрѣвъ,
Та й заразъ до него гласомъ возопѣвъ,
Эй гласомъ заволавъ, братомъ называвъ:
«Брате мой, брате, сильный богачу!
Дай же менѣ хлѣба, соли, третои воды,
Ой третои воды для охолоды,
Заплатитъ ти Господь зъ неба, зъ высокости.»—
«Ой не треба менѣ зъ неба заплаты,
Маю я стожки та оборожки,
Червоны золоти, дробныи пѣнѣжки:

Де ся менѣ трафитъ смерть, то откуплюся,
А не откуплюся, то одобьюся,
До царства небеснаго самъ доберуся,
Господеви найвышшому не помолюся,
А всѣмъ святымъ его не покорюся.
Ты бо лежишь въ смердячѣмъ гною,
Ты бо то смердишь, якъ гнилый песъ,
Ще ся моимъ братомъ называешь;
Ой не е ты мой братъ, тôлько песôвъ братъ!»
А плюнувъ сильный богачь, и самъ пошôвъ пречъ,
И казавъ за собою ворота замкнути,
И гнилымъ колодьемъ позакидати.
Препышна челядь тое вчинила,
Передъ святымъ Лазаремъ врата замкнула,
И гнилымъ колодьемъ позакидовала,
А бы Лазарева гласу у дворъ не чути.
А не було у богача побожной души,
Жебы ся надъ Лазаремъ була змиловала,
Жебы хлѣба и соли у гной подала;
Тôлько було у богача три лютыи псы,
Которы завжды по пôдъ стôлъ ходили,
Що дробны крôшки зазбировали,
Же богачеви зъ устôвъ спадали,
Тое жь бо тыи псы зазбировали,
И святому Лазареви у гной носили,
Тимъ же его душу и тѣло живили,
Крôвавы раны зализовали,
Що въ смердячѣмъ гною попрогнивали,
Полегкости его душѣ и тѣлу давали.
Ставъ же ся сильный богачь довѣдовати,
Казавъ всѣ собаки пречь вывѣшати;
Препышна челядь тое вчинила,
Взяла собаки, та й вывѣшала.
Ставъ ся святый Лазарь до Господа Бога молити,
Молитвы святые вѣрне творити:
«А выслухай, Господи Боже, молитвымеи,
Прійми мою душу и тѣло до хвалы свеи!»
А выслухавъ Господь Богъ молитвы его,

Зо́славъ два Ангелы по душу єго:
Злетѣли два Ангелы барзо зтиченька,
А взяли Лазаря барзо злегенька,
Понесли его высоко въ гору,
Посадили Лазаря въ пресвѣтломъраю,
Въ святого Аврама на правóмъ лонѣ,
А Господь Богъ на правóмъ, въ моцы та хвалѣ.
За малу хвильку, часъ погодивши,
Взялася богача сильная тревога:
Одинъ повѣдае, же то тревога:
Богачъ повѣдае: «Всё то отъ Бога!»
Ставъ же сильный богачь Бога молити,
Молитвы святые вѣрне творити:
«А выслухай, Господи, молитву мою—
Прійми мою душу и тѣло, де Лазареву!»
А выслухавъ Господь молитвы его,
Зо́славъ два пекельныхъ по душу его:
Ще бо пекельны двора не до́йшли,
А вже злото, сре́бро прахомъ рознесли,
Пышную челядь порозганяли,
Сильного богача въ руки до́стали,
А вырвали зъ него душу желѣзнымъ гакомъ,
Желѣзнымъ гакомъ, а лѣвымъ бокомъ,
По́днесли богача строго высоко,
А вкинули его въ пекло барзо глыбоко:
«Плавай, плавай, богачу! Маешь широко,
Поглядай на небо, якъ Богъ высоко!
Тамъ бо зобачишь святого Авраама,
А по́сля Авраама брата Лазаря.
Теперь, богачу, хочь откупляйся,
А не откупишься, то одбивайся,
До царства небесного самъ добирайся,
Господу Богу найвышшему не помолися,
А всѣмъ святымъ его не покорися!»—
«Жебы менѣ Богъ зволилъ на тамъ той свѣтъ,
А знавъ бы я вже, якъ пророкувати,
Де свое сербро и злото лѣвати,
На церквы святыи вже бы 'мь накладавъ,

Службы божественны, акафисты, парастасы завжды бы 'мь наймавъ,
А отцѣвъ духовныхъ у свой домъ пріймавъ,
Нищихъ, убогихъ, завжды надѣлявъ,
Брата Лазаря за брата бы 'мь мавъ.
Ой се бо тамъ пророчества—Святое Письмо,
Оже то Письмо завжды бы 'мь читавъ,
И своихъ ученикôвъ та й научавъ,
Жебы ученики тое же памятали,
Бога навыйстого за Бога мали!»
Скоро сильный богачь съ братомъ ся уздрѣвъ,
Та й заразъ до него гласомъ завопѣвъ,
Эй, гласомъ заволавъ, братомъ го назвавъ:
«Брате мой, брате мой, святый Лазарю,
Чи не мôгъ бы ты менѣ то вчинити,
Же я тебе буду вѣрне просити:
Свой мѣзельный палець въ море вмочити,
Мои смажущи уста та захолодити,
Той пекельный вогонь пригасити,
Мой спаленый языкъ закропити.»—
«Не моя то, брате, воля, но самого Бога,
Проси собѣ, брате, самого Господа Бога:
Жебы я, мой брате, всё море спустивъ,
Я бы пекельного огня не вгасивъ.»
А до него Авраамъ такъ пророкуе,
Зъ Письма Святого такъ отказуе:
«Пріймай, Лазаре, що тобѣ Богъ давъ;
А ты уживай, богачу, що 'сь си вготовавъ,
Ото тобѣ, богачу, за горды слова,
Же 'сь говоривъ тѣ слова насупротивъ Бога.»—
«Єдна насъ, брате, мати родила,
А пôдъ однымъ, брате, серцемъ носила,
И едну надъ нами кровь проливала,
Тôлько не едну намъ, брате, Богъ долю судивъ:
Тобѣ, брате, Богъ судивъ нище убожство,
Менѣ, брате, Богъ судивъ сильне богатство;
Ты, за твое убожество, въ преславномъ раю,
Я, за свое богатство, въ пекельномъ огню.

Лѣпше твое, брате, нендзне убожство.
Нѣжь мое, пане брате, сильне богатство.
Аминь, аминь, аминь! Такъ намъ, Боже, дай,
А всѣмъ Христіянамъ пресвѣтлый рай,
А де всѣ святыи въ небѣ царствуютъ,
Преставленнымъ душамъ царство готуютъ.

(Золоч. У. въ с. Ратищахъ отъ слѣпца лирника Ѳомы Зеленюка изъ Лукавца.)

2.

О томъ же.

Ой единъ чоловѣкъ богатый бывавъ,
Который роскошь ѣдавъ, испивавъ,
Въ дорогомъ одѣяніи вôнъ рядно ходивъ,
Намилость у Бога ни чимъ не годивъ;
Вôнъ на святыи церквы не накладавъ,
Души своей царствія не готовавъ,
Брата своего Лазаря за брата не мавъ,
Да его при бѣдности вѣчной высылавъ,
А высылаючи лютымъ псомъ цковавъ.
Ой бувъ собѣ Лазарь нищій, убогій,
Нищій, убогій, хворый, недужій,
Лежавъ въ гноѣ предъ богачевыми вороты:
Выйшовъ богатый самъ за ворота,
За ни выбѣгла челядь сердопышна, горда;
Якъ скоро богатый съ Лазаремъ зрôвнявся,
Лазарь до него гласомъ отозвався:
«Гой же, мôй брате, сильный богачу!
Подай менѣ, брате, хлѣба та соли!
Господь тебѣ зъ неба, самъ онъ, наградитъ!»
Богачъ на тое ни мало не дбавъ,
Гордое слово брату отказавъ:
«Коли жь бо ты, Лазарю, въ гноѣ лежишь,
Коли жь бо ты, Лазарю, воняешь, смердишь,
Воняешь, смердишь, якъ той лютый песъ,

А еще ся моимъ братомъ рóднымъ зовешь.
Не называйся, Лазаре, ты братомъ моимъ,
Имѣю я братій, якъ единъ самъ:
Имѣю я стóжки, подворожки,
Червоныи золотыи, сребряны дорожки,
То я не боюся ни чимъ ни чого,
Коли менѣ що случится, я самъ отплачусь,
Отъ наглой смерти я самъ откуплюсь,
До царствія небесного приближуся,
А не приближуся, то прикуплюся,
А я Бога небесного во вѣкъ не боюся!»
Не боявся богачъ Бога, та все клопотився,
А плюнувши на Лазаря, назадъ воротився,
Велѣвъ за собою ворота замкнути,
Щобы вóдъ брата Лазаря и дыху не чути,
Щобы брата Лазаря и въ двóръ не пустити,
Щобы ему хлѣба, соли, та не сотворити.
Ни единъ тамъ чоловѣкъ милосердный не бувъ,
Щобы вóнъ Лазаря помиловавъ бувъ,
Щобъ нищему Лазарю хлѣба, соли, подавъ,
Тóлько Богъ нищу Лазарю черезъ милость давъ:
Були у богача два лютыи псы,
Которыи пóдъ столомъ хованы ходили,
Все дрóбныи крóхóтки высбировали,
Хворому Лазарю во гной носили,
Тѣмъ его душу и тѣло живили,
Раны его смертельныи солизовали.
Ставъ убогій Лазарь Богу ся молити,
Богу ся молити, молитвы творити,
Господа небесного милости просити;
«Господи Боже мой, Спасе милостивый!
Выслухай, Господи, молитвы моя,
Прійми мою душу съ тѣла до хвалы своея!»
Выслухавъ Господь Богъ молитвы его,
Ссылаетъ съ небесъ Святыхъ Ангеловъ
По Лазареву, по душу его,
Излинули Ангелы вельми зблизенька,
Взяли его душу зъ тѣла зтихенька,

Понесли Лазаря въ рай на небеса,
Посадили Лазаря въ пресвѣтлый рай,
У Господа небесного въ чести та хвалѣ,
У святого Авраама на правой лонѣ.
А въ другую хвилю, во злую годину,
Не дôшовъ богатый до своего двора,
Перестрѣла богача сильная хворота,
Сильна хворота, немилостивая,
Да за его справность, за гордыи слова,
Который отрекався брата Лазаря,
Не брата Лазаря, самого Христа
Выступили съ пекла демоніи злы,
Та по богачеву, по душу его:
Єще до богачевого двора ю дôшли,
А вже его сребро, злото, прахомъ рознесли,
А изъ богача душу бокомъ выдерли,
Лѣвымъ бокомъ, крещпымъ крижемъ вытягли,
Взяли богача пôдъ лѣвое ребро,
Строснули богача съ строю высоко,
Кинули богача въ пекло глыбоко:
«Скакай, богачу, въ пеклѣ широко!
Поглядай, богачу, въ гору высоко,
Въ гору высоко, а въ рай далеко!
Тамъ увидишь, богачу, Аврама въ раѣ,
Поблизко Аврама брата Лазаря.»
Скоро богачъ глянувъ, самъ пламень заздрѣвъ,
Тогда брата Лазаря огласомъ спросивъ:
«Гой же, мôй брате, Лазаре святый!
Єдинъ бо насъ отець, мати, родили,
Такъ не одну, брате, Богъ долю дѣливъ:
Тобѣ, брате, давъ Богъ нищее убожество,
Менѣ, брате, давъ Богъ сильное богатество;
Лучше тое, брате, нищее убожество,
Нѣжь мое, брате, сильное богатество.
Ты, брате, спочиваешь въ пресвѣтлôмъ раѣ,
А я, брате, горюю въ пекельнôмъ огнѣ,
У старшого лукавого, у мукахъ его.
Чи не можно, брате мôй, тое вчинити,

Свôй мѣзинный палець въ море вмочити,
Уста мои смажныи хоть закропити,
Языкъ мôй у роти охолодити,
Сей огонь пекельный хоть пригасити,
Старшого лукавого хоть засмутити?»—
«Радъ бы я, брате, тое вчинити,
Свôй мѣзинный палець въ море вмочити,
Уста твои смажныи хоть закропити,
Языкъ твôй запекшій охолодити,
Такъ не моя, брате, воля, Бога самого:
Испроси жь ты, брате, Бога Святого,
Съ своими постами и съ молитвами Христовыми,
Съ молитвами Христовыми, съ моленьми его!»—
«Когда бъ надо мною Богъ ся умилосердивъ,
Когда бъ мене Господь на той свѣтъ пустивъ,
На той свѣтъ, на временный вѣкъ:
Имѣю я на тôмъ свѣтѣ зливыхъ пять братôвъ,
Зливыхъ пять братôвъ, сильныхъ богачёвъ,
Нехай же бъ я промежь ними хоть пророковавъ,
Отъ Господа Бога пророчество извѣщавъ;
Уже бы я свое сребро, злото, на церквы дававъ,
Еже праздникъ и недѣля молебни наймавъ,
Тебе, брате Лазаре, всегда поминавъ,
И нищихъ, убогихъ, добромъ надѣлявъ,
Души своей царство вже бъ я вготовавъ.»
Ажь ему Святый Аврамъ такъ отповѣдавъ:
«Чему ты, богачу, давно такъ на дбавъ,
Когда ты на вольнôмъ свѣтѣ въ роскошѣ гулявъ?
Чему ты, богачу, тогда не откуплявся,
До царствія небесного не приближався?
Не потреба изъ неба братамъ пророкôвъ,
Маютъ браты пророчество—Святое Письмо:
Нехай они завсегда читаютъ оно,
Нехай они Письмо Святое читаютъ,
Своихъ дѣтей къ всему добру наставляютъ.
Которыи будутъ доброе дѣлати,
Тамъ имъ будетъ царство, где и Лазареви;
Которыи будутъ злое начинати,

Тамъ имъ будетъ пекло, где и богачеви!
Уживай, богачу, що 'сь си зготовавъ,
Души своей пекла самъ наслѣдовавъ;
А ты, Святый Лазаре, що тебѣ Богъ давъ,
Що самъ Христосъ въ раю уготовавъ,
Где Святыи Ангелы у небѣ поютъ,
Преподобныхъ псаломъ Богу спѣваютъ,
И насъ, грѣшныхъ, къ собѣ пріймаютъ,
Отъ мукъ вѣчныхъ освобождаютъ.
До царствія небесного сопровождаютъ.
Аминь, аминь. Такъ намъ, Боже, дай!
Прійде Вѣра Христьянская во небесный рай.

(Отъ слѣпца лирника въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

3.

Объ иконѣ Исуса Назарянскаго въ Милятинѣ Золочевскаго Уѣзда.

Въ славномъ мѣстѣ Милятинѣ,
Тамъ Исусъ Назарянскій,
Давъ ся бити, слуповати,
За міръ Христіянскій.

* *
*

Ой тамъ били, слуповали,
Кровъ зъ боку точили,
Не єдную терновину,
На главу вложили.

* *
*

Ой Пречиста Дѣва Мати
Подъ крижомъ стояла,
Свого сына взлюбленого
Въ раны цѣлювала:

«Ой сыну жъ мой возлюбленый,
Чо тяжко вмираешь,
Тѣло и кровь пресвятѣйшу
До гробу отдаешь?

* * *

А всѣ Святи Апостолы,
Славу учинѣте,
Ввійте Христа въ плащаницю,
У гробъ положѣте!»

* * *

А всѣ Святи Апостолы
Славу учинили,
Ввили Христа въ плащаницю,
У гробъ положили.

* * *

Ни жадная, каже, Вѣра,
Не могла спознати,
Лише въ морѣ камѣнь, камѣнь:
Буде Христосъ славенъ,
А на вѣки вѣковъ Аминь!

(Отъ слѣпца лирника въ Львовѣ.)

4.

Сиротка.

Померъ отець, матн,
Зостались дѣти,
Зостались дѣти,
Сироты на вѣки.

А пôшла сирôтка,
По свѣтѣ блукае,
По свѣтѣ блукае,
Мамуни шукае.

* * *

Здыбавъ ю Господь Богъ,
Стався ёй пытати:
«Де ты йдешь, сирôтко?» —
«Мамуни шукати.» —

* * *

«Не иди, сирôтко,
Бо далеко зайдешь,
Бо далеко зайдешь,
Мамуни не знайдешь.

* * *

Бо твоя мамуня
На высокôй горѣ,
На высокôй горѣ,
У судящôмъ гробѣ.»

* * *

А пôшла сирôтка,
Та стала плакати,
Стала ся мамунця,
Зъ гробу обзывати:

* * *

«А хто бо тамъ плаче,
Та на моёмъ гробѣ?» —
«Сирôтка, мамуню,
Примѣть мене къ собѣ!» —

«Нема ту, сирôтко,
Що ѣсти, та й пити,
Приказавъ Господь Богъ
Въ сырôй землѣ гнити.

* *
*

Иди жь ты, сирôтко,
До своєй мачухи,
Най тобѣ мачуха
Сорочочку вшіе!» —

* *
*

«Ще менѣ мачуха
Сорочки не вшила,
Вже менѣ мачуха
Здоровья вôймила.» —

* *
*

«Иди жь ты, сиротино,
До своєй мачухи,
Най тобѣ мачуха
Головочку змые!» —

* *
*

«Ще менѣ мачуха
Головки не змыла,
Вже жь менѣ мачуха
Вязы надкрутила.

* *
*

Ще мене мачуха
Не росчесала,
Вже мене мачуха
На вѣки проклята!»

Ой плаче сирòтка
Дрòбными слёзами:
«Не має родиноньки,
А ни рòдной мамы!»

* * *

А зòславъ Господь Богъ
Два Ангелы зъ неба,
Узяли сирòтку
Ангелы до неба.

* * *

А зòславъ Господь Богъ
Два пекельныхъ зъ пекла;
А взяли мачуху,
Понесли до пекла;

* * *

Понесли у гору
Барзо высоко,
Та кинули въ пекло
Та дуже глыбоко:

* * *

«Плавай, плавай, плавай,
Мачехо широко!
Поглядай на небо,
Якъ то Богъ высоко!

* * *

Плавай, мачехо,
Будешь плавати,
Будешь сиротиньски
Дѣти шановати!

Було шановати,
Було доглядати,
Коли 'сь хтѣла въ небѣ,
Въ небѣ царствовати.

* *
*

Якъ та смола кипитъ,
Будешь ты кипѣти,
Такъ ты, мачехо,
За сиротинскій дѣти». —

* *
*

«Волѣла бъ я була
Дѣтей шановати,
Нѣжь маю я теперь
Въ пеклѣ потопати.»

* *
*

А жій ты, сирôтко,
Въ небѣ со Святыми,
А ты, мачехо,
Въ пеклѣ съ проклятыми!»

* *
*

Бѣдна сиротина
А, въ небѣ крулюе,
Мачуха несчасна
Во пеклѣ горюе.»

* *
*

«Жебъ я була знала,
Же буду горѣти,
Була бъ шановала
Сиротинскій дѣти;

Була бъ шановала
Та й довлядала,
Близшихъ, дальшихъ, сусѣдôвъ
Була бъ научала.

* * *

Вызволи мене, Господи,
Зъ тои неволеньки,
Буду шановати
Сироты маленькй!»

5.

А въ недѣлю рано взяло свитати,
Пôшла сирôтка мамунцй шукати;
Ой пôшла сирôтка горами, долами,
Здыбавъ ю Господь съ двома Ангелами:
«Где йдешь, сирôтко?»—«Мамунй шукати.» —
«Вернися, сирôтко; бо далеко зайдешь;
Бо далеко зайдешь, мамунцй не знайдешь,
Ой иди, сирôтко, на высоку гору,
Тамъ твоя мамунця у судящёмъ гробу.»
Ой выйшла сирôтка на высоку гору,
Та й на гробѣ впала, ревне заплакала;
Ой впала на гробѣ, та й стала рыдати,
Взяла ся мамунця зъ гробу отзывати:
«Хто тамъ ходитъ, плаче, та на моемъ гробѣ?» —
«Ой, мамунця моя, возмѣть мене къ собѣ!» —
«Ой нема ту що ни ѣсти, ни пити,
Тôлько приказано въ сыровôй землѣ гнити.
Ой, иди, сирôтко, до мачёхи своей:
Нехай ти мачёха головоньку змые.» —
«Єще ми мачёха головоньки не мыла,
Вже мя мачёха на вѣки прокляла.» —
«Иди жь ты, сирôтко, до мачёхи своей,
Ней ти мачёха кошуленьку вшіе.» —

«Ой ще ми мачѣха кошуленьки не шила,
Вже ми мачѣха тѣленько отбила.»
Ой зо́славъ Господь два Ангелы зъ неба,
Ой взяли сиро́тку, понесли до неба,
А по мачѣху два діяволы зъ пекла,
Вфатили мачѣху, понесли до пекла;
Понесли жъ они ю барзо высоко,
Пустили они ю до пекла глыбоко:
«Ой плывай, мачѣхо: ту маешь широко,
Ту маешь, мачѣхо, въ смолѣ кипѣти,
Въ смолѣ кипѣти, за сироты-дѣти;
Ту маешь, мачѣхо, по смолѣ плывати,
Жебы 'сь ты знала, якъ сиро́тъ шановати.» —
«Ой дай же ми, Боже, зъ пекла выплывати,
То я буду знала, якъ сиро́тъ шановати.»

6.

Вѣчность.

Памятайте, Христіяне,
Що ся зъ нами потомъ стане
На вѣки! *

Всѣмъ по смерти ити треба,
Чи до пекла, чи до неба
На вѣки!

Єсть то правда неотмѣнна,
Же зъ тыхъ єдна, а не инна
На вѣки!

Чекаетъ насъ всѣхъ дорога,
Така е въ то́мъ воля Бога
На вѣки!

---

* И такъ послѣ каждыхъ 2 стиховъ.

Такъ въ святомъ Євангеліи
Христосъ учитъ о житіи
На вѣки!

Єдныхъ бо къ себѣ взываетъ,
Другихъ въ пекло отсылаетъ
На вѣки!

Тутъ свѣтовй зважьте люде,
Що то въ онôмъ пеклѣ буде
На вѣки!

Якіи тамъ будутъ муки,
Нужды, троски и докуки
На вѣки!

Темность страшна мѣстця того
Причиняетъ муки много
На вѣки!

О якъ тяжка тамъ казнь буде,
Где не ввидятъ свѣта люде
На вѣки!

Душу жалость зранитъ многа,
Черезъ грѣхъ стратила Бога
На вѣки!

И всѣ ласки, и вся дары,
И зрѣніе Божія твари
На вѣки!

Та гризе червь сумленья,
Же не доступивъ спасенья
На вѣки!

Для марности позбувъ неба,
А такъ погибати треба
На вѣки!

Тамъ роспачъ тяжкая волѣ,
Якъ зостане въ злои долѣ
На вѣки!

Безпрестанно нарѣкае,
И день и нощь проклинае
На вѣки!

Наветъ Творца преблагого
Клене зъ гнѣва завзятого
На вѣки!

Хулитъ имя его свято,
Же му добро все отъято
На вѣки!

Дочка матѣрь, отець сына,
Же ихъ погибели вина
На вѣки!

Нарѣкаетъ другъ на друга,
Проклинаетъ пана слуга
На вѣки!

Отъ такъ страшныя проклёны,
Чинятъ пекелницы оны
На вѣки!

Изъ своего отчаянья,
Сшедше въ адъ безъ покаянья
На вѣки!

Ужаснѣмься, Христіяне,
Бо и зъ нами то жь ся стане
На вѣки!

Якъ не будемъ ся каяти,
Суда Божія боляти
На вѣки!

Приказанья исполняти,
Наукъ церковныхъ слухати
На вѣки!

Не допусти, Христе Боже!
Страсть твоя да поможе
На вѣки!

(Записана отъ лирника въ селѣ Ратищѣ Золочевскаго Уѣзда.)

7.

О страшномъ судѣ.

Прійдѐ година для всѣхъ едина,
Коли ся разлучати
Одъ тѣла треба, якъ скажутъ зъ неба,
Свѣтъ и все покидати.

* * *

Смерть надо мною стоитъ съ косою,
А не машь обороны,
Часъ уплывае, Богъ судъ выдае
Зле зъ всякои стороны!

* * *

Я несчасливый, якъ же злосливый
Самъ на себе буваю,
За всякимъ дѣломъ иду за тѣломъ
На смерть не памятаю.

* * *

Судъ наступае, трубу готуе,
А книга съ дѣлами
Всѣхъ записана, будетъ подана,
Зъ ней ся осудимъ сами.

Судья не мстивый, а всѣмъ страшливый,
Засяде на своѣмъ тронѣ,
Перуномъ гляне къ тому, хто стане
Изъ лѣвои стороны;

* * *

Зачне судити, добрымъ платити,
А злыхъ отдастъ на муки,
Съ тѣломъ, съ душею, згинутъ своею,
Безъ вэякои поруки.

* * *

Охъ, вѣчна страта! Пекельны врата
Отворятся широко,
Туда грѣшныи и проклятыи
Въ пропасть пôдутъ глыбоко.

* * *

А въ тôй неволѣ, несчастнôй долѣ,
Горе пребуде всегда,
Плачъ и червь горшій, діяволъ скоршій,
До муки прійдетъ сюда.

* * *

Боже ласкавый, дай до поправы
Часу, просимъ со слезами,
Вѣчность та злая и проклятая
Да не владѣетъ нами!

* * *

Лѣта золотыи въ небѣ Святыи
Не престанутъ имѣти,
Пѣснь пресвятую, безконечную,
Со ангелы йимутъ пѣти.

Лучами сонця тѣла безъ конца
Праведныхъ заяснѣютъ,
Всяки прикрости будутъ сладости,
Котры тутъ имѣютъ.

* *
*

Зри, душе моя, благая твоя,
Та зачни я любити,
Зри, мука злая, безконечная,
Перестань грѣшити!

(Записана отъ лирника тамъ же.)

8.

О Пречистой Дѣвѣ Почаевской.

Пречистая Дѣво, мати Руского Краю,
Якъ на небѣ, такъ и на земли, тя величаю.
Ты грѣшниковъ зъ тяжкой муки
Черезъ твои збавляешь руки,
Не дай пропасти!

* *
*

Тобѣ всѣ Святыи служатъ, родице Бога,
И мы грѣшны Тебе славимъ всѣ яко мога:
Цѣлымъ серцемъ нехай мило
Тобѣ служитъ душа й тѣло,
Мати чистая!

* *
*

Хто жь не вдяченъ ласки Твоей, скажи который?
Зъ Подкаменя для збавленья идутъ до горы,
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ,
Очищаешь всѣ ту притомныхъ,
Прошу жь и мене!

Май въ бачности и милости вѣрного слугу,
Не дай менѣ упадати въ велику тугу:
Скажи жь теперь, якъ бы знати,
Що зъ грѣшными будешь дѣлати,
Мати ласкава!

* * *

Утѣкающихся къ Тобѣ во всякôй потребѣ,
Знаю, що утвердишь всѣхъ насъ вѣрныхъ въ небѣ.
Не выпускай же на вѣки,
Зъ твоей пресвятой опѣки,
Мене грѣшного!

* * *

Подай руку въ тяжкôй бѣдѣ и утрапленью,
Даруй ласку просящому и ку избавленью,
Буди всѣмъ намъ оборона,
Проситъ Тебе Руская Корона,
Яко Царицу!

* * *

Съ сыномъ Твоимъ возлюбленымъ буди ласкова,
Которому нехай будетъ вѣчна честь, слава,
Во вѣкъ вѣковъ не престане,
Поки всего свѣта стане
Тебе славити!

(Тамъ же и отъ того же.)

9.

О покаяніи.

Ахъ, уйшли мои лѣта,
Якъ вихоръ вкругъ свѣта;
Тòлько якъ во снѣ здалося,
Що во свѣтѣ прожилося!
Ажь тутъ смерть за мною,
Якъ едемъ страшна собою,
Єще гнѣвомъ наполненна,
Аки львица раздраженна,
Въ лютѣ зѣло рыкаетъ,
Въ путь скоро понуждаетъ,
Не прибранну, не готову,
Велитъ ступать и такову.
А що жь то за дорога?
То жь на той свѣтъ до Бога.
А вже жь менѣ умерати,
Суду Божію предстати.
А съ чимъ же тамъ явлюся,
Чимъ я Богу прислужуся?
Нѝ свѣтила, нѝ кадила,
Все то смерть розпорошила.
Надармо прорицаю,
На смерть вину складаю:
Смерть тамо не видала,
Якъ ся въ свѣтѣ проживала.
Моя то воля злая,
Зѣло лѣта трачая,
Мене жъ теперь подѣлила,
Житіемъ долгимъ представила.
Вѣкъ молодой панує,
Тѣло и здравіе владѣє;
По чемъ младость споминати,
Когда свѣта не зазнати?
Не забули и обѣта,
Якъ младенець минутъ лѣта.

Старость бо будетъ на тое,
Будетъ дѣлати благое.
Ажь мя смерть оманула
Якъ косою всѣпнула,
И старости не дождався
И на той свѣтъ не пребрався.
Часу доброго не стало,
На старость ся чекало,
Ажь кроткіи мои лѣта
Здѣлалися безъ отвѣта.

(Поется слѣпцами.)

10.

О страшномъ Судѣ.

Кажутъ люде, що я умру,
А я не хочу жити,
Скôлько, живши на семъ свѣтѣ,
Мушу согрѣшити!

* * *

Зостанется сребро й злато,
И драгія шати,
Трудно жь менѣ изъ собою
На той свѣтъ забрати.

* * *

И хотяй бымъ могъ забрати,
Тамъ того не треба;
Штыри доски, сажень землй,
Спасенія зъ неба.

* * *

Якъ ударютъ во вся звоны
О смертнôй годинѣ,
Отклонюся всему свѣту
И своей родинѣ.

Дадутъ менѣ смутну трунку
И твердое ложе:
Не дажды въ грѣхахъ умерати,
Милостивый Боже!

* * *

Якъ упустятъ грѣшне тѣло
Въ глыбокія долы,
И засыплютъ пѣскомъ очи,
Не глянутъ николи.

* * *

Въ гробѣ будуть ребра й боки,
Съ головою й руки,
Душа пôйдетъ несмертельна
На вѣчныя муки.

* * *

Памятай же, чоловѣче,
Такъ велику страту;
Ибо хто якъ Богу служитъ,
Такъ беретъ заплату.

* * *

Передъ часомъ все житіе
На смерть готовися,
Бѣгай грѣха, сповѣдайся
И Богу молися!

* * *

Примирися съ ближнимъ твоимъ,
Отпусти обиды,
Да й тобѣ Богъ отпуститъ
Всякихъ грѣховъ виды!

И старайся притяжати
Учинки ласкавы,
Бо до царства заведутъ тя
Тѣлько добри справы.

* * *

А егда ся не исправишь,
Зле будешь чинити,
То на вѣки съ проклятыми
Тамо будешь жити.

(Изъ Буковины, отъ Исидора Воробкевича. Православнаго Священника.)

II.

ДУМКИ

а) Любовныя, семейныя и жатейскія.

1.

«Не стелися, барвёночку,
Бо ще 'сь зелененькій,
Не женися, мой сыночку,
Бо ще 'сь молоденькій.»—

* * *

«Якъ же ми ся не стелити,
Бувши семенному,
Якъ ся менѣ не женити,
Бувши молодому.»—

* * *

«Кобы 'сь знала, моя мати,
Що то милость може,
Казала бы 'сь: «Оженися,
Сыноньку, небоже!—

* * *

Рубай, сыну, ясеницу,
Буде добре клинья,
Возьми собѣ сиротоньку,
Буде господиня.»—

«Не съ каждой ясенины
Буде добре клинья:
Не съ каждой сиротеньки
Буде господиня.»

2.

А въ городѣ Фасоленька, налёване тычье:
«Выйди, выйди, дѣвчинонько, хтось тебе тамъ кличе!»
Ой не вышла дѣвчинонька, вно си мати:
«Кому треба дѣвчиноньки, най иде до хаты!
Въ мене хата не заперта: йди, воды напійся!
Въ мене донька на отданью: иди, подивися!»
Ой вóйшовъ я до хатоньки, я воды напився,
Сидѣвъ коструб на припéчку, я не подивився.

3.

«Чобóтъ ми ся притоптавъ,
Палець мене болитъ:
Хлопець ми ся сподобавъ,
Самъ до мене ходитъ.

* * *

Чобóтъ ми ся притоптавъ
На мéзинномъ пальцѣ:
Милый ми ся сподобавъ
На весéлью въ танцѣ.

* * *

«Чобóтъ ми ся притоптавъ
Та на правóй носѣ:
Мила ми ся сподобала
На гладкóй дорозѣ.»

4.

(Паул. II, 113.)

«Червоная калинойко, що жь ты надъ водою стоишь?
Молодая дѣвчинойко, що жь ты ся мня боишь?» —
«Ой кобы я не червона, я бъ ту не стояла,
Ой кобы я не молода, я бь ся тя не баяла.
Пока я була малейкою, не знала 'мь нычого,
Я мовила собѣ, же не буду любити никого;
Ой теперь я доросла, на станочку стала,
Не едному гультаёви до серця 'мь припала.
Шкода травки и муравки тому облогови,
Шкода мене молодои тому ворогови;
Шкода мене молодом, шкода мого зросту,
Прійде ми ся утопити зъ высокого мосту.
Ой скочу я зъ мосту въ воду по самую шію,
Ще безъ тебе, гультаёнку, смертейки пожію!»

5.

(Паул. II, 118.)

Пріѣхали три Козаки, а всѣ три одинакѣ,
Пытаются Марысеньки, въ котрóй она хатѣ?
Одинъ стоитъ пóдъ вóконцемъ, другій коня вяже,
Третій стоитъ пóдъ дверима: «Добрый вечеры!» каже.
«Ой вóтвори, мати, хату, най воды напьюся,
Чи хорошу доню маешь, нехай подивлюся!»
«Ой є въ полѣ кирпиченька: йди, воды, напійся!
Ходитъ доня по подвóрью: иди, подивися!»
А вже жь тую кирпиченьку вже Фаля забила,
Ходитъ доня по подвóрью, либонь мати била.

6.

Ой смутный я ходжу,
Та й не засмѣюся,
Туга менѣ на серденьку,
Не розвеселюся.

* * *

Не розвеселитъ мя
Жадная охота,
Що жь маю дѣяти,
Я бѣдный сирота!

* * *

Ахъ мушу ся, мушу,
Три разы журити,
Нихто менѣ не порадитъ,
Якъ на свѣтѣ жити.

* * *

Ой радили люде,
Жаль серденьку буде,
Радила родина,
Несчасна година!

* * *

Ахъ ты, моя мила,
Моя чорнобрива,
Сядь си коло мене,
Порадь же ты мене!

7.

«Купала 'сь мя моя мати,
Въ каламутнôй водѣ,
Дала 'сь мене за нелюба,
Теперь плачьмо обѣ!»

* * *

«Якои 'сь си наносила,
Таку будешь пила,
Якого ти Панъ Богъ судивъ,
Съ такимъ будешь жила.»

* * *

«То 'мь ся воды напосила,
Пити сй не буду,
То 'мь ся дурня налюбила,
Жити съ нимъ не буду.

* * *

Ой розлука, мôй миленькій,
Розлука, розлука,
Твому серцю отраднѣйше,
А мому роспука!»

8.

Якъ же менѣ не ходити,
Якъ мя не блукати,
Кого вѣрне я любила,
Муцу занехати!

Тече вода по камени
Та по бѣленькому;
Подякую за коханье
Свому миленькому.

* * *

Подякую за коханье,
Низенко ся склоню,
Ней не буде серцю жалю
Нѣ его, ни мому.

* * *

Не вѣй, вѣтре, дорогою,
Повѣй по за гумна,
Розвесели мое серце,
Ней не буду сумна!»—

* * *

«Жебы тебе, дѣвчинонько,
Якъ гору надуло,
Доки я тя любивъ вѣрне,
Лѣпше тобѣ було!»

9.

Жебы я того маляра знала,
То бы 'мь милого вóдмалёвала,
Сама не знаю, где малёвати,
Чи у свѣтлонцѣ, где маю спати?
Чи у свѣтлонцѣ, чи на пóдсѣнахъ,
Где маю я съ нимъ розмовляти?
Чи на пóдсѣнахъ, чи на пóддашечку,
Такъ бы 'мь ся дивила, якъ на пташечку;

На пôддашечку, на одвôрочку,
Такъ бы 'мь ся дивила, якъ на зôрочку;
Чи у свѣтлонцѣ по конецъ стола,
Такъ бы 'мь ся дивила, якъ на сокола.

10.

Ой зацвѣла калинонька въ лузѣ:
Ой чось мое серденько въ тузѣ,
А ни попоѣсти, а ни ся напити,
Ни зъ миленькимъ мило говорити
Черезъ тіи вороженьки.

А дѣвчина по воду ходила,
Миленького за ручку водила,
Всѣ ягôдки разомъ позрывала,
Миленького ними годовала,
Все казала, шо: «Мôй будешь.»

Ой горами й красными лугами
Стоитъ красна пшеничка ланами,
Стоитъ пшеничка ланами,
«Будь здорова, дѣвчинонько,
Я ѣду съ панами!»—

«Ой вернися, миленькій, вернися!
Ой е въ мене медъ, вино, напійся!
Лѣпше було не знатися,
Якъ пôзнавши розстатися
Черезъ тіи вороженьки.

Ой е въ полѣ безденна кирниця,
Безденна кирниця, холодна водиця,
Тамъ я зъ неи воды, водицѝ напьюся,
Та й, миленькій, на тя подивлюся,
Та безъ тіи вороженьки.

Ой миленькій, ты, нелюдскій сыну,
Ты казавъ есь: «Я тя не покину!»

А теперь вже мене покидаешь,
И серденьку тугу задаваешь,
Якъ своєму, такъ моєму.»

11.

(Т. I, стр. 246.)

Ой шобы я мала соколовй очи,
Соколовй очи, а орловй крыла,
Гей, а орловй крыла
Я бы полетѣла, куда бы 'мь хотѣла,
Гей, куда бы'мь хотѣла.

Я бы полетѣла, та на мѣсто Збаражъ
Сѣла бы 'мь си въ крайнôмъ дому заразъ,
Гей, въ крайнôмъ дому заразъ;
Ябъ ся подивила, шо мôй милый робитъ,
Гей, шо мôй милый робитъ;

А мôй милый ходитъ, розлучницю водитъ,
Медъ, вино купуе, кармазинъ торгуе,
Гей, кармазинъ торгуе.
«Прошу тебе, милый, на скляночку пива,
Шобы тобѣ була розлучница мила,
Гей, розлучница мила.»

12.

Ой засвѣти, мати, свѣчку,
Поставь по надъ рѣчку,
Най я перейду, най переплыну,
До мылой на всю нôчку!

* * *

Пріймовъ я до сѣній,
До вечеря сѣвъ сивь,
Моя мила, голубонька сива,
Вечерати не сѣла.

Сидитъ конець стола,
Вечеряти не сѣдае,
Дитину колыше, дрóбный листъ пише,
Съ буйнымъ вѣтромъ розмовляє:

* *
*

«Не вѣй, вѣтре, въ нóчи,
Повѣй о пóвночи,
Не сплятъ очи, не сплять, миленького видятъ,
Бо го вѣрне любятъ.

* *
*

Я по саду ходила,
Цвѣтъ-калину ломала,
Калину ломала, до серденькя пхала,
Бо 'мь тяжкій жаль мала.

* *
*

Ой сосновое ушко,
А дубовое денце,
Чомъ не говоришь, чого загнѣвався,
Мое любое серце?

13.

(Т. I, стр. 343.)

«Я несчасный, що маю дѣяти?
Люблю дѣвчину, не могу ю взяти,
Не могу ю взяти, бо зарученая,
Доле жь моя, доле, доле несчасная!»—
«Мене заручили, бо горѣвку пили,
За него не пóду, бо вóнъ ми немилый.»—
«Казавъ бы я ей, щобы мя чекала,
Щобы тамтого зовсѣмъ занехала,
Але не схоче, бо тамтой богатый,
А я, несчасный, що маю дѣяти?
Ходѣмъ, богатый: вмерати треба,
Бо намъ богатства до неба не треба.

14.

(Т. I, 256.)

Ой росплывайтеся, мои пригодоньки,
Такъ якъ листъ по водѣ!
Ой не тѣшьтеся, мои вороженьки,
Та й моей пригодѣ!

* * *

Моя пригодонька, моя пригодонька,
Такъ якъ лѣтня роса:
Якъ вѣтеръ повѣе, а сонце пригрѣе,
Спаде жь вона вся.

* * *

«Ой ты, мой миленькій, голубе сивенькій,
Не по правдѣ жіешь:
Минаешь хатоньку, мои воротенька,
Самъ до иншой идешь.

* * *

До иншои йдучи, до иншои йдучи,
Пѣсьни спѣваешь,
Менѣ молоденькой, голубцѣ сивенькой,
Тугу серцю завдаешь.»—

* * *

«Ой ты, моя мила, голубонько сива,
Обсадися садомъ,
Обсадися садомъ, садомъ виноградомъ,
Бы тя голосъ не зайшовъ!»—

* * *

«Вже я садъ садила, виномъ подливала,
Та не вродивъ же вонъ:
Кого я любила, того я хибила,
Не судивъ менѣ Богъ.

Саду 'мь не садила, а ни подливала,
Самъ ся мой садъ принявъ:
Кого 'мь не любила, изъ роду не знала,
Самъ же вонъ ся прислявъ.»

15.

Плыве човенъ, воды повенъ,
Плыве и веселце:
Чи такъ мене вѣрне любишь,
Якъ я тебе, серце?

* * *

Плыве човенъ, воды повенъ,
Кобы не схибнувся:
Ой поѣхавъ мой миленькій,
Кобы повернувся!

* * *

Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ,
Та й жалобно краче:
Де жь тамъ моя дѣвчинонька
Вже за мною плаче!

* * *

«Не плачь, не плачь, моя мила,
Забудь тую тугу,
Ты сгубила, а я найшовъ,
Девять за одную.

* * *

Одна зваритъ, друга спече,
Третья мила змыс,
А четверта хусты пере,
А пята обшіе.

У шестом обѣдаю,
Въ семом танцюю,
Восьму люблю и кохаю,
Съ девятовъ жартую.»

16

(Шаул. II, 120.)

На що мене зачипаешь,
Коли иншу милу маешь?
Я нигды не зачипаю,
Коли кого не кохаю.
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любить.

* * *

Ты ся менѣ выклинаешь,
Що жаднои не кохаешь;
А ты иншу любку маешь,
На що жь мене зачипаешь?
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* * *

Сусѣда менѣ казала,
Що водъ тебе перстень мала;
Коли зъ нею перестаешь,
На що жь мене зачипаешь?
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* * *

Люди менѣ говорили,
Що вы съ собовъ свѣтъ сходили;
Коли въ неё пробуваешь,

На що мене зачипаешь?
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* * *

Перестань мене зводити,
Я не хочу съ такимъ жити,
Що иншую милу мае,
Зо мною ся зачипае.
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* * *

Пошукай ты такой собѣ,
Щобъ подобна була тобѣ,
Щобы тобѣ присягала,
А инному руку дала.
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

* * *

Шукай ты собѣ другую,
Я не могу бути твоёю;
Коли ты инну кохаешь,
На що жь мене зачипаешь,
Я не хочу такъ, якъ ты,
Десять разомъ любити.

17.

(Паул. II, 134.)

По конецъ гребли,
Тамъ стоятъ вербы,
Що я ихъ насадила:

Ой десь мôй милый,
Та й чорнобрôвый,
Що я го любила!

* * *

По конецъ греблѝ,
Тамъ стоятъ вербы,
Що я ихъ пôдливала:
Ой десь мôй милый,
Та й чорнобрôвый,
Що я го кохала!

* * *

Я жь то мовила,
Молодененька,
Що то соненько сходитъ:
А то мôй милый,
Мôй чорнобрôвый,
По городеньку ходитъ.

* * *

Я жь то мовила,
Молодененька,
Що то соколъ лѣтае:
А то мôй милый,
Та й чорнобрôвый,
На сивôмъ конѣ грае.

* * *

Перестань, милый,
Ты, чорнобрôвый,
На сивôмъ конѣ грати:
Прошу жь тя, милый,
Ты, чорнобрôвый,
Вечеру вечерати!» —

«Вечерай, мила,
Ты, чорнобрóва,
Та вечерай здорова!
Мене молодому,
Та й чорнобровому,
Вже выпала дорога.»—

* *
*

«Тобѣ дорога,
Тобѣ дорога,
Менѣ гостинецъ битый:
Перестаньмо ся,
Ой мóй миленькій,
Мое серце, любити!» —

* *
*

«Не перестану,
Не перестану,
Пока тя не дóстану:
Румяне личко,
Румяне личко,
И хорошого стану!»

18.

(Паул. II, 130.)

Нема жь мого миленького, нема жь мого пана,
Не маю съ кѣмъ говорити зъ вечора до рана.
Нема жь мого миленького, нема жь, кого люблю,
Нема кому поправити на головѣ рубка.
Нема жь мого миленького, нема моей клѣтки,
А я ходжу, вызираю, чи не иде зъвóтки.
Нема мого миленького, нема закоханья,
А я ходжу, вызираю, вóдъ самого раня.
Ой выйду я на гороньку, тяженько заплачу:
«Прійди, прійди, мóй миленькій, най тя хоть обачу!»

19.

Ой на горѣ березу вода по̂дливае,
А зъ по̂дъ тои березы дѣвка воду брала,
На Козака молодого очками моргала:
«Ты, Козаче молодый, ты хорошій, вродливый,
Чому жь мене не любишь, чомъ до мене не ходишь?» —
«Я до тобе бувъ прійшовъ, заплакавши та й по̂шовъ;
Воротонька скрипливѝ и собаки брехливѝ.» —
«Я воротамъ догоджу, фаску масла по̂дко̂чу,
А собакамъ догоджу, бухонь хлѣба испечу!»

20.

(Паул. II, 124.)

На що жь менѣ ручку даешь, коли мя кидаешь?
Счаслива тѝ дороженька, где ты гадку маешь!
Счастлива тѝ дороженька до самого Львова,
«Во̂длетѣла зъ по̂дъ коника золота по̂дкова.» —
«Не жӓль менѣ по̂дковоньки, що ся загуби́ла,
Ино ми жӓль дѣвчиноньки, що ся зажурила;
Не жӓль менѣ по̂дковоньки, що за червоного,
Ино ми жӓль дѣвчиноньки, личка румяного!»

(Изъ Коломійскаго Уѣзда.)

21.

Ой на горѣ на Самборѣ
Крутый камѣнь меле:
Пытается Козакъ дѣвки,
«Цы по̂дешь за мене?» —

* * *

«Ой не по̂ду, Козаченьку,
Зъ далекого краю,
Будешь бити, зневажӓти,
Родины не маю.» —

«Ой маю я родиноньку
До самого Львова,
Сгубилася у коника
Золота подкова.

* * *

Ой не жаль ми подковочки,
Що ся загубила,
Лишень ми жаль дѣвчиноньки,
Що ся зажурила.

* * *

«Не журися, дѣвчинонько,
Въ тугу не вдавайся,
За чотыре недѣлоньки
Мене сподѣвайся!

* * *

Якъ не буду икъ Пречистой,
Пріѣду къ Николѣ,
Якъ не буду объ Николѣ,
Не буду николи!»

(Изъ Коломійскаго Уѣзда.)

22.

(Т. II, 430.)

Журилися вороженьки и заздросни люде,
Що на моей головонцѣ вѣночка не буде.
«Не журѣтся, вороженьки, и вы, добри люде,
Бо на моей головонцѣ два вѣночки буде.
Не журѣтся, вороженьки, що дѣвкою ходжу,
Бо я своею косою плота не городжу;
Плота не городжу, ни жадного колья,
Нехай росте коса до пояса, якъ въ городѣ зѣлья.»

Якъ на мою русу косу вѣночокъ поклали,
Вороги ся здивовали, якъ каменемъ стали.
«Бодай же вы, вороженьки, хирѣли, болѣли,
Що вы менѣ, молоденькôй, вѣнка завидѣли!»

23.

Журилися вороги, що я въ косѣ хожу,
А я своевъ косовъ плота не горожу;
А нй плота, ни города, ни жадного кôлья,
Рости коса до пояса, якъ въ городѣ зёлья.
Рости коса до пояса, стелися по шеѣ,
Не знаешь ты, моя мати, съ кѣмъ я вѣрне жію.

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

24.

(Паул. II, 132.)

«Сивый коню, сивый коню, сива тобѣ грива,
Скажи менѣ, сивый коню, где моя есть мила?» —
«Скажу я тй, Козаченьку: ой тамъ, за горою,
Потирае очи чорнй хусточкôвъ бѣлою:
«Менѣ нôчка темненькая спочинку не дае,
А зъ вечера ажь до рана слезми заливае;
Выйду рано вздыхаючи, говорю зъ росою:
«Прибудь, прибудь, бо сву душу пôшлю за тобою!»

25.

(Паул. II, 113.)

Ôй выйду я за ворота, покину дружину,
А хто жь мене та пригорне, бѣдну сиротину?
Выйду я за ворота, та стану думати,
Осѣдлаю воронъ коня, пôду въ степь гуляти.
Гуляю, гуляю, ни чо не вѣдаю,

Летитъ орелъ зъ чужихъ сторонъ, я го ся пытаю:
«Ой ты орле, ой ты орле, высоко летаешь,
Ты высоко та й глядаешь, далеко вѣдаешь;
Ой чи не бувъ же ты, орле, да у тій сторонѣ,
Чи не плачетъ, чи не тужитъ, мила по менѣ?» —
«Тужитъ она, тужитъ, на лóженьку лежитъ,
А правовъ ся рученьковъ за серденько держитъ.»

26.

(Паул. II, 134.)

Стоятъ вербы по надъ греблю, що 'мъ ихъ пóдливала:
Нема жь мого миленького, що 'мь его кохала!
Нема жь мого миленького, та й хутко не буде,
Хиба я му ся поклоню черезъ добрí люде:
«Пріѣдь, серце, пріѣдь, любку, склóнися до мене!
Якъ не будешь, житья мое пóшлю за тобою!»

27.

(Паул. II, 133.)

По садочку я ходила,
И ходячи говорила,
И ходячи говорила:
«Нема того, що 'мь любила!»

* * *

«Ой ты, орле чорнокрылый,
Занеси мя, де мóй милый!
Дамъ я тобѣ серця свого,
Занеси мя до милого!»

28.

(Паул. II. 140.)

А якъ собѣ нагадаю,
Якъ мы ся любили,
Не разъ ми ся долóвъ личкомъ
Слёзы покотили.

* * *

Ой Боже мóй милосердный!
Що я завинила?
Чому 'сь мене съ тымъ розлучивъ,
Котрого 'мь любила?

* * *

Ой розлучивъ же 'сь ты мене
Съ тымъ, кого 'мь любила:
Пóдутъ лѣта марне зъ свѣта,
Все буду тужила.

* * *

Бѣжутъ лѣта, бѣжутъ лѣта,
И все ся минає,
Лише моя щира душа
Вѣрне ся кохає.

* * *

Ой кохає, та й кохає,
Та й кохати буде,
Поки лише моє серце
Въ менѣ бити буде.

* * *

Поки очи свѣтло бачутъ,
Душа жіє въ тѣлѣ,
Все ты менѣ будешь любый,
Все ты менѣ милый.

А якъ ми ся очи замкнутъ,
Серце лёдомъ станетъ,
Тогды милость въ гробѣ зложатъ,
Каменемъ привалятъ.

29.

(Паул. II, 120.)

Гей, бѣда жь менѣ бѣдному,
Жити въ свѣтѣ самому!
Та треба пары шукати,
Щобы лиха не знати.
Та знайшовъ я одную,
До серденька милую,
Та була 'сь ми прекрасна,
Доле жь моя несчасна!
Та теперь же 'сь ми погана,
Доле моя кохана!

30.

(Паул. II, 127.)

Ой коло млына
Шумитъ дубина:
Де жь моя дѣвчина,
Що ма любила?
Не такъ любила,
Якъ ще шановала:
Вывела коника,
Ще й осѣдлала;
Вывела коника,
Воронёнького,
Подъ Козаченька
Молоденького.

31.

(Паул. II, 110.)

«За моими воротами зеленое жито:
Та вже жь мене черезъ тебе не разъ, не два, бито.» —
«За моими воротами зелена пшениця:
Кого люблю, а не возьму, не буду жениться.» —
«Ой часъ, мати, жито жати, колосъ похилився:
Ой часъ, мати, замужъ дати, голосъ измѣнився;
Измѣнився голосочокъ и тихая мова,
Изъ тобою, пройдисвѣте, до пôвночи стоя!
И стояла 'мь, и ходила 'мь, и ходити буду,
И любила 'мь Козаченька, и любити буду.»

32.

(Паул. II, 111.)

Кобы я була знала,
Що за не любомъ лихо,
Була жь бы 'мь сидѣла, косочки чесала,
При матусенцѣ тихо!

* * *

А я була молоденька,
Та й дала 'мь серцю волю,
Бѣленькее тѣло и чорненькіи очи
Нелюбови въ неволю.

* * *

А канчукъ на клинку
Не стае вакувати,
А вже бѣле тѣло и чорныи очи
Не пôзнае мати!

33.

(Паул. II, 81.)

«Ой коню мій, коню вороненькій,
Ой чого ты стоишь на стайні смутненькій?» —
«Того я смутненькій, що ты молоденькій,
Що ты рано встаешь, мене наповаешь,
Мене наповаешь, возьмешь, осідлаешь,
Куды погадаешь, тулы поганяешь,
Нигде того шинку, корчмы, не минаешь,
Мене, вороного, къ стовпу припинаешь:
Я сырую землю и по поясъ выбью,
Доки тебе, пане, зъ того шинку вызву.
Ой дай менѣ сѣна по самі колѣна,
Ой дай менѣ воды по самі поводы,
Ой дай менѣ мочи по каріи очи,
Тогды гуляй, пане, до самой пóвночи!»

34.

«Горе жь менѣ, горе,
Бѣдненькóй на свѣтѣ,
Все гадаю, все думаю,
Що чинити маю

* * *

Ой була я въ счастью,
Була и въ роскоши,
Знали мене люде,
Якъ я мала гроши.

* * *

Теперь мя не знаютъ,
Теперь забуваютъ,
Навѣть мене у несчастью
А ни одвѣжаютъ.

Дѣти жь мои, дѣти,
Дѣти дрóбненькіи!
На що жь те ся породили,
Такѝ несчасныи?» —

* *
*

«Жѐнко моя, жѐнко,
Охъ, жѐнко милая!
Зъ волѝ Бога найвыстого,
То ты несчасная!»

35.

Доки сиротѣ пшениця родила,
То доты сироту родина любила;
А якъ же сиротѣ кукóль уродився,
Тогды вóдъ сироты весь рóдъ вóткотився.
Ой Боже мóй, Боже, Боже мóй единый!
Чому ми такъ не дашь, якъ мосѝ родинѣ?
У моей родины пшениця ланами,
У мене, сироты, стоитъ облогами;
У моей родины стоги, обороги,
У мене, сироты, тóлько чорны брови.
Выйду за ворота, стану та думаю,
Кажутъ сусѣдоньки, що я то гуляю.
Бо сирота робитъ вóдъ ночи до ночи.
Все люде говорятъ: «Робити не хоче!»
Бо сирота робитъ, то усе нѝ за що,
Все люде говорятъ: «Сирота лядащо!»
Не разъ вона не ѣсть, а ни досыпляе,
Лишь ся сиротонька слѐзами вмываe.

36.

(Паул. II, 141.)

Зашумѣли луги, забринѣли рѣки:
Умеръ тато, мама, сирота 'мь на вѣки!
Выйду я за ворота, та ii ся задумаю:
Люде орютъ, сѣютъ, я нй чо не маю.
Ой роблю я, роблю, робота нй за що,
А ще менѣ кажутъ: «Робота ледащо!»
Оii роблю я, роблю, ажь мня ручки болятъ,
Якъ прiйду до хаты, до мня не говорятъ.
«Розступися земля, най пôду пôдъ тебе,
Най тогды пôзнаютъ, що то зле безъ мене!»

37.

(Паул. II, 141.)

Я сирота блукаюся, не маю родины,
Бѣдна жь моя головонька менѣ на чужинѣ!
Волѣвъ бы 'мь ся не родити, та й того не знати,
Якъ мя тяжко въ несчастію породила матй.
Пôшовъ бы я, несчасливый, пôдъ свои ворота,
Мушу гôрко заплакати я, бѣдный сирота!
Олень лѣсный, бѣгунъ быстрый, людей не боится,
На чужинѣ, хотя мудрый, завше хоронится.
Летѣвъ орелъ по надъ море, пêренько ронивши:
А хто жь тебе приголубитъ, сирото наймильшiй?
Ой якъ тяжко тому пêрью на морѣ плывати,
Єще тяжше на чужинѣ менѣ привыкати.
Бодай тая чужинонька вѣкъ здорова була,
А що мене, сиротоньку, къ собѣ пригорнула!
Ой сироты, сиротоньки, коли жь вамъ гаразд буде?
Що васъ кровнй ненавидятъ, êще судятъ люде!

38.

Горе жь менѣ, горе,
Бѣдному на свѣтѣ,
Самъ не знаю, не вѣдаю,
Якъ на свѣти жити!

* * *

Бувъ я колись въ счастью,
Бувъ я и въ роскошѣ,
Любили мя въ той часъ люде,
Коли були гроши.

* * *

А теперь мя не знаютъ,
А ни прибуваютъ,
Теперь мене у нещастью
Рѣдко посѣщаютъ.

* * *

«Жѐнко моя, жѐнко,
Жѐнко молодая,
Чи то воля Пана Бога,
Що ты нещасная!

* * *

Дѣти мои, дѣти,
Дѣти дрóбненькіи,
На що жь вы ся породили
Такѝ нещасныи!»

39.

Ой на горѣ на высокóй
Тройзѣлъ постелився:
Зъ Украины до дѣвчины
Козакъ поклонився.

* * *

Поклонився Козаченько
Съ коня вороного:
«Пригадай си, дѣвчинонько,
Мене молодого!»

* * *

А въ недѣлю рано, рано,
Дѣвча ся вмывала,
И русою си косою
Личенько втирала.

* * *

Утирала бѣле личко,
Утирала брови:
«Нема мого миленького,
Нема и размовы!»—

* * *

«Не плачь, люба, не плачь, мила,
Не плачь, чорнй очи!
Ой маю я розмовоньку
Ажь до пóзной ночи.

* * *

Ой маю я розмовоньку,
Ой маю я милу, —
Высыпали надо мною
Высоку могилу!»

40.

Ой зацвѣла гордовина, та й гай зелененькій:
Выѣзжае зъ Украины Козакъ молоденькій;
Выѣзжае, выѣзжае, съ коня похилився:
«Будь здорова, громадонько! съ никѣмъ не сварився.»
За нимъ, за нимъ, дѣвчинонька, отецькая дочка,
На ней шматье сычащое, сама якъ лялёчка:
«Эй, вернися, вражій сыну: жаль ми за тобою!» —
«Не вернуся, песька донько: згордѣла ты мною.
Буде твоя гордовина ще передъ тобою,
Буде твоя коса руса менѣ пôдъ ногою!»

41.

Добре тому, добре,
Кто коханья не знае,
Бо то коханье
Смерти ся рôвнае.

* * *

Эй, куда иду,
Эй, чи що роблю,
Все о коханю,
Думаю, гадаю,

* * *

Выпрягай, хлопче,
Коника вороного,
Нехай я поѣду,
До личка румяного!

* * *

Выпрягай, хлопче,
Самъ сѣдай обѣдати!
Бо я поѣду
Коханье одвѣдати.

Ѣду жь бо я, ѣду,
Зелеными корчами,
Гей, бо я ся зобачу
Съ чорными очами.

* *
*

Пріѣзжаю жь бо я
Въ новыи ворота:
«Выйди жь ты, выйди,
Дѣвчино молода!»

* *
*

Ой вышла дѣвчина,
Зачала пытати:
«Где жь ты ся ту взявъ?
Пошовъ есь орати.

* * *
*

Не подоба твоя,
Неподобныи рѣчи,
Выкладати коня
До коханя бѣчи!»

42.

«Пріѣдь, милый: вже день бѣлый,
Вже взяло свѣтати!
Охъ якъ тяжко, охъ якъ нудно,
Що тя не видати!

* *
*

А я тебе полюбила,
Ты любишь иншую,
Бодай же 'сь такъ туживъ за нёвъ,
Якъ я за тобою!

А я тебе полубила,
На недолю свою,
А ты мене позбавляешь
Любого спокою.

* * *

Або нехай одъѣзджаю
Въ далекй стороны,
Або нехай ми задздвонятъ
Въ голосныи звоны!

* * *

А якъ стану передъ Богомъ
На тебе плакати,
Що я зъ твоєй причиноньки
Мушу умерати,

* * *

Ты якъ станешь на тѣмъ мѣсци,
Где моя могила,
Поглядай же, подумай же,
Якъ я тя любила!»

43.

Дубина зелена,
Въ три ряды саджена,
Въ три ряды саджена,
Въ чотыре зроджена.

* * *

Якъ емь нею ишовъ,
Високъ ми ся пѣссалъ,
Теперь нею иду,
Бородоньковъ трясу.

Теперь нею иду,
Бороденьковъ трясу:
«Бороденько сива,
Доле несчастива!»

II.

«Доле жь моя, доле!
Где жь ты тогда была,
Якъ мене матёнка
На сей свѣтъ родила?» —

* * *

«Ахъ была жь я, была,
У сѣнехъ за дверьми,
Я ишла до хаты
В'ни хату заперли.» —

* * *

«Ненько моя, ненько!
Мала 'сь мя едину,
Дала 'сь мене, ненько,
На вѣки въ квилину.

* * *

Дала 'сь мене, ненько,
На вѣки въ квилину,
Не зобачишь мене
Николи веселу.

* * *

Веселости моя!
Где жь ты ся подѣла?
На горѣ каменья,
На бѣло зацвѣла.

До полудня цвѣла,
Зъ полудня завяла,
Вже жь моя веселость
На вѣки пропала!»

44.

Гриць мене, мамуненько,
Гриць мене любитъ,
Гриць менѣ, мамуненько,
Черевички купитъ.

* *
*

Червоненьки при недѣлѣ,
Чорненьки у буддень,
Ишовъ дурень коло мене,
Не сказавъ: «Добры день!»

* *
*

Не вôнъ дурень, не вôнъ дурень,
Тôлько его мати,
Не навчила, якъ где кому
«Добры день!» казати.

45.

«Якъ же жь мене, серце любишь,
Не кажи жь никому:
Наши люди порозносятъ,
Якъ вѣтеръ солому.» —

* *
*

«Сѣно мое, сѣно мое,
Солома дрôбненька:
Не журися, мôй миленькій,
Я ще молоденька!»

46.

Ой зацвѣла калинонька
Противъ ясного сонця:
Тужитъ мила, тужитъ мила,
На краю вóконця.

* * *

«Ой чого жь ты, моя мила,
Такъ въ тугу впадаешь?»—
«Здаетъ ми ся, мóй миленькій,
Шо ты мя кидаешь.

* * *

Где жь ты ѣдешь, мóй миленькій?
Возьми мя съ собою!
Будешь мати, будешь мати,
Пораду зо мною.» —

* * *

«Подивися, моя мила,
Коникъ не великій:
Не довезе, не донесе,
Твоихъ черевикóвъ.»

47.

Ой дай же, Боже, зъ вечера погодоньку!
Возму я кóнвы, та й пóду по водоньку.
Ой вдару жь бо я кóнвами до порогу,
А сама стану, съ миленькимъ поговорю.
Ой не довго я на розмовѣ стояла,
Ой вже я, дѣвчина, въ неславоньку впала.
Ой чиста жь бо я вóдъ неславоньки, чиста,
Якъ тота вода зъ пóдъ кленового листа.
«Не стóй, богачу, та за моими вороты,
Не смѣйся, не кпися, зъ бѣдной сироты!
Хоть я сирота, є у мене цнота,
Въ мене вѣночокъ зо щиренького злота.»

48.

Ой выйду я въ чисте поле,
Тамъ вôвця пасеся,
А за мною бытымъ слѣдомъ
Лиха доля волочеся.

* * *

Нехай она волочеся,
Нехай марне сгине,
Нехай мене, молодую,
Хоть на рôкъ покине!

* * *

Ой ѣла я калиноньку,
Та покапалася:
Ой мала жь я дурный розумъ,
Замужь квапилася.

* * *

Не сúловавъ мене отець,
Ни рôдная мати:
Сама 'мь бѣду полюбила,
Нѣ на кого нарêкати.

* * *

Ой пôду я по надъ море,
А тамъ море грае:
Рада бы 'мь ся утопити,
Море не пускае.

* * *

Ой пôду я по другій разъ,
Море стоитъ тихо:
Рада бы 'мь ся утопити,
Буде душѣ лихо!

49.

Ой гаю мôй зеленeнькій,
Ой гаю мôй, гаю,
Якъ ся менѣ не розвинешь,
То тя порубаю!

* *
*

Ой я собѣ молоденькій,
Гуляю, гуляю,
А на мене рóзги рѣжутъ,
Въ зелененькóмъ гаю.

* *
*

Нарѣзали рóзокъ въ гаю,
Въ лугу намочили,
Тако й мене, молодого,
Робити навчили.

50.

Кобъ ты знавъ, кобъ ты знавъ,
Мене молодую,
Мене мати годовала,
Якъ сиву зазулю,

* *
*

Годовала, цюловала,
Въ папéръ завивала,
Богатому рихтовала,
За бѣдного дала.

* *
*

Богатому рихтовала,
За бѣдного дала,
Сивй волы обѣцяла,
Коровину дала!

51.

«Коли 'сь знавъ, на що 'сь бравъ? Я не вмѣю жати,
Буде твоя пшениченька въ полю зимовати.» —
.«Богдай бы ты, дѣвчинонько, того не дождала,
Щобы моя пшениченька въ полѣ зимовала!» —
«А ты 'сь знавъ, на що 'сь бравъ таку невеличку?
Мене мати годовала якъ перепеличку;
Мене мати годовала, въ папêрь завивала,
За богача обѣцяла, а за драба дала!»

52.

Темна нôчка осѣдае,
Спати хочеся,
Чогось моя головонька,
Могорочися.

* * *

«Позволь, позволь, стара мати,
Оженитися,
Перестане головонька
Могорочитися!» —

* * *

«Оженися, мôй сынонъку,
До своей волй.
Не бери си удовоньки
Молоденькои!

* * *

Бо вдовонька — не дѣвонька,
Не дѣвочий станъ.
Якъ застелить бѣлу постель,
Ажъ заплачешь самъ.

«Постѣль моя, тонка, бѣла,
Та й бѣлесѣнькая!
Съ кѣмъ я буду нѣчку спати,
Молодесенькая?

* * *

Чи зъ росою, чи съ красою,
А Чи съ росонькою,
Чи съ тымъ молодъ Козаченькомъ,
Що вѣнъ съ красонькою!»

53.

(Т. I, стр. 239.)

Горе жь менѣ, горе,
Несчаслива доле!
Засѣяла бѣдна вдова
Мысленьками поле;

* * *

Чорными очима
Та й заволочила,
А дрѣбными слозоньками
Все поле зросила!

* * *

Плыне качуръ, плыне,
По тихѣмъ Дунаю:
Що жь по моей молодости?
Я счастья не маю!

* * *

«Доле жь моя, доле!
Где жь ты ся подѣла?
Чи ты въ Дунай утонула,
Чи 'сь въ огнѣ сгорѣла?

Якъ же 'сь утонула,
Приплынь къ береженьку!
А якъ есь въ огнѣ сгорѣла,
Жалъ мому серденьку!»

54.

(Т. II, 203.)

«Було не копати пôдъ порогомъ ямы:
Було мя не брати вôдъ рôднои мамы.
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!

* * *

Було не рубати зелену лѣщину,
Було мя не брати, молоду дѣвчину.
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!

* * *

Було не рубати зеленого дуба,
Було мя не брати, коли 'мь ти не люба.
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!

* * *

Не рубай зелене, най ся зеленѣе,
Не бери дѣвчины, най ся зостарѣе!
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!» —

* * *

«Єще я не рубавъ, вже трêски падаютъ,
Єще я не сватавъ, вже вôлповѣдаютъ.
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мôй бѣленькій свѣтъ!»

«До домъ, милый, до домъ, до домъ, до роботы,
Якъ мя хочешь взяти, чекай до Суботы!
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ,
Завязала 'сь менѣ мой бѣленькій свѣтъ!»

55.

(T. I, 259.)

Трудна менѣ чужина,
Стае рокомъ година,
Якъ въ день, такъ въ ночи,
Стоитъ милый предъ очи.

* * *

Що лягаю и встаю,
Все о милôмъ гадаю:
Черезъ рѣчку стеженька,
Нема мого серденька.

* * *

Ой поѣхавъ въ чужій край,
Казавъ: Мила, вспоминай!»
А я его вспомяну
По сёмь разы въ годину:

* * *

«Повѣй, повѣй, вѣтроньку,
Черезъ сѣни въ Литвоньку,
Занеси вѣсть милому,
Що я тужу по нёму!»

* * *

Не тамъ счастье и доля,
Где нараютъ люде,
Мы ся любимъ по щирости,
То намъ гараздъ буде.

А хоть бы 'мь пôймала,
То вже не такого:
Бо вôнъ не пристане
До серденька мого.»

59.

(Т. I, 353.)

«Бувай же здорова, ты дѣвчино моя!
Не забувай ты о менѣ, если ласка твоя!
Я въ дорогу выѣжджаю,
На серденьку тугу маю,
Тугу не малую,
Тебе молодую.» —

* * *

«Будешь, милый, будешь, тяжко жаловати,
Якъ мя схоче отець, мати, за иншого дати.» —
«Не боронитъ отець мати,
Пару недѣль зачекати,
Съ дороги вернуся,
Съ тобовъ оженюся.»

* * *

Ѣде Козакъ, ѣде, та ставъ попасати,
Взяли Козакови люде повѣдати:
«Вже дѣвчина заручена,
На серденьку засмучена,
А ты у дорозѣ,
Забувъ о небозѣ!»

* * *

«А хоть она заручена, заручена,
А ще не случена, а ще не случена,
Заручена, не случена,
На серденьку засмучена,

Тако й моя буде,
Тако й и моя буде.

* *
*

«Дѣвчино, дѣвчино, зъѣла бы ты вѣтра!
Я не сподѣвався, що ты така хитра;
Тогды мене ты кохала,
Коли 'сь мои дары брала,
Теперь не говоришь,
Бо 'сь вже подмовлена.» —

* *
*

«Забѣрай си тіи дары, тіи дары,
Занеси ихъ инчій въ дарѣ, инчій въ дарѣ,
А я въ дарахъ не ходила,
Та и ходити не буду,
Тебе не любила,
И любить и не буду.»

60.

Ой летѣли дикій гуси
Черезъ темны лѣсы,
Ой летѣли, гоготѣли,
Правды менѣ не повѣли,
Що ми за родина,
Въ батенька дитина.
Якъ батенько умре,
Гостина минеся,
Матѣнька схитнеся.
А поду я до брата,
То не моя хата;
Братъ сестру витае,
А братова стиха лае:
Щобы не бувати,
Съ часта не пивати.

61.

(Т. I. 265.)

Волы мои половенькій, не ѣздити вами!
Лѣта жь мои молоденькій, жаль менѣ за вами!
Запряжу я воронь коня святой недѣли,
Заверну я лѣта мои хоть на три недѣли.
«Чоловѣче, чоловѣче, дурный розумъ маешь,
Чому же ты за лѣтами коня проганяешь?
Конь ся поступитъ, головоньку зломитъ,
А тыхъ лѣтъ молоденькихъ уже не здогонитъ.»
Здогонивъ я лѣта мои на кленовóмъ мостѣ:
«Вернѣтеся, лѣта мои! Пріймy васъ за гостѣ.» —
«Не вернемся мы до тебе, бо не маемъ чого,
Не шановавъ есь ты насъ и здоровья свого.»

62.

(Т. I, 273; II, 575.)

Ой по горѣ, по долинѣ, голубы лѣтаютъ:
Я роскоши не зазнала, лѣта ся минаютъ;
Я роскоши не зазнала, и знати не буду:
«По чѣмъ же васъ, лѣта мои, памятати буду?»

* * *

Ой маю я штыри кони, а всѣ вороніи,
Поѣду я доганяти лѣта молодіи;
Догнала я лѣта свои на кленовóмъ мостѣ:
«Ой вернѣтся, лѣта мои, хоть до мене въ гости!»

* * *

«Не вернемся, не вернемся, а знаешь для чого?
Не вмѣла 'сь насъ шановати, ни здоровья свого.» —
«Я ни въѣла, я ни впила, ни хороше ходила,
Тóлько моей роскошеньки, що 'мь ся наробила!»

63.

Рыбка чечуга
Плывае до воли,
А я бѣдный, несчасливый,
Та не маю доли!

* * *

Кажда пташина,
Що въ полю лѣтае,
С счаслива, бо милого
И притулокъ мае.

* * *

Лить я несчасный,
Куды повернуся:
Ни родины, ни дружины!
Де жь я подѣнуся?

64.

Я сирота, въ сиротонцѣ,
Въ сиротѣ кохався,
Вона менѣ отказала,
Я не сподѣвався.

* * *

Вона менѣ отказала,
Щобы въ ней не бути,
Дайте менѣ таке зѣлье,
Щобы ей забути!

* * *

•А я маю таке зѣлье,
Близко перелазу,
Якъ я его накопаю,
Забудешь вôдъ разу.» —

«Буду пити, буду пити,
И крапли не вроню,
Тогды я тебе забуду,
Якъ очи заслоню!»

65.

(Т. I, 284; Паул. II, 116.)

«Добрый вечёръ, дѣвчинонько!
Прійми мене на нôчь,
А я тобѣ що вечора
Вôддамъ на добра нôчъ!»—

* * *

«Бôгъ ме, бы 'мь тебе пріймила,
Але лихо баду;
Бо вже въ своей матêноньки
Певне ласку страчу.

* * *

Пусти коня на отаву,
Самъ ходи до хаты,
Будемо мы говорити,
Щобъ не чула мати.

* * *

Пусти коня на отаву,
Та въ желѣзнôмъ путѣ,
Прошу тебе, най не ходитъ
По зеленой рутѣ.

* * *

Бо на рутѣ жовтый цвѣточъ,
Сама зеленемька,
Прошу тебе, не зрадь мене,
Бо я молоденька!

Ты не вѣтерь буйный въ полю,
А я не былина,
Є у тебе отець, мати,
Въ мене є родина.»

66.

(Паул. II, 119.)

А на горѣ калина,
А на горѣ, серденько, калина,
Пôдъ горою малина,
Пôдъ горою, серденько, малина.

* * *

Тамъ дѣвчина стояла,
Тамъ дѣвчина, серденько, стояла,
На Козачка волала,
На Козачка, серденько, волала:

* * *

«Ты, Козаче молодый,
Ты Козаче, серденько, молодый!
Возьми мене съ собою,
Возьми мене, серденько, съ собою!

* * *

Я тѝ коня напою,
Я тѝ коня, серденько, напою,
Травы, сѣна, заложу,
Травы, сѣна, серденько, заложу,

* * *

И ложенько выстелю,
И ложенько, серденько, выстелю,
И сама ся положу,
И сама ся, серденько, положу.»

67.

(Паул. II, 121.)

Не далеко млына
Червона калина,
А за нею ходитъ молода дѣвчина.
Долю заклинае,
Слезы обтирае:

* * *

«Ой я несчасная!
Избавь, доле моя!
Бо я вже вызнала за того шахрая:
Вôнъ мене уводитъ,
До иншои ходитъ.

* * *

Вôнъ мене называвъ,
Якъ у мене бувавъ:
«Краснѣйша 'сь надъ рожу!» Тôлько похлѣбовавъ;
Теперь покинувъ,
Бодай марне згинувъ!

* * *

Що ми есть вже зъ того,
Же маю другого;
Не хочу любити; бо знайду лѣпшого
Будемъ съ собовъ жити,
Вѣрне ся любити.»

68.

(Паул. II, 116.)

За Дунаемъ бѣлый цвѣтъ:
«Доли, дѣвка, пойдемъ въ свѣтъ.

Бѣлй цвѣты опадаютъ,
Мои лѣта пропадаютъ.
«Ты, дѣвчино, бѣду творишь,
Чомъ до мене не говоришь?» —
«Не говорю, и не буду,
Шкода, серце, твого труду!
Якъ я маю говорити,
Коли мати хоче бити,
Не такъ бити, якъ лаяти,
Абы съ тобовъ не стояти?
Ой якъ пôде ненька спати,
Тогды будемъ розмовляти,
Не годину, но чотыре,
Щобы 'сьмо ся натѣшили.
Ой якъ будутъ куры пѣти,
Тогды будемъ спати ити,
Абы ненька не пôзнала,
Та що я ся не выспала.» —
«Ой ты, ненько, ой ты ненько,
Болитъ мене серденько,
Болитъ мене и душа,
Где дѣвчина хороша!»

69.

(Т. II, 589; Паул. II, 75.)

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Ой склоню я головоньку,
На мамину постêлоньку,
Чей же я засну!

* * *

Матенька иде,
Якъ вода плыне:
«Стиха, стиха, челядонько!
Нехай засне дитятонько,
Не выспалося!»

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Ой склоню я головоньку,
На татову постѣлоньку,
Чей же я засну!

* * *

Татѣнько иде,
Якъ вода плыне:
»Стиха, стиха, челядонько!
Нехай засне дитятонько,
Не выспалося!

* * *

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Ой склоню я головоньку,
На свекрову постѣлонку,
Чей же я засну!

* * *

А свекоръ иде,
Якъ вѣтеръ гуде:
«Сонливая, дрѣмливая,
До роботы лѣнивая
Невѣста моя!»

* * *

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Положу я головоньку,
На свѣстину постѣлоньку,
Чей же я засну!

* * *

Свѣстонька иде,
Якъ вѣтеръ гуде:

«Сонливая, дрёмливая,
До роботы лѣнивая,
Братова моя!»

* * *

Ой прійду, сокочу:
«Я спати хочу!»
Положу я головоньку,
На мужову постѣлоньку,
Чей же я, засну!

* * *

А мой мужъ иде,
Якъ вода плыне:
«Тихо, тихо, челядонько!
Нехай засне дитятонько,
Не выспалося!»

70.

(Паул. II, 67.)

Казала мати
Куры скликати:
«Цюръ, цюръ, куроньки!
Цюръ, цюръ, любоньки!
Ходѣть до хаты!»
Казала мати.

* * *

Казала мати
Гуси скликати:
«Гусь, гусь, гусоньки!
Гусь, гусь, любоньки!
Ходѣть до хаты!»
Казала мати.

Казала мати,
Качки скликати:
«Тась, тась, качоньки!
Тась, тась, любоньки!
Ходѣть до хаты!»
Казала мати.

* * *

Казала мати
Хлопцѝ скликати:
«Ходѣть хлопоньки!
Бѣжѣть, любоньки!
Бѣжѣть до хаты!»
Казала мати!

71.

(Паул. II, 79.)

Ой чіи то терносливы
У саду зацвѣли?
Ой то нашого Вôйта,
Що мае три сыны:

* * *

Одинъ пôшовъ на панщину,
Другій до млына,
А самъ пôшовъ до корчмоньки,
Та й напився вина.

* * *

Ой прійшовъ же сынъ найменшій,
Шапочку тримае:
«Ходѣть до домъ, татуненьку,
Бо уже свѣтае!»

72.

(Т. 279; Паул. II, 142.)

Смутный ходжу, невеселый, бѣдный чоловѣкъ,
Що не маю счастья черезъ весь мой вѣкъ!
Куда пóду, повернуся, не маю радости,
Тóлько въ очахъ завше слезы, а въ серцу жалости
На чужинѣ блукаюся, марне вѣкъ свóй трачу,
За слезами кръвавыми я свѣта не бачу.
Утративъ я лѣта марне въ журбѣ и клопотѣ,
Нѝхто жь менѣ не порадитъ, бѣдному сиротѣ!
Когда бы я мавъ вóтця, хлѣбъ, тежь и матку,
Нигды бы 'мь ся не засмутивъ нѝ въ жаднóмъ припадку.
Они бы ми порадили, що маю чинити,
А теперь я самъ не знаю, якъ на свѣтѣ жити.
«Ой ты, доле несчасная, то же 'сь ты мя зъѣла,
И найменшая пташина того бъ не стерпѣла!
Призри, призри, съ небесъ, Боже, къ тебѣ я дуфую,
Не дай же менѣ вмирати у чужóмъ краю!
Додай, Боже, ласки своéй, якъ на свѣтѣ жити,
А проживши на сéмъ свѣтѣ, въ небѣ тя хвалити!»

73.

(Паул. II, 143.)

Въ недѣленьку рано розыгралося море:
Не одному сыну на чужинѣ горе!
Выйду я за ворота, стану якъ сирота,
Нихто жь мене не займае, я бѣдный сирота!
Та летитъ орелъ сизый, орелъ сизокрылый:
«Чого стоишь, чого тужишь, мóй сыну единый!» —
«Та порадь менѣ, орле, що маю робити?
Та померъ отець, мати: що менѣ чинити?» —
«Та и я не знаю, та и ты не знаешь. —
Покидай сей край, де родину маешь;
Та иди на Вкраину, тамъ знайдешь родину,
Тамъ знайдешь родину, любую дѣвчину!»

74.

(Паул. II, 125.)

Ой за вороты явôръ зелененькій,
А нимъ вѣтеръ колыше:
«Та десь то моя кохана дѣвчина
Чотыре листы пише.

* *
*

Хоть най напише, хоть най залише,
Най въ тугу не вдаеся:
За чотыре недѣлоньки
Та най мене сподѣваеся!»

* *
*

«Ой бо то чотыре недѣлоньки
Та не пальцёмъ змахати;
А кого жь бо я вѣрненького любью
Та тяжко го понехати.» —

* *
*

«Ой тамъ за горою яра пшениченька,
Та буйная, буйнесенька:
Та чогось моя любая дѣвчина
Смутная, смутнесенька!»

75.

(Паул. II, 126.)

Ишли волы ой зъ за горы, а все кружъ дороги:
Ишли, ишли Козаченьки, а все чорнобровы.
«Чомъ ты мене, моя мати, рано не збудила,
Ой якъ тая компанія зъ села выходила?» —
«Тымъ я тебе, моя доню, рано не збудила,
Ишовъ милый въ самый передъ, що бы 'сь не тужила.» —

«Ой ты мовишь, моя мати, що я не журюся,
Ой якъ выйду на улицю, вôдъ вѣтру валюся.
Ой ты мовишь, моя мати, що я и не плачу,
За дрóбными слёзоньками и свѣта не бачу.
Пôди мати, пôди мати, купи менѣ гóлку,
За чотыре золотыи червоного шовку:
Шовкомъ шила, шовкомъ шила, срéбромъ гафтовала,
Все для свого миленького, що вѣрне кохала.»

76.

(Паул. II, 44.)

Казавъ ми батенько пôгнати козы
Въ зелену дуброву, въ густыи лозы,
Кричала, лаяла дѣдчая мати,
Збудила зъ свѣтанья, не дала спати.
Заснувъ я такъ крѣпко, спавъ три годины,
А все жь то, матéнько, зъ дѣдчой причины.
Пôдведу голову, продру очоньки,
Обачу, що не машь моей козоньки.
Бѣгаю по лѣсѣ сюда, не туда,
Назадъ ся вертаю, не знаю куда;
Оглянуся и бѣгну прудко до лѣса,
Цы ей не зъѣли вовки до бѣса?
Бѣгаю по лѣсѣ, собою нуджу,
Щось лежитъ пôдъ садомъ, зъ далека виджу;
Обачу и зъ близка дѣвчину спячу,
Не смѣю збудити, тôлько не плачу.
И стисну дѣвчинѣ бѣлй ручоньки,
Оглянется, отворитъ чорнй очоньки;
Кричала, лаяла, я не лякався,
Най же 'мь оченька нацюловався!

77.

(Паул. II, 43.)

Стоявъ чернець надъ водою,
Мавъ соловья изъ собою;
Хотѣвъ му дати питоньки,
А вонъ фуръ, фуръ изъ клѣтоньки!
«Утѣкъ соловѣй мой, бѣгаймо, лапаймо!
Милый соловѣйчику тяхъ, тяхъ, тяхъ!
Шкода тебе, любчику, ахъ, ахъ, ахъ!»

* * *

«Повернися до клѣтоньки,
Будешь менѣ спѣватоньки:
Дамъ ти ѣсти и водицѣ,
Зъ якъ найчистои кирницѣ.
Утѣкъ соловѣй мой, бѣгаймо, лапаймо!
Милый соловѣйчику, тяхъ, тяхъ, тяхъ!
Шкода тебе, любчику, ахъ, ахъ, ахъ!» —

* * *

«А нѣ ѣсти, нѣ водицѣ,
Не хочу я вже зъ кирницѣ,
Волю ся въ рѣцѣ напити,
Але вольности зажити.»—
«Утѣкъ соловѣй мой, бѣгаймо, лапаймо!
Милый соловѣйчику, тяхъ, тяхъ, тяхъ!
Шкода тебе, любчику, ахъ, ахъ, ахъ!

* * *

Прійшовъ чернець до домоньку,
Взявъ ся бити въ головоньку:
«А що жь я буду дѣяти,
Неиа вже кому спѣвати!
Утѣкъ соловѣй мой, бѣгаймо, лапаймо!
Милый соловѣйчику, тяхъ, тяхъ, тяхъ!
Шкода тебе, любчику, ахъ, ахъ, ахъ!»

78.

(Паул. II, 114.)

Въ зеленóмъ гаѣ, ясного ранку,
Кує зазýля безъ перестанку:
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

* *
*

Пóшла дѣвчина тамъ зѣлье рвати,
Стала зъ росою собѣ гукати:
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

* *
*

«Чого ’сь, дѣвчино, такъ рано встала,
Перше гукаешь, якъ я кувала?» —
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

* *
*

«Менѣ, зазулё, серце ся крае,
Глянь на голубка, въ парѣ брукае:» —
Бруку, бруку, бруку, бруку, бруку, ку!

* *
*

«Нехай то тебѣ нычь не мѣшае,
И твой миленькій вже повертае.» —
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

* *
*

Скоро дѣвчина вóйшла до хати,
Стала матери розповѣдати.
Штуку, штуку, штуку, штуку, штуку, ку!

* *
*

Дивится въ вóкна, щось ся мигае,
Миленькій въ двери, вже свой знакъ дае.
Пуку, пуку, пуку, пуку, пуку, ку!

Найперше ей счастья вйншуе,
Потомъ въ бѣленьку руку цѣлуе;
Въ руку, въ руку, въ руку, въ руку, въ руку, ку!

* *
*

Такъ то зазулй правду спѣваютъ,
Дѣвчата голосъ ей выславляютъ.
Куку, куку, куку, куку, куку, ку!

79.

(Лучкая Грамат. стр. 173.)

«Заспѣвай ми, зозуленько: ку!
Заспѣвай ми хорошенько,
Кедь ты спѣвашь, маю ми легко,
Куку, куку, ку!

* *
*

По зеленыхъ дубровинахъ: ку!
По зеленыхъ дубровинахъ,
Чути голосъ по ровнинахъ:
Куку, куку, ку!

* *
*

Кой ся голосъ твой зашибать,
Кой ся голосъ твой зашибать,
Мене радость ажь прошибать:
Куку, куку, ку!

* *
*

Бо приходитъ ми на гадку,
Бо приходитъ ми на гадку,
Кой избирала я растку,
Куку, куку, ку!

Избирала, извивала: ку!
Избирала, извивала,
Миленькому подавала,
Куку, куку, ку!

* *
*

А онъ мене ймивъ за руку, ку!
А онъ мене ймивъ за руку,
Та й истиснувъ помаленьку,
Куку, куку, ку!

* *
*

Дай ми, Боже, такъ прожити, ку!
Дай ми, Боже, такъ прожити,
Такй яри искусити,
Куку, куку, ку!

80.

Ой стояла дѣвчинонька Попова,
На городѣ морховцю полола:
На городѣ морховка, пастернавъ,
Заскалила ноженьку на бодакъ.
«Ой пôшлѣть по мамуню, по Дячка,
Вытягнути зъ ноженьки бодачка!
Бо у Дячка рученька бѣленька,
Що Суботы булочка тепленька.
Болитъ менѣ ноженька зъ бодачка,
Дайте мене, мамуню, за Дячка!
Таки мене сѣчьте, та й рубайте,
Таки мене за Дячка вòддайте!»

81.

Ой мамо, мамо!
Не буди мня рано;
Бо я сама знаю,
Коли встати маю.

* *
*

Якъ встану раненько,
Каждому выгоджу,
Якъ встану пôзненько
Каждому зашкоджу.

82.

Ой выросла сосонька и гôльця,
«Не дай мене, мамуню, за вдôвця;
Бо вдовець ничь не робитъ, тôлько пье,
Прійде до дому, мене бье, мене бье.» —
«Ой привыкай, доненько, привыкай:
Вôнъ до дому, ты втêкай, ты втêкай. —
«Не одну я ноченьку стерегла,
И пôдъ новой стрѣхой сидѣла;
Якъ воробейчикъ въ стрѣшѣ шелепне,
Моя душка стелепне, стелепне!»

83.

На улицѣ громада,
Гей, жêнка мужа продала.
Гей!
А за що жь го продала?
Гей, за три троши продала.
Гей!
Накупила ячменю,
Гей, наварила солоду.
Гей!

Стала пиво варити,
Гей, салдатъ въ гости просити.
Гей!
Салдаты ся попили,
Гей, та й хаджайку побили.
Гей!
На улицѣ громада,
Гей, жёнка мужа продала.
Гей!

84.

Пріѣхавъ я коло млына,
Выйшла мила чорнобрóва.
Гопъ, чукъ, черчукъ, хлопчикъ ладный!
На черчуку пасъ едвабный!

* *
*

Пріѣхавъ я въ ворота,
Вышла мила красша злота.
Гопъ, чукъ, черчукъ и т. д.

* *
*

Взяла коня за уздечку,
А милого за ручечку.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Дала коню вóвса, сѣна,
А милому меду, вина.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Сама сѣла, задумала,
Чорны очи заплакала.
Гопъ, чукъ и т. д.

«Чого 'сь сѣла, задумала,
Чорны очи заплакала?
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Чи тобѣ жаль меду, вина,
Чи тобѣ жаль вôвса, сѣна?» –
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

«А ни ми жаль меда, вина,
А ни ми жаль вôвса, сѣна.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Только ми жаль того свѣта,
Що идутъ ми марне лѣта.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Черчукъ чорны очи мае,
Я го люблю, вôнъ не знае.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Черчукъ мае черевички,
И самъ черчикъ невеличкій.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Черчукъ мае реверенду,
Вôнъ до мене въ перебенду.
Гопъ, чукъ и т. д.

Черчукъ проситъ, щобы сѣсти,
Бо вôнъ мае щось повѣсти.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

А я сяду, поклонюся,
Поцѣлую, обôймуся.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Не могла 'мь ся надивити,
Мусѣла 'мь ся полюбити.
Гопъ, чукъ и т. д.

* *
*

Не могла 'мь ся налюбити,
Мусѣла 'мь ся оженити,
Гопъ, чукъ, черчукъ и т. д.

85.

Черчикъ мае черевички,
А самъ черчикъ невеличкій,
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный,

* *
*

Черчикъ мае реверенду,
Та й до мене въ перебенду.
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

* *
*

Черчикъ чорни очи мае,
Я го люблю, вôнъ то знае
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

Ой прійшовъ я край ворота,
Выйшло дѣвче красче злота.
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

* * *

Кониченька до стаенки,
Черчиченька до хатоньки.
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

* * *

Коникови вôвса, сѣна,
Черчикови меду, вина.
Гопчикъ черчикъ, хлопчикъ ладный,
На черчику пасъ едвабный.

86.

Не пôду я черезъ кладку,
Щобы 'мь не упала,
Не пôду я за богача,
Щобы 'мь не пропала.

* * *

Бо въ богача низькй̂ дверй̂,
Высокй̂ пороги,
Буде вôнъ ми вымавляти:
«Где волы, коровы?»

* * *

Мене люди не годуютъ,
Та й не прикрываютъ,
Най же менѣ волôвъ, коровъ,
Вже не вымавляютъ!

Сѣю рожу по дорожу,
Сама рожа сходитъ.
Я Козака не чарую,
Самъ до мене ходитъ.

* * *

Я не вмѣла чаровати,
Мене люди вчили,
По двѣ кварты горѣлоньки
До мене носили.

* * *

По двѣ кварты горѣлоньки
И по квартѣ пива,
Не могли ся здивовати,
Що я чорнобрива.

87.

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Молодому въ свѣтѣ жити,
Кого люблю не видѣти.
Гей, гей! кого люблю не видѣти!

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Всюды людей въ парѣ бачу,
А я, бѣдный, зъ лиха плачу.
Гей, гей! 2.

* * *

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Що по счастью, що по доли,
Коли жити по неволѣ!
Гей, гей! 2.

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Черезъ твои чорны очи,
Не спавъ же я штыри ночи.
Гей, гей! 2.

* *
*

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Черезъ твои бѣлы руки,
Дознавъ же я не разъ муки.
Гей, гей! 2.

* *
*

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Заказали отець, мати,
Щобъ дѣвчины не кохати.
Гей, гей! 2.

* *
*

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Положу я серце, душу,
За тобою пôйти мушу.
Гей, гей! 2.

* *
*

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Вскюду бачу дѣвчатъ много,
Не вылѣчатъ серця мого.
Гей, гей! 2.

* *
*

Ахъ ты мнѣ, бѣда мнѣ!
Розлучили пару милу,
Щобъ глядѣли на могилу.
Гей, Гей! 2.

Русскіе крестьяне Черновецкаго уѣзда села Кучурмикъ въ Буковинѣ.

88.

Кривда зъ неба высокого,
Якъ я си сгадаю,
Трудно взяти, кого хочу,
Хоть я и кохаю.

* *
*

А я тебе люблю,
Та и серце сушу,
Истинную правду
Сказати ти мушу.

* *
*

Очи твои сивенькіи
И чорныи брови,
Уста твои коралевы
И вдичныи мовы.

* *
*

А я не знаю,
Що маю дѣяти,
Не маю я отъ кого
Порадоньки взяти.

* *
*

Пораджу я ся
Въ Волоского Пропопа,
Ой хоть бы грѣхъ, хоть десять,
Хоть бы и копа.

* *
*

Нехай ми позволитъ,
Тебе, серце, взяти,
Изъ твоей красоты
Покористати.

Але видно, не позволитъ,
Самъ Богъ изъ неба,
Любѣмося, серце мое
Бо такъ намъ треба.

(Изъ Буковины.)

89.

Якъ до кумы не ходити,
Коли кума гожа,
Коли кума молоденька,
Якъ зоря хороша?

* * *

Якъ до кумы неходити,
Коли кума гладка?
А у кумы густый садокъ
И бѣленька хатка.

* * *

Якъ до кумы не ходити,
Коли до неи близко?
Гей до кумы стежка бита,
Въ перелазѣ низко.

* * *

Якъ до кумы не ходити,
Та хоть бы и далеко?
А у кумы губки солодки,
Цѣловати легко.

* * *

Якъ до кумы не ходити
Коли запрошаетъ,
И воконца на всю ночьку
Отворомъ лишаетъ?

Якъ до кумы не ходити,
Коли ноги маю,
Коли скоро кумъ изъ дому
Я передомъ знаю?

* * *

Най судитъ свѣтъ, якъ хочетъ,
Я то всѣмъ прощаю;
Кобы мы съ кумовъ здоровй,
О ничѣмъ не дбаю.

(Изъ Буковины.)

90.

Вôдь пôвночи вѣтеръ вѣе:
Нехай же вôнь вѣе,
Хоть у мене очи сухй,
Але серце млѣе.

* * *

Не твоя то, вѣтре, воля,
А нй твоя сила,
Лешень мене лиха доля
На вѣки побила.

* * *

Ахъ, Боже мой милосердый,
Лешь ты тымъ керусшь:
Однимъ людямъ счастье берешь,
А другимъ даруешь.

* * *

«Повѣй, вѣтре буйнесенькій,
Вôтки я тя прошу,
Чей розвѣешь тоту тугу,
Що на серцу ношу!» —

«А хоть же я буду вѣти,
Не буду втихати,
Таки тото не развѣю,
Що Богъ мае дати.» —

* * *

«Повѣй вѣтре буйнесенькій,
По за пански гумна,
Розвѣй тучу на серденьку,
Щось ми гадка сумна!»

91.

Гей, у млынѣ, у млынѣ,
Сподобалося менѣ,
Тамъ то мелникъ хорошій,
Меле жъ, Бôгъ ме, безъ грошій;
А ній мѣрки не проситъ,
Самъ огузку заноситъ,
Сыплетъ, мелетъ, пытлюетъ,
Обôйметъ, цѣлуетъ.
А такій му справный млынъ,
Що тамъ будь, и все покинь!
Гей, у млынѣ, у млынѣ,
Сподобалося менѣ.

(Изъ Буковины)

92.

«Моя рòдна мамуненько,
Любятъ мене хлопцй,
Даютъ менѣ по таляру,
Жита по коробцѣ.

* * *

А я жита не беру,
Бо я жито маю,
А съ хлопцями пожартую,
Бо я жарты знаю.

93.

Не шуми, луже, луже,
Ты, зеленый гаю,
Не завдавай серцу тугу,
Що я въ чужóмъ краю!

* *
*

Я сижу въ чужóмъ краю,
Якъ билинка въ полѣ,
Нема кому порадити
Головонцѣ моёй.

* *
*

«Полеть, полеть, сивый орле,
Бо ты маешь крыла,
Полеть, полеть, сивый орле,
Де моя родина!

* *
*

Та не кажи, сивый орле,
Що я тутъ бѣдую,
Але кажи, сивый орле,
Що я тутъ паную.

* *
*

Тутъ-то мое пановане,
И тяжкое отдыханье,
Тутъ-то мои роскошеньки,
И дробненьки слёзонки

(Изъ Буковины.)

94.

Не тяжко ся оженити,
Та на бѣду зôйти,
Богато бы походити,
Що бы чемне найти.

* * *

Кто высоко лѣтає,
Низенко падає,
Хто богато выберає,
На бѣду трафяє.

* * *

Летѣли два соколоньки
Съ чужой стороны,
Сѣли собѣ на явора
На широкôмъ полѣ.

* * *

Сѣли собѣ на явора.
Явôръ похилився:
Ишовъ милый дорогою,
Низенько вклонився.

* * *

Ишовъ милый дорогою,
Не казавъ ми слова,
Лишень махнувъ бѣловъ ручковъ:
«Будь, мила, здорова!»

* * *

Що жъ бы тобѣ мôй, миленькій,
За сей уклонъ дати?» —
«Ой фусточку, моя мила,
Щобы ся втирати.» —

Ой я стою коло гаю,
Та й ручковъ махаю:
«Верни, милый, менѣ фустку,
Я вже ся вóддаю!

* *
*

Не хоче менѣ миленькій
Фусточку вертати,
Тóлько менѣ наказуе,
Ся не вóддавати.

* *
*

Тóлько менѣ наказуе,
Ся не вóддавати:
«Будешь мене, молодого,
Не разъ споминати!»

* *
*

«Подивися самъ на себе,
А вóдтакъ на мене,
Самъ бы ?сь собѣ помѣркувавъ,
Що ся не для тебе!

* *
*

Подивися самъ по собѣ,
А вóдтакъ по менѣ,
Ци богато подарункóвъ
Надававъ ты менѣ?»

* *
*

Бодай же ты моя мила,
Хирѣла, болѣла,
Кóлько лишь ты подарункóвъ
Вóдъ мене поѣла!» —

«Не клени мя, мôй миленькій,
Не клени, не клени,
Стоя твои подарунки
Въ малёванôй скринѣ.

* * *

Якъ мя будешь, мôй миленькій,
Сварити, сварити,
Будутъ твои подарунки
Въ моєй скринѣ гнити.

* * *

«Дай же менѣ, моя мамо,
Вòдъ скринѝ ключи,
Най я ему повертаю,
Тѣ презента смучни!»

(Оттуда же.)

95.

Ой огнѣвавъ ся мôй миленькій,
Та й безъ причины на мене,
Коня сѣдлає, самъ ся збирає,
Та й ѣде пречъ вòдъ мене.

* * *

«Де ты ѣдешь, де ся збираешь,
Мôй миленькій вòдъ мене?» —
«Не далеченько, мое серденько,
Вернуся до тебе.» —

* * *

«Ахъ такъ кажешь, ты такъ говоришь,
Що бы я не тужила,
Буду тужити, хоть бы не жити,
Бо `мъ та вѣрно любила!

О кобы та й крылю я мала,
То бы я полетѣла
У ту краину, у ту сторону,
Миленького видѣла.

* *
*

Ахъ летю милю, ахъ летю другу,
Милого не видати,
Ахъ летю, паду въ вишневóмъ саду,
Та й зачну тамъ ковати.

* *
*

Ахъ вышла дъ менѣ старая мати,
Сталася пытати;
«Ахъ що жь то за птахъ, що за пташина,
Въ садочку щебече?» —

* *
*

«Ахъ не есть то птахъ, не есть то птахъ,
Ни жадна пташина,
Лишь тото тужитъ та й за миленькимъ,
Молоденька дѣвчина.»—

* *
*

«Ахъ не плачъ, доню, не тужи, доню,
Не завдавай серцу туги;
Єсть того цвѣту по цѣломъ свѣту,
Лишь иди межи люди!»

(Оттуда же.)

96.

Цвѣти, цвѣти, дѣвчинонько,
Поки сонце грѣе!
Якъ засвищетъ буря сумна,
То краса зблѣдѣе.

Цвѣти, цвѣти, дѣвчинонько,
Для милого твого,
Притули го до серденька,
Поцѣлуй до того!

* *
*

Поцѣлуй го, помилуй го,
Вôнъ тя не забуде,
Въ смутку вôнъ тебе потѣшитъ,
Вôнъ твой ангелъ буде!

(Оттуда же.)

97.

«Волошине, Волошине!
Навчи мене ворожити,
Навчи жь мене ворожити,
Якъ дѣвчину полюбити?»—
«Гôдуй си ягôдками,
Красненькими словечками!» —

* *
*

«Волошине, Волошине,
Навчи жь мене ворожити,
Навчи жь мене ворожити,
Якъ дѣвчину положити!» —
«Ой до горы оченьками,
До перины плеченьками!»

(Оттуда же.)

98.

«Що ты, сыну, зводишь?
Чому ся волочишь,
Господарство запускаешь,
Робити не хочешь?» —

«Хоть я, мамко, хожу,
То ся не волочу,
Полюбивъ емь дѣвчиноньку,
Та й ю взяти хочу.

* *
*

Хоть я хожу, хожу,
Злого, вѣдь, не звожу?
Въ миленькои не бувати
Не можу, не можу.

* *
*

Хоть до любки хожу,
Ни кому не шкожу,
Окрóмь серца щиренького,
Ни чо ей не ношу.

* * *
*

Хоть до любки хожу,
Все дома ночую,
Свята въ ней отпроважаю,
На будни працую.

* *
*

Я до милоï хожу,
Та й буду ходити,
Та чей же ми Богъ поможетъ
Съ невъ ся ожепити.

* *
*

До миленькоï хожу,
Бо за невъ ся крушу,
Серце еи зъ моимъ ладится,
Женитися мушу.

Сивый голубъ, сивый,
Сивѣйша голубка:
Милый отець, мила мати,
Ще милѣйша любка.

(Оттуда же.)

99.

Изъ за горы, изъ за лѣса,
Вѣтрець повѣвае:
Скажи, скажи, милый вѣтре,
Якъ ся мила мае?

* *
*

Цы здорова, цы весела,
Личко румяненьке,
Цы сумуе, цы горуе,
Цы личко блѣденьке?

* *
*

Бо я тужу, бо я плачу,
Слозами вмываюсь,
Веселои годиночки
Вже не надѣваюсь.

* *
*

Кобы менѣ крильця мати,
Соколомъ злетѣти,
Тяжку тугу изъ серденька
При милóй розбити.

* *
*

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Що день и що ночи,
Щобъ ся милóй надивити
У сивеньки очи.

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Зорями ясными,
Щобъ менѣ ся натѣшити
Ручками бѣлыми.

* *
*

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Свѣтомъ бѣлесенькимъ,
Щобъ менѣ ся натѣшити
Личкомъ румяненькимъ.

* *
*

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Лѣсами, горами,
Щобъ менѣ ся натѣшити
Милыми словами.

* *
*

Ой лѣтавъ бы 'мь, ой лѣтавъ бы 'мь,
Вечеромъ миленькимъ,
Щобъ менѣ ся натѣшити
Ходочкомъ дробненькимъ.

* *
*

Ахъ я бѣдный, несчасливый,
Я й крилець не маю;
Сохну, чахну, въ далечинѣ,
Всякъ день умераю!

100.

(Паул. II, 469.)

Ой умру я, умру,
Буду ся дивити,
Та якъ буде мôй миленькій
За мною тужити.

Ой ставъ, зажурився,
Пôйшовъ, пôдголився:
«Кобы взяли тѣло зъ хаты,
Я бы оженився!« —

* *
*

Дѣти тое вчули,
Та й стали плакати:
«Мамко жъ наша рôдненькая,
Намъ вже васъ не мати!» —

* *
*

Дѣти тое вчули,
Стали голосити:
«Збирайтеся, сестры, братя,
Та й ходѣть служити!» —

* *
*

Мати тое вчула,
Стала говорити:
«Тримайтеся, дѣти, въ купцѣ,
Та й не йдѣть служити!» —

* *
*

Мати тое вчула,
Стала говорити:
«Тримайтеся, дѣти, въ купцѣ,
Я ще буду жити.» —

* *
*

«Ахъ мила, ты, мила!
Яка ты зрадлива,
А я гадавъ, що ты вмерла,
А ты ще ожила!»

«Ой я, милый, жила,
Та й ще буду жити,
Та най же той вмерае,
Що ся хтивъ женити!»

101.

Ой хора я, хора,
Вѣдай же, я умру,
Та пôйдѣтьже, та приведѣть,
Кого вѣрне люблю!

* * *

Ой пôдѣте, приведѣте,
Попа та и Дяка,
Щобы мене высповѣдавъ
Та й зъ за живота.

* * *

Дамъ Попови штири волы,
А Дякови два, два,
Щобы менѣ читавъ Псалтырь
Вôдъ вечера до дня.

* * *

А вамъ, сусѣдоньки,
Дрôбний коралй,
Щобы 'сте мя положили
Красненько на лавѣ.

* * *

А вамъ, дѣтотоньки,
Бѣліи сорочки,
Щобы 'сте ми щебетали,
Якъ ластѣвотоньки.

А тобѣ, грабарю,
Сивую кобилу,
Щобы 'сь менѣ та й выкопавъ
Высоку могилу.

* *
*

А вамъ же, пяниці̂,
Дамъ корець пшениці̂,
Щобы сте мя споминали
Ой при піятиці̂.

* *
*

Пяниченьки пьють, пьють,
Горѣвочку пьютъ, пьютъ;
«Та де наша кумка любка,
Що єи нема тутъ?»

102.

Тяжко жити въ чужо̂мъ краю
И въ красно̂й чужинѣ,
Ой бо, вѣдай̂, въ само̂мъ раю
Не якъ въ Буковинѣ.

* *
*

Всюди чудни̂ красавиці̂,
Пышни̂ якъ калина,
Але надъ всѣхъ найчуднѣйши̂
Родитъ Буковина.

* *
*

Всюди можна̂ добре жити,
Купатися въ винѣ,
Але найхороше пити,
Жити въ Буковинѣ.

Пріятеля знайдешъ всюди,
Серце не загине,
Але пріязнѣйшій люде,
Люде въ Буковинѣ.

* *
*

Добрымъ легко загибати,
Всюди и въ чужинѣ,
Але легше умерати
Въ краснòй Буковинѣ.

* *
*

Тому жій у рòднòмъ краю,
А не гинь въ чужинѣ,
Ой бо, вѣдай, въ самòмъ раю,
Не якъ въ Буковинѣ.

103.

Шла дѣвчина по калину,
Загубила фартушину,
Богословъ подòйшовъ,
Фартушину знайшовъ.

* *
*

«Богослове, Божій сыну,
Верни менѣ фартушину;
Бо я дѣвче молоде,
Спомянути та будь где.»—

* *
*

«Фартухъ тобѣ не спираю,
Лишь отъ тебе я желаю,
Поцѣлюй ти зъ разъ мене,
Най ми жарь променеѣ.»—

«Заказала менѣ мати,
Щобъ въ житью не цѣлювати,
Якъ до дому прійду,
Несчаслива я буду.»—

* * *

«Не бôйся ти твоей мати!
Хто ма ей розповѣдати?
Пригорни, поцѣлюй,
Менѣ серце подаруй!»

104.

Хожу, блужу, дубровами,
Темнымъ лѣсомъ и ярами,
Дрôбны слёзы проливаю,
Же изъ миловъ не буваю.

* * *

Выйду въ гору высокую,
Вижу рѣку глыбокую,
Трудный сяду и заплачу,
Шо Ярину я не бачу.

* * *

Одти спустюся въ долину,
Гляну на лѣсъ, на калину,
И тамъ сперти плачь не можу,
Же зъ милою ся не схожу.

* * *

Лазомъ бжоли выграваютъ,
Гаемъ пташятка спѣваютъ,
А я плачу, умлѣваю,
Же миленьку не видаю.

Пойду въ садъ, тамъ людскй дѣти,
Бѣжу, милу радъ бы взрѣти,
Прійду, сплачу, верну швидко,
Бо милои й тамъ не видко.

* *
*

Отъ такъ день за днемъ минаетъ,
А въ мнѣ серце умлѣваетъ,
Зъ плачемъ хожу, зъ плачемъ сижу,
Бо миленьку я не вижу.

105.

Ой у полѣ, при долинѣ,
Здыбалися двѣ дѣвчинѣ,
Єдна зъ друговъ ся витае,
За милого ей пытае:

* *
*

«Сестро моя найщирая,
Будь же менѣ зичливая,
Уповѣжь мнѣ вѣрну правду,
Где милого мого знайду?»—

* *
*

«Рада бы 'мь ти послужити,
Твое серце звеселити,
Лишь не можу, же не знаю,
Бо я иного кохаю.»—

* *
*

Ахъ Боже мôй милостивый,
Будь же менѣ добротливый,
Приверни го, най зобачу,
Най не тужу, най не плачу!

Бо якъ я єго не вижу,
Въ день и ночи сумно сижу:
«Мѣсяченьку перекрою,
Возми мене изъ собою!»

* * *

Може тамъ вôнъ гдесь мандрує,
Зъ зôроньками та жартує,
Верни, милый, бо конаю,
А ни жію, ни вмираю.

106.

Мîзерія на сéмъ свѣтѣ менѣ молодому,
Що не маю пріятеля та й у моéмъ дому,
Менѣ молодому якъ въ день, такъ въ ночи,
Безъ престанку плачутъ чорны очи
За дѣвчиною.

* * *

Надъ рѣчкою, надъ быстрою, трава полягае,
Тамъ дѣвчина моя миля зъ жалю умирае:
«Не плачь, дѣвчино, не псуй очи,
Тôлько проси Бога, якъ въ день, такъ въ ночи!
Чей я тя возму.»

* * *

Люде менѣ розражаютъ, що посагу мало,
Коли менѣ моя мила до серця припала;
Хоть посагу мало, все тое фрашки,
Возму дѣвчину изъ Божои ласки,
Чей я ся дороблю.

* * *

Ой пôду я въ лѣсы, въ горы, та й въ широку пущу,
Ажь тамъ я ся замурую, никого не пущу,

Хиба ы тамъ дѣвчина прійшла,
Хиба бы мя въ той пущи знайшла,
До мене прійшла.

* * *

Два голубы воду пили, а два колотили:
Бодай тотѣ непрощенны, що насъ розлучили!
А нѣ я спью, а нѣ я сижу;
Коли дѣвчины своей не вижу,
Самъ себе ненавижу.

(Изъ Буковины.)

107.

(Паул. II, 138.)

Несчаслива годинонька
Менѣ молодому,
Що не виджу дѣвчиноньки,
Нигды въ своемъ дому!
А нѣ я сплю, а нѣ я ти сиджу,
Та коли я тя, серце, не виджу,
Самъ себе ненавиджу.

* * *

Ой пóду я въ темнѣ лѣсы,
Та й въ велику пущу,
Ой тамъ я ся замурую,
Нѣкого не впущу:
Та хиба бы тамъ дѣвчина прійшла,
Та щобъ мя въ той пущи найшла,
Хиба бы до мене прійшла.

* * *

Ой у лѣсѣ, при долинѣ,
Трава полягае,
Ой тамъ моя чорнобрóва
Зъ жалю умирае:

Та не плачь, дѣвчинко, не пуй очи,
Та проси Бога до помочи,
Чей я тя возьму!

* * *

Ой хоть люде вбдмовляютъ,
Що посагу мало;
Коли жь менѣ дѣвча миле
До серця припало,
То посагъ, скарбы, то все фрашки;
Та возьму дѣвча зъ доброй ласки,
Чей я ся дороблю.

* * *

Ой летѣло два лебедѣ,
Зимну воду пили:
Бодай тыи не сконали,
Що насъ розлучили!
Менѣ молодому якъ въ день, такъ въ ночи,
Безъ перестанку плачутъ очи
За дѣвчиною.

108.

(Павл. II, 122.)

Верхъ Бещейда зеленого
Пасе милый коня свого,
Пасе, пасе, попасуе,
На миленьку посвистуе:

* * *

«Мила моя, чорны ока,
Выйди до мня до потока,
До потока глубокого,
До явора зеленого!»—

«А якъ бы я къ тобѣ выйшла,
Кедь ты кажешь, што я пышна,
Ни я пышна, ни ся гневамъ,
Лемъ до тебе волй не мамъ.»

109.

А я съ ночи прела клочье,
Сегодне повѣсмо:
«Сѣдай, милый, коло мене,
Хоть намъ буде тѣсно!»

* * *

А я сночи прела клочье,
А сегодне волосъ:
«Чому жь тобѣ, мой миленькій,
Не чути твой голосъ?»

(Изъ Гуцуловъ.)

110.

«Теши, сыну, есенину,
Теши, сыну, сворни:
Не йди, дѣвко, за удовця,
Чекай своей рóвни!

* * *

А удовець не молодець,
Метъ бити, кортати,
Мое личко румененьке
Метъ дъ свому рóвнати.

* * *

А удовець не молодець,
Буде мене бити,
Та шо днинка, шо годинка,
За вѣнцемъ гонити.

Ой прійшла я до дѣдика:
«Дай-ко, дѣдю, волы!
Не можу я угодити
Своєй пустой долѣ!» —

* * *

«Не знаю я, моя мамко,
Єкъ бы му вгодити,
Єкъ бы менѣ свою бѣду
Гôрку солодити.»

* * *

Ой пôду я воду брати
Двома коновками,
Пуста доля се вхопила
Обѣма руками.

* * *

Покладу я колопенько
Та въ мочилинôвку:
Такъ и менѣ съ пустовъ долевъ
Пробувати гôрко.

* * *

Пусту долю ни продати,
А ни промѣняти,
Пришлоєь менѣ съ пустовъ долевъ,
Свôй вѣкъ коротати.

111.

А чім то пôдкôвочки
По камѣню крешутъ?
А чи того ледѣника,
Що за него брешутъ?

Крешѣть, крешѣть, подковочки,
Огню додавайте,
Судѣть, судѣть судѣйцѣ,
Хоть се розсѣдайте!

* * *

Судѣть, судѣть, судѣйцѣ,
На камѣнье бъ дули,
Дай имъ, Боже, кежку болу,
Шо бы мне забули!

* * *

Дай имъ, Боже, кежку болу,
Зелену руточку,
Шобы мене та забули
Хоть на годиночку!

* * *

Та куе ми зазулиця
Въ Сиготѣ у плотѣ:
Та чому ты не спѣваешь?
Чи файка ты въ ротѣ?

* * *

Пошовъ бы я въ данчикъ, данчикъ,
Зъ вами данцувати,
Та не маю жовтыхъ чоботъ
Голубцѣ сбивати.

112.

Шкода травы шовковой слѣпымъ конемъ пасти,
Шкода мене молодой пѣвницѣ се впасти!
Шкода мене молодой, шкода мого зросту,
Ой прійде ми топитисе зъ высокого мосту!

«Не тописе, не губисе, бо душу загубишь,
Сѣдай со мновь на коника, коли мене любишь!
Сѣдай со мновь на коника, та й на вороного,
Коли 'сь мене сподобала хлопця молодого!»

113.

(Т. I; стр. 166.)

Радять менѣ, щобы ся вѣнчати,
Щобъ дѣвочій станъ покидати:
Чи жь вамъ моя неволя мила,
Ще 'мь ся дѣвковъ не находила?

* * *

Нехай тога замужь спѣшится,
Которой личко мѣнится,
Я молода, якъ ягода,
Єще жь мене замужь шкода.

* * *

Я дѣвчиновъ иду, где схочу,
И ній чѣмъ ся не заклопочу,
А ни ѣдовъ, ни одежою,
А ни мужомъ, ни дитиною.

* * *

Бачу жь я, мои ровесницѣ,
Що имъ сблѣдли румяны лицѣ
Спѣшилися борзо вѣнчати,
Рады бы ся назадъ повертати.

* * *

Не гадаю я ся вернути,
И вамъ жичу въ тѣмъ стане бути.
Но, дѣвчата, на то уважайте,
Лада кому не присягайте!

Хоть бо я трошки змарнѣла,
Таки жь бо я мужови мила,
А дѣвчина якъ стане марна,
Нихто не скаже, що она гарна.

* * *

На що жь менѣ куда ходити,
На що менѣ гультаѣвъ глядѣти,
На що менѣ счастья лѣпшого,
Коли маю мужа вѣрного?

* * *

Маю ѣсти, маю пити,
И хорошо въ чёмъ ходити:
Коли мя мужъ вѣрне кохае
И о моемъ счастью дбае.

114.

(В. изъ Олеська.)

На погибель прійде тому,
Хто веде бѣду до дому,
Въ жёнцѣ зарóбку шукае,
За маетокъ серце дае.

* * *

Гóркій его суть роскоши,
Сушатъ мозокъ её гроши,
А зъ вечера ажь до рана
То стрижено, то голено.

* * *

Нѣмъ замужь пóде дѣвиця,
Уложится якъ лисиця,
А якъ жёнкою зóстане,
Чоловѣкъ бѣса дóстане.

За разъ она скаже ёму:
«Ты не годенъ серцу мому;
Ты убогій, я богата,
Моя правда, моя хата.»

* * *

А нашъ бѣдный сосѣдерко,
Узявъ собѣ богатерку,
Напытавъ собѣ роботы,
Що мѣсяць новы чоботы.

* * *

И чоботы, и лѣтники,
И коралі, заушники,
Въ свято, недѣлю музыка,
Совсѣмъ сгубитъ чоловѣка.

* * *

Єще прійде и до дому,
И не скаже ничъ никому,
Тôлько бѣдный проклинае,
Що за грошѝ клопôтъ мае.

* * *

И вдовицѝ не хватайся,
Лѣпше людей запытайся;
Они скажутъ: «Красна перла,
Лѣпшій обѣдъ, якъ вечера!»

* * *

«Уважайте, хлопцѝ жвавы,
Що то робитъ мужъ лукавый,
Серце свое запродати,
Цѣлый вѣкъ неволю мати!»

«На посагъ не уважайте,
А добрыхъ жёнокъ шукайте;
Зъ доброй роли, кажутъ люде,
Добрый и урожай буде.

* * *

Я собѣ взявъ жёнку вбогу,
Жію съ нею, хвала Богу;
Менѣ хлѣба кусень милый,
Що сй руки заробили.

* * *

Чи въ погоду, чи то въ слоту,
Иду съ нею на роботу,
Иду въ поле съ нею жати,
Мило разомъ працёвати.

* * *

Часомъ бѣда въ день докучитъ,
Чоловѣка ся намучитъ,
Въ вечёръ мила поцѣлуе,
Нову силу въ собѣ чую.

115.

Самъ же я не знаю,
Чого я смучуся,
Ци я допѣро
Плавати учуся?

* * *

Знаю я, що бѣда,
Знаю, що пригода,
Ворогамъ моимъ
Завше непогода.

Вороги мои!
Скажѣте вы мнѣ,
Що 'сте за причину
Глядѣли во мнѣ?

* *
*

Що я вамъ такого
Учинивъ злого,
Що вы мя судите
Якъ бы остатного?

* *
*

Взяли 'сте и гоноръ,
Взяли 'сте и славу,
Взяли 'сте и славу
На далеку страну.

* *
*

Серце хоть озьмете,
Але не на довго,
Бо то, що и Богъ давъ,
Нѣ чо вамъ до того

* *
*

Бо мое серце
Душа въ тѣлѣ носитъ,
Нѣ чіеи ласки
Нѣколи не проситъ.

* *
*

Тôлько ино едного
Бого найвыспюго,
О справедливость,
А бôльше нѣчого.

Боже мій ласкавый
Змилуйся надо мновъ,
Не дай загинути
Межи ворогами.

* * *

Дай ихъ серцу скрухи,
Бы ся спамятали,
Щобы тя во вѣки
Завше выхваляли.

116.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 676.)

Кедь я собѣ изгадаю
За давній лѣта,
Такъ мя слезки обливаютъ,
Што не вижу свѣта.

* * *

Кедь я собѣ изгадаю
Давну давиночку,
Скажу собѣ завязяти
Съ платомъ головочку.

* * *

Журивъ есь ся, нудивъ есь ся,
Якъ мене любити,
А теперь ся журишь, нудишь,
Якъ мене лишити.

* * *

Закукала зазуленька,
Кукала в'на бѣла:
Иншу милу любку маешь,
Я сама видѣла.

Иншу милу любку маешь,
На правдѣ ся лаешь;
Прійде така годиниця,
Што мня изгадаешь!

* *
*

Любивъ єсь мя, мой миленькій,
Тому є три года,
Не было ти въ худобицѣ
Жаднои пригоды.

* *
*

А якъ єсь явъ, мôй миленькій,
Иную любити.
Яла ти ся пригодиця
Всяка находити.

* *
*

Ще мя любивъ мôй миленькій,
И лѣто и весну,
Лишивъ мене мôй миленькій,
Ще въ долони плеснувъ!

* *
*

Гей, свище вѣтеръ, вѣе вѣтеръ,
По надъ синій камѣнь:
Лишивъ мене мôй миленькій
Вôнъ на вѣки, аминь!

(Изъ Угорскоï Руси.)

117.

Погадай самъ собѣ,
Ци не жаль бо тобѣ,
Два рочки любити,
На третій лишити?

Была любость, была,
Межи нами двома,
Вже така не буде
Межи четверёма!

(Оттуда же.)

118

Кукала зазулька
Съ нôчи надъ горами:
Солодка ма рыбко,
Жура людёмъ съ нами.

* * *

Вôчка мои чорны!
То ми бѣда съ вами:
Не преночуете
Одну нôчку сами.

* * *

Одну ночовали,
И ту всю не спали,
А съ потятком своимъ
Всю нôчъ размовляли.

* * *

Вôчка мои чорны!
Я ся вами дивлю:
Люде за васъ брешутъ,
Я ся не противлю.

* * *

Вôчка мои чорны!
А ся вами тѣшу:
Люде за васъ брешутъ,
Я ся не повѣшу.

(Оттуда же.)

119.

Коло млина ясенина,
Голубцй несуться:
Часомъ любка ничь не винна,
Люди набрешуться.

* * *

Ой на столѣ двѣ пистолй,
На лавицѣ гуслй:
Уже мене обрехали
Бѣлецки бѣдулй.

* * *

Ище 'мь огня не наклала,
Трѣски ся имили
Ище 'мь любка не любила,
Сусѣдки вчинили.

* * *

Спо́дъ каменя воду беру,
На каменѣ стою:
Люди за 'ня много брешутъ,
Я ся ихъ не бою.

* * *

Брешѣть, брешѣть, сусѣдочки,
Якъ сука на вовка!
Не болить 'ня жадна ко́стка,
Нй моя головка.

* * *

Посѣю я круту мету
Межи берегами:
Тяжко менѣ пережити
Межи ворогами!

Гей, буду я крутѣ метѣ
Вершечки щипати,
Штобы мои вороженьки
Полѣгали спати.

* * *

А якъ мои ворожата
Полѣгаютъ спати,
Тогды я се, молоденька,
Пòду погуляти.

(Оттуда же.)

120.

О солодкій мòй побратимку,
Купивъ бы 'сь ми катраннику!»
«Я бы тото, душко, не дбавъ,
Кобы о тòмъ никто не знавъ.
Будутъ о тòмъ люди знати,
Тебе бити, мене лáти.»
«Най бы били, най бы лáли,
Кобы намъ ся любить дали.
Ай бо и бьютъ, та и лаютъ,
Любитися намъ не даютъ.»

(Оттуда же.)

121.

Ой милый мòй, милый!
То ми на вкòръ робишь,
По пòдъ мòй оболокъ
До другои ходишь.

* * *

До другои ходишь,
Мене обиходишь,
Та все мому серцю
На перекòръ робишь.

Добре тотъ ся мае,
Хто любость не знае,
Хто разъ побалуе,
До смерти бануе.

* * *

Любосте, любосте!
Хто тебе сотворивъ,
Бодай тому Панъ Богъ
Царство не отворивъ!

(Оттуда же.)

122.

«Мила, мила! Де 'сь бывала,
Коли вода луги брала?» —
«Я стояла на бережку,
Держала 'мь ся за голузку.

* * *

За голузку, за тернину,
Кликала 'мь ся на Йванину,
На Йванину молоденьку,
На душечку солоденьку.»

* * *

«Де ты тогды, мила, стояла,
Коли дубровонька палала?» —
«Я въ решетѣ воду носила,
И нёвъ дубровоньку гасила.

(Оттуда же.)

123.

Ой соколе, соколеньку,
Далеко лѣтаешь,
Скажи менѣ, молодому,
Де милу видаешь?»

* * *

«Твоя мила, якъ снѣгъ бѣла,
А око, якъ зоря,
Твоя мила лежитъ дома,
Изъ жалости хвора.

* * *

Вчаровали ворожоньки,
Завидуютъ люде,
Либонь пышна Марѣцця
Вже твоя не буде.»—

* * *

«Ой кобы знавъ, мой миленькій,
Што я поробляю,
Што про нёго въ душѣ моей
Спокою не маю.

* * *

Надъ потокомъ зеленъ яворъ,
Та повисли листьи:
Не е кому та донести
До милого вѣсти.

* * *

«Сивый орле, сивый орле,
Ты всягды лѣтаешь,
А чей ты ся до милого
Мого дозвѣдаешь.

Лети съ листомъ ты до нёго,
Што писала мила,
Кажи ёму, што безъ нёго
Рокомъ мнѣ година.

* * *

Ни я ѣсти, ни я пити,
Лише плачутъ очи,
Въ день спочинку я не маю,
Годѣ спати въ ночи.

* * *

Скажи, скажи, сивый орле,
Мому миленькому:
Коли хочешь счастливъ быти,
То не вѣрить ни кому!

* * *

Витай, витай, сивый орле!
Што тамъ въ дзюбѣ млеть?
А ну повѣджь, сивый орле,
Вôтки прилѣтаеть?» —

* * *

«Вôтъ милой лечу твоей
И зъ листомъ до тебе,
Што писала до тя мила
Зъ наглои потребы.

* * *

Скажи теперь твоей милôй,
Цы ей щиро любишь?
Бо якъ её держишь въ зводѣ,
Долю ёй загубишь.» —

«Люблю, люблю, якъ самъ себе,
Надъ срéбро, золото,
Люблю сé надъ му душу,
Виру за ню съ охотовъ.

* * *

Моя мила, будь счаслива,
И я исъ тобою,
Молѣмъ Бога горѣ зъ неба,
Дастъ намъ добру долю.

* * *

Богъ изольe на насъ дары,
Будемъ терпеливы,
Чей насъ Богъ получитъ съ собовъ
Будеме счасливы.

(Оттуда же.)

124.

На горѣ, на горѣ,
Зелененькій явóръ:
Пише на томъ листѣ
Листокъ давный фрайръ.

* * *

Я до него пишу
На зеленомъ шашу:
«Глядай собѣ, милый,
Вже про мене красшу!

* * *

Глядай собѣ, милый,
У чистóмъ золотѣ,
А менѣ дай покóй,
Худобнóй сиротѣ!»—

«Ой кедь бы ты была
Худобна сирота,
Ты бы не носила
Вѣнокъ изъ золота.

* *
*

Ай, ты бы носила
Зъ зеленои луты,
Такъ якъ други носятъ
Худобнѝ сироты.

* *
*

Не за то, не за то,
Лѣпша честь, якъ злато,
Бо златомъ здотити,
А съ честёвъ ходити.»

(Оттуда же.)

125.

Гей, у мосмъ городочку
Зацвѣли два дубы:
Кобы намъ ся нычь не стало
Зъ великои любы!

* *
*

Вòтки сонце исходило,
Лѣщину падило,
Туды мое соколятко
Съ вòвцями ходило.

* *
*

Вòвчарь вовцѝ наганяс,
На ягната быркать,
Солодка ма вòвчарица
Вòчкомъ на 'ня зыркать.

Най позирать, бо мае чимъ,
И мае на кого:
Бѣло личко, якъ сонечко,
Чорни очи въ нёго.»—

* *
*

«Я самъ стою за горою,
Очи ми въ лѣщинѣ:
Снило ми ся: розо́йдемся
Тако й у сёй зи́мѣ.»

* *
*

«И я стою за горою,
А ты за другою:
Прійде ми ся роспукнути,
Хлопье, за тобою!»

(Оттуда же.)

126.

За рѣкою за быстрою,
Познавъ емь ся съ дѣвчиною;
Що ми зъ того, ожь ёй знаю,
Кедь у неи не бываю!

* *
*

Суть у неи ворожейкы,
Заступаютъ дорожейкы,
Абы въ неи не бывати,
Абы ей не кохати.

* *
*

Ты, дѣвчино, изъ Подоля,
Въ твоихъ рукахъ моя доля,
Ты владаешь въ житью моёмъ,
Я не можу быти твоимъ.

Ци 'мь у лѣсѣ уродився,
Ци у полѣ окрестився,
Ци таки кумы держали,
Що ми счастья не надали.

* * *

Ой пóду я въ лѣсы, горы,
Шукаючи счастья, долѝ,
Тамъ я буду смерти ждати,
На сву долю нарѣкати:

* * *

«Доле моя несчаслива,
Коли будешь ми жичлива?
Прійде, прійде, тотъ часъ буде,
Що сховаютъ вѣрни люде.

* * *

А хоть пóду утоплюся,
Хоть о камѣнь розóбьюся,
Нехай у тóмъ весь свѣтъ знае,
Же зъ любости смерть бывае.

(Оттуда же.)

127.

Середъ села дубъ кудрявый:
Мóй маленькій кучерявый,
Кучерики дъ горѣ скачуть,
Моя очка за нимъ плачуть.

* * *

«Ой Иванку кучерявый,
Справь ми кужѣль яворовый,
Веретенце терновое,
Бо ты, Иванку, серце мое.»

Оттуда же.

128.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I 688.)

Червона ружа, бѣлый квѣтъ:
Я не люблю мужа, пôду въ свѣтъ.
А якъ я ся буду справовати,
Буду я собѣ мужа глядати.
А якъ я ся пущу по волѣ,
Та найду собѣ мужа у полѣ.
Ой Боже, Боже, то я зле зробила,
Што я свое серце по волѣ пустила!
Ой куплю я кантарь, буду притéгати,
Не буду я свое серце по волѣ пущати.

(Изъ Мукачевскаго Уѣзда.)

129.

Въ Солочинскôй церквѣ
Сами дзвоны дзвонятъ,
А мôй любый нянько
Въ сирôй землѣ лежатъ.

* * *

Лежатъ они, лежатъ,
Тамъ ся розгнивавутъ,
А наши серденька
За нимъ умиравутъ.

(Оттуда же.)

130.

За всю бѣду, неволицю,
Пôду, скочу въ млиновицю,
Та тамъ мене рыбка поѣсть,
Ай, хто моéй мамцѣ повѣсть?

Повѣдятъ ёй добрѝ люде,
Гей, якъ мене та не буде,
Буде тяжко заводити,
Мене бо̀льше не видѣти.

* * *

Плавле кача по Нѝреви:
Повѣджь, рыбко, Василеви:
«Василь не мо̀й, я не ёго,
Бо не сижу коло нёго.

* * *

Идѣть, ёго приведѣте,
Коло мене посадѣте:
Най я ёго поцѣлую,
Ёго губку золотую!»

(Оттуда же.)

131.

«На лучки, бѣла дѣвка, на лучки,
Даруемъ ти златый перстень на ручки.
Цы не булешь, бѣла дѣвко, бановацъ,
Якъ тво̀й буде златый перстень вандровацъ?»—
«Ой не буду, бѣлый Янчи, не буду,
Лемъ я уйду за вороты—забуду!»

(Оттуда же.)

132.

«Де ты была, мила, съ ночи,
Промѣняла 'сь чорни очи?»—
«Ой я была въ загородцѣ,
Тамъ чекала 'мь красни хлопцѝ.

Била мамка мня на волю,
Отъ тогды ся дуже бою;
Яка нôчка темненькая
Всю съ миленькимъ перестою,

* * *

Била мене мамка съ ночи,
Про Йванкови чорни очи,
Била съ ночи, буде опять,
Про молодыхъ, душко, хлопятъ.

(Оттуда же.)

133.

Чорна гора курилася,
Бѣла дѣвка журилася.
Чорно горо, не курися!
Бѣла дѣвко, не журися!
Най ся журитъ Буковина,
Впаде на ню тверда зима.

(Оттуда же.)

134.

«Ой Марûко, подай ручку!
Не чекай мня сёго рочку!
Ажь не прійду за рôкъ, за два,
Не чекай мня бôльше нигда!

* * *

Черезъ Тису, калъ, болото,
Подай ручку, не золото!» —
«Ой миленькій мôй небоже,
Што ти ручка ма поможе?

Гей, мôй милый неборачокъ
Поклавъ руку на облачокъ:
Каменное серце 'мь мала,
Што 'мь му руки не подала.»

(Оттуда же.)

135.

«Чорни очи, якъ теренъ!
Коли жь мы ся поберемъ?»—
«Поберемся въ недѣлю,
Май у Бозѣ надѣю!»

* *
*

А де жь мене поведешь,
Кедь хижочки не маешь?»—
«Поведу тя въ чужую,
Поки свою збудую.»—

* *
*

«Будуй, будуй, зъ лободы,
До чужои не веди!
Чужа хижка не своя,
Якъ свекрица лихая.»

(Оттуда же.)

136.

«Дѣвчино моя,»
Напой ми коня!»—
«Не напою, бо ся бою,
Ещѐ 'мь не твоя.

* *
*

Якъ буду твоя,
Напою ти два,
Изъ студеной кырничейки,
Зъ новаго вѣдра.

Коня напою,
До стани введу,
Дамъ конѣмъ вовса и сѣна,
А тобѣ вина.»

137.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 677.)

Ой Василю, Васильчику,
Посѣю тя въ городчику!
Не пиши палочки,
Не дури дѣвочки;
Бо маленькій дуришь,
А великій любишь.

(Изъ Мукачевскаго Уѣзда.)

138.

По горахъ, по горахъ,
Снѣжокъ ся бѣлѣе:
Де ся моя рыбка
На зиму подѣе?

* *
*

Исправлю ей хижку
Изъ самой шашины,
Не треба ей буде
На зиму перины.

(Оттуда же.)

138.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 688.)

Иду горѣ селомъ,
За миновъ ся бѣлѣе;
Хто мня давно любивъ,
Добрѣ не сдурѣе.

Я учора не пряла,
А и днесь не буду:
Миовъ ся люди журятъ,
Ожь я гола буду.

* * *

А воробокъ испряде,
А синица утче:
«Позирайте, люде»
Котра краше вуйде!»

140.

(Тамъ же.)

«Эй, не видно того села,
Лише видно хресты:
Туда менѣ вечёръ, рано,
Очама повести.

* * *

Та й не видно того села,
Лише видно грушу,
Туда менѣ вечёръ, рано,
Помыкае душу.

* * *

Ой Иване молодейкій!
Я бы 'мь тя любила,
У тебе жона не добра,
Може бы 'на била.»—

* * *

«Ой не бойся, файна рыбко,
Не буде тя бити,
Черезъ твои вочка чорнй
Буде въ землѣ гнити.»

141.

(Тамъ же, 690.)

Чорна гора, якъ татарка:
Не хотѣла 'ня любить Марька,
Треба бы ми дарабъ мыла,
Бы 'ня Марька полюбила.

* * *

Чорна гора, двѣ долины:
Красна дѣвка одъ малины;
На калину сонце свѣтить,
А на дѣвку краса летить.

142.

(Тамъ же, 691.)

Ой днесь была недѣля,
Завтра понедѣлокъ:
Посѣяла, мамко, жито,
Зродився берѣнокъ.

* * *

«Рости, рости, берѣночку,
Заки 'сь зелененькій:
Не женися, шугайку,
Докля 'сь молоденькій!» —

* * *

«Якъ ся менѣ не женити,
Хлопу молодому?
Ходятъ дѣвки, якъ ягоды,
Коло мого дому.»

143.

(Тамъ же, 691.)

«Дѣвчино, дѣвчино, челлена калино,
Чому ти ся личко помѣнило?» —
«Можешь, Янчи, знати, та й ся догадати,
Хотѣла 'ня мати за нелюба дати.» —

* *
*

«Ты сѣдлай коничка, та дай менѣ знати,
Якъ та буде мати за нелюба гнати!» —
«Покля я, молода, коничка сѣдлала,
Ужь мене моя мати за нелюба дала.»

144.

А мой премилый наѣвся бандурокъ,
Добрѐ не попукатъ, такъ напхавъ до гурокъ.
Якъ мѝ такъ, такъ мѝ такъ,
Добрый съ хлѣба демикатъ,
Ѐшѐ лѣпши бандуры,
Кедь до цмару зануритъ.

145.

«Седемьдесять сукень мала,
А ѐшѐ ся не выдала.» —
«Я не мала, тôлько едну,
Просили мня ажь ко Вѣдню.» —

* *
*

«Кордуваны, чижны мала,
А ѐшѐ ся не выдала.» —
«Я не мала, ленъ подшитѝ,
Просили мня за Кошицѝ.

* *
*

А мой отець, яко толя,
Не пришолъ мѝ на весѣля,
А мой милый почекує,
Тетъ мѝ принѐсъ розмарѝє.

146.

Билъ мене мужъ
Першій разъ ужь,
Билъ мене въ понедѣлокъ,
За мой злый учинокъ.

* * *

Билъ мене мужъ
Другій разъ ужь,
Билъ мене во второкъ,
Помялъ ми подолокъ.

* * *

Билъ мене мужъ
Трецій разъ ужь,
Билъ мене въ середу,
Помялъ ма сцереду.

* * *

Билъ мене мужъ
Четвертый разъ ужь,
Билъ мене у четверъ,
Такъ знаю, якъ теперь.

* * *

Билъ мене мужъ
Пятый разъ ужь,
Билъ мене въ пятницу,
Смаровалъ гузицу.

* * *

Билъ мене мужъ
Шестый разъ ужь,
Билъ мене въ суботу,
Докончилъ роботу.

Билъ мене мужъ,
Семый разъ ужь.
Билъ мене въ недѣлю,
Ледвѣ ставилъ цѣлу.

147.

Крашша я, Иванку, яко ты,
Бо я заробйла сто златы,
А ты ште заробйлъ пецуху,
Лемъ лежишь на пецу на бруху.

148.

Прйшолъ бы я до васъ, кобы я шмелъ,
Кобы вы мй дали, што бы я хтелъ,
Тото дѣвча шварне,
Што матъ очи чарне,
То бы я взялъ.

* * *

Прйшолъ бы я до васъ, кобы я зналъ,
Предъ вашйма дверьма велйка мочаръ:
«Положь, мйла, дручны,
Пойду помалючкы,
Каждый вечуръ.»

149.

(Т. II, 206.)

У богатыхъ дѣвочокъ
По дванадцять сорочокъ,
А у мене единка
На каждый день бѣлинка.

Я ю вечуръ намочу,
О полночи полочу,
А на рано бѣлѣюся,
Придутъ хлопци, смѣюся.

150.

«Кедь емь ишолъ брезъ миленькой сѣни,
Добрѣ мене собакы не зъѣли.
«Лемъ вы на мня, собакы, не брешьте,
Бо я иду ку красной невесте.» —

* * *

«Коли 'мь ишла до керточкы,
Тотъ часъ стратила я зъ варкочка,
Тонкій волосъ розплѣлъ мѣ ся,
Мой вѣночокъ стратилъ мѣ ся.» —

* * *

«Коли 'мь ишолъ брезъ Виднянске поле,
Заплакали чорны очи мои;
Посмотрѣлъ я на глубоку долину,
Кады ль мои бѣлы ногы идутъ.

* * *

Коли 'мь ишолъ брезъ капусту,
Нашолъ я тамъ вышивану хусту,
Цѣ ей мила, цѣ не мила, шила,
Лемъ бы она вышывана была.

* * *

«Яка ты, моя мила, брудна,
Шкода, же тѣ подъ облачкомъ студня:
Кобы ты ся зъ той студенкы мыла,
Яка бы ты премилена была.»

147.

Велѐ пшенѝцъ, мало житъ:
Кажутъ мѝ ся оженитъ;
Ѐщѐ овесъ зеленый,
Можемъ быти безъ жены.

* *
* .

Мочитъ дѣвча конопли
У зеленой убочи,
А Иванъ ся призиратъ,
Ци в'на чорны очи матъ.

* *
*

Кобы чорны очата
Въ склепѣ продавали,
То бы ихъ дѣвчата
Хлапцёмъ куповали.

* *
*

«И я бы купила
Свому фраирови,
Жебы му ся чорнѣли,
Яко гавранови.

* *
*

Ѐщѐ бы 'мь му купила
Чижмы съ острогами,
Жебы собѣ почеркавъ,
Горѣ Кошицами.

* *
*

Ѐщѐ бы 'мь му купила
Перстенокъ на палецъ,
Жебы му ся блыщало,
Якъ пойде на танецъ.»

153.

Добра тота жена, чьто мужа сануе:
Якъ приде изъ корчмы, до разъ го вызуе;
До разъ го вызуе, красне му постелитъ:
«Мужу мôй солодкый, лёгай до постели!»

154.

Эй, якъ вечуръ пришовъ,
Каждый къ своей пôшовъ,
А мой премиленый
Ку Цыганкамъ зашовъ.

* * *

«Гей, на мочаръ, кониченьку,
На мочаръ, на мочаръ!
Не пôду я ко невѣстѣ
Днесь вечеръ, днесъ вечеръ.

* * *

Лемъ я пôду ко дѣвчатку,
Красному, красному,
Чьто го возму на мясницѝ,
За жену, за жену.»

155.

Посьяла я подъ облачкомъ лелію,
Пришли волкы миленького, зъѣли ю.

* * *

Кобы 'мь знала, же то волкы милого,
Не пôшла бы 'мь до бирова на нёго.

156.

«Горе гай, доловъ гай,
А на стредку дунай:
Не возмемъ тя, дѣвче,
А ни то не думай!» —

* *
*

«А ни то не думай,
Же бы 'мь за тя пошла,
А не 'пре такого
Паробочка росла.

* *
*

А ни то не думай,
Горьке недуманья,
Не было то верне
Наше любованья.»

157.

«Не сама, не сама, калинку ламала,
Ламалѝ ей хлапцы, я имъ прегнала.

* *
*

Мой милый на горе, а я на долине,
Шакъ бы са любовалъ, добре не загине.» —

* *
*

«Пошолъ бы 'мь ку милей, не мамъ, лемъ бочкуры,
Она бѣда пышна, та ми не отвори.

* *
*

А валаломъ блато, по предъ насъ полето,
Ганба паробкови, кедь го дѣвче не хце.

Ганба же му, ганба, ганба превелика,
Кедь го не хце любицъ того парадника.

* *
*

Ужъ емъ ше зарекалъ фраирочку тримацъ,
О Боже мой любезный, не можемъ ше стримацъ!»

158.

«Эй, кебы мй не гора,
Не тота долйна,
Дала бы 'мь поздравицъ
Своего фраира.

* *
*

«Эй, поздравьте, поздравьте,
Эй, шакъ вы знате кого,
Эй, Янйчка жовтовласъ,
Фраира моёго!» —

* *
*

«Эй, кебы мй не гора,
Не гамовалъ бы я,
Эй, кебы ми нé гралй,
Не танцовалъ бы я.

* *
*

Эй, грали мй гудацы,
Эй, вчера до полночи,
Эй, але ми не спали
Мои чарны очи.

* *
*

Эй, éщé 'мь не танцовалъ,
Эй, будземъ пробаловацъ,
Эй, зъ бучка на яличку
Будземъ прескаковацъ.

Эй, тать Боже мой, Боже,
Эй, моё пренесчестье,
Эй, ужь ме не хце любицъ
Сушедово дзевче!

* * *

Эй, кедь не хце, ней не хце,
Эй, а я не баную,
Эй, лемъ боканчи зруцимъ,
Та го вытанцую.

* * *

Эй, а не 'мь не паробокъ,
Эй, а ни не мамъ жены,
Эй, ещё собѣ заложу
Форгонъ премиленый.» —

* * *

«Эй, а не 'мь не дзивчатко,
А ни мѝ не свечи,
Эй, бо мѝ не шею
Моё чарны очи?»

159.

Эй, вандровали хлапцы,
Эй, зъ Пешту до Будина,
Эй, дали себе нальяцъ,
Червенего вина.

* * *

Эй, якъ то виночко,
Эй, зъ погара капкало,
Эй, не едно дзивчатко
За нами плакало.

«Эй, выпрóвадь ме, мила,
Эй, пониже образка,
Эй, далей ци не повѣмъ,
Гиба й твоя ласка!

* *
*

«Эй, стоитъ грушка въ гаю,
Эй, подьме, хлапцы, на ню:
Эй, цо крáсше отресемъ,
Миленкей понешемъ!»

160.

«Эй, шугаю, шугаю,
Яка то твоя мацъ?
Ещѐ 'сь мя не узялъ,
Ужь ме почала лацъ!» —

* *
*

«Эй, не бойше, дзивчатко,
Эй, тей моей матерй,
Эй, шакъ я ей укажемъ
Кады на дворъ дзвере.

* *
*

Эй, кады на дворъ дзвере.
Эй, до самаго блата:
Эй, до дябла, до дябла,
Мамочко проклята!»

161.

Береза, береза,
Высока береза:
Вшиткй люде пьяны,
Я сама тереза!

Загучали горы,
Загучали лѣсы:
«Где намъ ся подѣли
Наши млады часы?»

* * *

Часы наши, часы,
Не ужили красы,
Наши млады лѣта
Не ужили свѣта!

* * *

Тать, Боже, мой Боже,
Якъ есь мя покаралъ,
Же мушимъ вандровацъ
Зъ валала на валалъ!

* * *

На высокей горе
Шугай загамовалъ,
Же бъ было не дѣвча,
Булъ бы тамъ ночовалъ.

* * *

То тому дзивчатку
Велё помагало,
Онъ конёчка загналъ,
Оно претримало.

156.

О Боже мой! Цо мамъ робицъ?
Не хцею ме дзивки любицъ!
Мушимъ себе форговъ купицъ,
Бы ме хцѐли дзивки любицъ.

Кебы дали, цо ми длужны,
Купилъ бы я женѣ чижмы;
А не даю, цо мамъ робицъ?
Муши жена боса ходзицъ.

163.

Зимна вода на коляю,
Поки люде не зазнаютъ,
Ещѐ лепша на ярочку,
Де я маю фаворочку.

* * *

Мамъ фаворча, якъ вовирче,
Сгодь ми, пайташъ, чіе дѣвче?
Кедъ не сгодишь, повѣмъ я тѣ,
Келѐ наша любостъ платѣ.

* * *

Наша любостъ телѐ платѣ,
Якъ тенъ крайцаръ, цо ше стратѣ:
Крайцаръ стратѣ, не найдзеше,
Велька любостъ розійдеше.

164.

Горе лучками, долу лучками:
Взялъ емь за ся шварно дѣвче съ чарныма очками.

* * *

Горе варошомъ, долу варошомъ:
Взялъ емь за ся шварно дѣвче съ чарнымъ волосомъ.

* * *

Добре 'мь уробилъ, же 'мь ся оженилъ,
Пошлемъ жену до роботы, самъ себе легнемъ.

Самъ себе легнемъ подъ перинечку,
Жену пошлемъ до роботы, самъ съ фраиречкоу.

* * *

Горе заградоу, долу заградоу:
Ужь я свою фраиречку вечаръ выведу.

* * *

Вечаръ выведу, рано почепля,
Бодай моя фраиречка не вышла зъ пекла!

* * *

Зъ пекла не вышла, въ огню сгорела,
Лемъ пре тото едно слово, цо ми есть рекла.

* * *

Зимно, презимно, подъ облачкомъ стацъ:
«Я запомнулъ, драга душо, губанечку вжацъ.» —

* * *

«Цы ты запомнулъ, цы ты ю не нашь,
Лемъ ты, моя драга душо, вше такъ поведашь.»

165.

Бодай есь скаменѣлъ, акъ у водѣ каменъ,
Же есь са вызвалъ, якъ же ты ми фраиръ!

* * *

Бодай есь скаменѣлъ, акъ у водѣ брылка,
Же есь ня вызвалъ, же я ти фраирка!

* * *

Бодай та, шутаю, колеса ланали,
Про тебе на люде до языка взяли!

Про тебе, про тебе, про тебе самого,
Же бы 'сь не дочекалъ до рана бѣлого!

* * *

Бодай тя Богъ скаралъ и мое здыханья,
Якъ есь ми перервалъ мое сладке спанья!

166.

«Кедъ идешь коло насъ,
Яке намъ госло дашь?
Цы на волки гейкнешь,
Цы батожкомъ треснешь?» —

* * *

«Кедъ на волки гейкну,
Та й батожкомъ тресну:
«Ча, силады! ча, сейка!
Ту моя милейка.»

167.

«Побіе це Панъ Богъ и моей мамки плачъ:
Лебо ми вѣнокъ врацъ, лебо ми го заплацъ!» —

* * *

«А ни я тамъ не пилъ, а ни жена моя,
Лемъ тотъ гунцвутъ качмарь арештує коня.»

168.

Ни чь ми ся не пачитъ, лемъ еденъ воловаръ,
Кедъ жене волочки, якъ бы го малёвалъ.

Заяли, заяли, миленького волки,
А ни я не чула, кедъ бринкали звонки.

(Послѣдніе 10-ть пѣсенъ изъ села Веравы Шарошской столицы.)

169.

Кедъ я ишолъ презъ тенъ лѣсъ,
Презъ лѣсъ калиновый,
Станулъ я тамъ на камень,
Камень марморовый.

* * *

А съ подъ того каменя
Водичка выплыла:
«Напійся ей, моя мила,
Кедъ си справедлива!» —

* * *

«Я бы ся ей напила,
Красу бы 'мь втратила,
Што же бы я, мой милый,
По тому робила?

* * *

Што же бы я, мой милый,
По тому робила?
Ты бы мене не взялъ,
Ми бы ганьба была!»

170.

Капуста, капуста, зелена, не густа:
Яка наша хижа презъ фраира пуста!

Не такъ она пуста, якъ бы 'мь го не мала,
Але за то пуста, бо 'мь го понехала.

* *
*

«Фраиру, фраиру! Я тобѣ не вѣрю! —
«Товарйшу, товарйшу! Я тебе не лишу.» —

* *
*

«Я твои оченька на папѐръ запйшу,
На папѐрь запйшу, на клйнецъ завйшу.

* *
*

На папѐрь запйшу, на клйнецъ завйшу,
А я тебе, товарйшу, ужь никогда не лишу.» —

* *
*

«Фраиречко моя! Подзме до костела!» —
«Вера, я не пуйду; бо я была вчера.» —

* *
*

«Фраиречко моя! Верне ци шлюбую,
Перву и остатню ночку ци ночую.

* *
*

Подковечки мои, давайце мй огня,
Нехай я увидзимъ, цы далеко до дня!

* *
*

Не далеко до дня, лемъ два годзйнечки,
Зоставайте здравы, мои фраиречки!»

171.

«Думашь, мѝла, думашь,
Же не будземъ жѝцъ пре тебе.»—
«Я жѝла, и жѝцъ будземъ,
Все я тебе мюбѝцъ будземъ.»

(3 послѣднія пѣсни изъ с. Чарна, въ Маковицкомъ краю.)

172.

Широкое болотище, ще вода забрала:
Эй, любивъ емь дѣвча зъ младу, а мати не знала
Эй, жаль не по малу,
Любивъ дѣвча зъ младу,
Людёмъ, не собѣ!

* *
*

Єсть у полю кирниченка, журавьи зъ ней пьютъ:
Уже мою миленькую до шлюбу ведутъ.
Эй, жаль не по малу,
Любивъ дѣвча зъ младу,
Людёмъ, не собѣ!

(Изъ Порубчанъ Земплинскаго Округа.)

173.

Червене яблучко въ кишенѣ мамъ:
«Прійдзъ же ты, шугаю, та цѝ го дамъ!» —

* *
*

«Не хцемъ я твоихъ яблучокъ, мамъ я ихъ досцъ,
Дзекуемъ цѝ, мѝла, дзекуемъ цѝ, мила, за почлѝвосцъ!»

(Изъ Бодружанъ Шаришскаго Округа.)

174.

(Т. I, 201, 202.)

«Не ходи, Грицу, на вечерницу!
Бо на вечерницѣ сами чаровници.
Въ недѣлю рано зѣля копала,
А въ понедѣлокъ зѣля полокала;
Вôвторокъ рано зѣля варила,
Въ середу рано Грица отровила;
Пришолъ четверь, лежитъ Грицько теперъ,
Пришла пятница, поховали Грица.
Пришла субота, мати дѣвку била:
«На што жь ты, суко, Грица отровила?» —
«Нягай Гриценко, нягай вôнъ знае,
Нягай вôнъ, нягай, по двѣ не кохае!»

(Изъ с. Ладомирова Шаришскаго округа.)

175.

Коломія, Коломія, Коломія мѣсто:
Котра дѣвка небочкана, та така, якъ тѣсто.

* * *

Меджи двома берегами вода каламутна,
Меджи двома озерами рыбка баламутна.

* * *

«Пане брате, Пане брате, будеме ся бити,
Бо бѣлявка кого схоче, та буде любити.»

* * *

Уже вôкна побѣлѣли, бо на дворѣ морозъ:
«Выйди, выйди, драга душо, няй ти чую голосъ!»—

«Теперь ємъ ся розыграла, теперь же ми грайте,
Чорни скóрнѝ поторгала, червени ми дайте!»

(Изъ Липовска того же округа.)

176.

Боля ме ножечкѝ, боля ме подошвы,
Бо онѝ тей ноцѝ три хотаре прешлѝ:

* * *

Єденъ Рѝпіёвскій, а другій Рушковскій,
Трецій не выволамъ, бо то Фанровскій.

* * *

Мои штыри волы, я пеля васъ бирешъ,
Не кцею ме пущѝцъ ту, Фанрки, отъ васъ.

* * *

Мои штыри волы школы наробѝлѝ:
Зышли на яречокъ, воды ся напѝлѝ.

* * *

Мои штыри волы ушѝ штыри сейки,
Бѣжатъ горе селомъ, якъ парадны дѣвки.

177.

На зеленыхъ лукахъ дѣвча воду брало,
Я нѝ него волавъ, оно заплакало:

* * *

«Шестя ти дай, Боже, ты, бѣла Ганичко!
Ци 'єсь ми увила за калапъ пѐречко?» —

«Увила, увила, але ти го не дамъ,
Бо я съ твоёвъ матковъ доброй воли не мамъ.

* * *

Якъ исъ твоёвъ матковъ добра воля буде,
Тогды тото пёрко за калапомъ буде.»

178.

Сталася новйна у новомъ варошу:
Млинарского сына біютъ на дерешу.

* * *

Ещё млинарскій сынъ на дерешъ не лягнулъ,
Ужь его панъ отецъ на коника сяднулъ.

* * *

«Прошу понижено пана Урядника,
Не бійте, не бійте, мого млинарчика!»

179.

Гога, коню, гога, спадла ми подкова:
Малъ емь фраиречку, взяла ми ю вода.

* * *

Кебы ми ю кцела зимна вода врацицъ,
Далъ бы 'мь съ дукатами камёнки позлацицъ.

180.

Пониже млына,
Зелена вербйна,
Треба бы ю вырубацъ:
Сподобалаше ми

Дѣвча у сушеды.
Але ми ю не кцу дацъ.

* *
*

Теразъ ше такъ стало,
Дѣвча ше преспало,
Теразъ ми го даваю,
Але я го не кцемъ,
Обрацимше, где кцемъ,
Няй себе го тримаю!

181.

Широкій яречокъ,
Не можемъ прескочицъ:
Шувне чижемки мамъ,
Жалуемъ помочицъ.

182.

Мамъ я, пайташъ, калапечокъ новый,
За калапомъ три новы форговы.
«Хто ци, пайташъ, тенъ форговъ куповавъ?» —
«Тото дѣвча, што я го любовавъ.»

183.

Сучка 'шй мй, моя мила, сучка,
Пропйла шй прядена изъ дручка,
Пропила есь и зерно зъ коморы,
Не наробятъ на тя и штырй волы.

184.

Ишло дѣвча отъ Кошицъ,
Дало себе чижмы шйцъ,
Дало себе талповацъ,
Жебы мало танцовацъ.

185.

Чарны очка цверенково,
Сладки ґамбы шугаёво,
Кедзъ ме вечеръ побочкаю,
До рана ми сладоваю.

* *
*

Дуе вѣтерь по долйнье:
«Чекай, шугай, спомнешь ты ме,
Ты ме спомнешь кажду ночку,
А я тебе разъ у рочку.»

186.

«Эй, на лучки, шварне дѣвча, на лучки,
Дамъ я тебе алатый перстень на ручки.» —
«Давно я це, драга душо, чекала,
Бы сомъ отъ це златый перстень достала.»

187.

Не скоро, не скоро, моя мйла, пришла,
Ужь зъ моей главйчки червена кровъ зышла:
«Завій, мйла, главу, жебы, не болела,
Жебы 'сь, моя мйла, все весела была!»

188.

Волѝмъ я ше вышпацъ подъ лѝпковъ зеленовъ,
Яко на посцеле зозъ фалечновъ женовъ;
Подъ лѝпковъ зеленовъ лѝстокъ ме прикрыє,
Зозъ фалечновъ женовъ Панъ Богъ ме побіе.

189.

Чорнѝ очка плачьте, слезы не раняйте,
Кого 'сте любѝлѝ, тому покой дайте!

190.

Кедъ сомъ ишолъ презъ лавку,
Спалъ мѝ калапъ до ярку;
Ой тамъ, пайташъ, подойми,
Шкода моей покрѐйды!

* *
*

Покрѐйдечка три верхи,
Вчера вечаръ зъ Кишъ-Керты,
Изъ Кишъ-Керты, зъ Боргазу,
Теперь фиґла докажу.

191.

Горе варошомъ, доловъ варошомъ:
Таке 'мь себе дѣвча узявъ съ жолтымъ волосомъ.

* *
*

Горе лучками, доловъ лучками:
Таке 'мь себе дѣвча узявъ съ чарныма очками.

* *
*

Горе заградовъ, доловъ заградовъ:
Уже мою фанрочку днеска повяжу.

Днеска повяжу, завтра почепя,
Жебы моя фраирочка не вышла зъ пекла;

* *
*

Жебы не вынла, бодай сгорела,
Лемъ про тото едно слово, цо гуторела!

* *
*

Цо гуторела, же буде моя,
Теразъ пошла за другого фраирка моя!

192.

Не про дзвоны,
Не про оргоны,
До костела идземъ,
Лемъ про Янйчка,
Про бѣлы лйчка,
Што го радо видзимъ.

193.

Такый ты миленкый, якъ ружа, якъ ружа,
Дай мй тя, Боже, за мужа, за мужа!
А ни бы 'мь тй робити не дала, не дала,
Лемъ бы я тя за красу держала, держала.

* *
*

«Пустьте мня, мамко, на танецъ, на танецъ:
Бо ми ся розгорѣлъ каганецъ, каганецъ;
Бо тамъ Таліяне танцуютъ, танцуютъ,
Они ми каганецъ задуютъ, задуютъ.» —

* *
*

«Не ходь ты, дѣвочко, коргелёмъ, коргелёмъ,
Не ходь ты до корчмы съ куделёвъ, куделёвъ!
Бо тамъ Таліяне танцуютъ, танцуютъ,
Та твою куделю попсуютъ, попсуютъ.»—

«Я куделю шпурю до шанцу, до шанцу,
Сама ідóду съ милымъ до танцу, до танцу,
Веретено вержу до столу, до столу,
Сама ся съ милымъ обойму, обойму.»

194.

Бѣда ми сиротѣ жити,
Нѣтъ мя кому потѣшити,
Нѣтъ мя кому погласкати,
Бо не жіе моя мати!

* * *

«Ой мамочко моя мила,
Чомъ ты мене ту лишила?
Чомъ есь мня къ собѣ не взяла,
Жебы я ту не капала!»—

* * *

«Не можу тя взяти къ себѣ,
Бо мй барзъ ту тѣсно въ гробѣ;
Волишь по свѣтѣ ходити,
Якъ во гробѣ зо мновъ гнити.

* * *

Жій собѣ, моя дѣвочко,
Квитни, бѣла леліочко!
Якъ отквитнешь, такъ увяднешь,
При мнѣ въ гробѣ мѣстце найдешь.»

195.

«Не рубай зелене, няй ся зеленѣе:
Не беръ пышне дѣвча, няй ся старѣе!»—

«Ѣщѐ емъ не рубалъ, ужь трѣскы падаютъ,
Ѣщѐ емъ не просилъ, ужь отповѣдаютъ.» —

* *
*

«Домôвъ, милый, домôвъ, домôвъ до роботы,
Кедь мня хочешь взяти, чекай до суботы!» —

* *
*

«Піютъ воду птаси тамъ на нашей гати:
Ужь ся наша любовь нигда не возврати!»

196.

(T. I, 340.)

А якъ тужитъ за тобою, тужитъ серцѐ, мила,
Кедъ сгадаю, чомъ тя люблю, ты мене любила.
Въ ночи не сплю, день ми смутный, все гадка о тобѣ,
Цы я хожу, цы я сѣжу, не маю спокою.

* *
*

Была 'сь свѣдкомъ, якъ емъ плакавъ, якъ ся душа била,
Колись дала бѣлу ручку, любовъ говорила:
«Же тя, любку, не забуду, покля буду жити,
Глядь на мене, и перестань годину тужити!»

* *
*

Якъ не бачу твоей красы, рокомъ ми година,
Не розторгнетъ моей туги найблизша родина.
Хоць далеко я геть пôйду, серцемъ зоставаю,
Бо не хочу абы 'мь скламавъ миленку кохану.» —

* *
*

«Кедъ ты пôйдешь, мôй миленькій, дай же ты мнѣ знати,
Абы знало мое серце, откаль вызирати.» —
Хоць бы 'мь видѣвъ тысячь дѣвокъ на жадну не гляну,
Бо не могу, абы 'мь скламавъ миленку кохану.

«Якъ поѣхавъ, такъ поѣхавъ, не казавъ ни слова,
Только махнувъ изъ рученковъ: «Будь, мила, здорова!»
Сѣдитъ мила въ загородѣ, карты выкладае,
Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ, она ся пытае:

* * *

«Ой ты, орле чорнушенкій, высоко лѣтаешь,
Чи моего миленкого да где не видаешь?» —
«Ой тобй милый прямо гаю съ Богомъ почивае,
Єму голубъ сивушенкій голову искае.» —

* * *

«Водай твоя, орле, вода рыбы не родила,
Кедъ она мя зъ моимъ милымъ теперь розлучила!» —
«Ой засучи, мила, свѣчку, запали до Бога,
Жебы тобѣ була за нимъ счастлива дорога!»

197.

(Т. I, 308.)

Лѣтавъ орелъ по надъ воду и ставъ голосити:
«Ой якъ тяжко убогому богату любити!»
Ты, дѣвчино хорошая, скажь ми, что думаешь!
Не гордь по мновъ, хоцъ убогимъ та счестья дознаешь!
Не тамъ счестья, не тамъ доля, где богаты люде,
Где ся лучатъ безъ милости, тамъ счестья не буде.
Кобы я мôгъ орломъ быти, высоко лѣтати,
Полетѣвъ бы 'мь, куды знаю, миленку глядати.

198.

Моя хижка при бережку,
Моя хижка крайня,
До мене вы, легничики,
Бо 'мь не въ року файна.

До мене вы, леґинчики,
Ходѣте, ходѣте:
Вы ся мого человѣчка
Не бо́йте, не бо́йте!

* * *

Бо моего человѣчка
Ничого сь бояти,
Вынести му паленочки,
А во́нъ ляже спати.

* * *

До мене вы, леґинчики,
До мене, до мене:
Солодкая яблоночка
Въ огородку въ мене.

* * *

Солодкая яблоночка,
Ще солодша груша:
До мене вы, леґинчики
Бо я ваша душа!

199.

Закукала зазулица
Въ зимѣ на ялицѣ:
То не шкода гусашь дати
Файнѣй молодицѣ.

* * *

То не шкода гусашъ дати,
Срѐбный сороковецъ,
Штобы зо мновъ погуляла
Въ зимѣ въ пилиповецъ.

200.

Гаемъ зеленёнкимъ вода тече,
На яворѣ соловѣй щебече.
Тамъ дѣвчина мила
Вѣночокъ увила
Изъ бервѣнку.

* * *

Солзы проливала, коли го вила,
А увитый на воду пустила:
«Иди ты, вѣночку
Красный зъ бервѣночку,
За миленькимъ!»

* * *

Голосъ чути въ гаю, въ серединѣ,
Же ся стало страшно дѣвчинѣ:
«При градѣ Солноку
Положивъ головку
Твой миленькій!»

201.

(Т. II, 214.)

И шумитъ и гуде,
Дробенъ дождикъ иде:
Хто мене, молоду,
До дому поведе?»

* * *

Зголосився Козакъ
На солодкомъ меду:
Гуляй, гуляй, чорноброва,
До дому та поведу.

«Не веди ты мене,
Дуже прошу тебе:
Злого мужа маю,
Буде бити мене.

* *
*

На бôкъ, хлопцй, на бôкъ,
Бо чортъ мужа несе,
А якъ васъ увидитъ,
Трястя нимъ потрясе.

* *
*

Ой най нимъ такъ трясе,
Якъ вѣтеръ лугами,
Бо я, молодая,
Гуляю изъ вами.»

202.

Горы мои, горы!
То ми тяжко на васъ,
Перервался милый
Ходячи черезъ васъ!

* *
*

Бодай бы васъ, горы,
Червакы сточили,
Абы моего милого
Ножкы не болѣли!

* *
*

Бодай на васъ, горы,
Василичокъ нарôсъ,
Кобы лишь мене Богъ
Изъ межи нихъ вынêсъ!

Ровнай, Боже, ровнай,
Горы съ долинами,
А чей бы 'мь видѣла
Варошъ малёваный!

* *
*

Не такъ тотъ варошъ,
Якъ столичный дôмъ, дôмъ,
Куда ся проходитъ
Сердешный Иванъ мôй.

203.

На горѣ, на горѣ, фраиръ снопы вяже:
Любила 'мь та й буду, та хто ми роскаже?
Любила 'мь та й буду хлопа молодого,
Бы не была ганьба, же пойду за нёго.

* *
*

На горѣ, на горѣ, травка ся колыше:
Стародавный фраиръ листокъ до мня пише.
Эй, пише вôнъ, пише, тôлько не малюе,
Стародавный фраиръ то за мновъ бануе.

204.

Червеный кантарь, сивый конь:
Полюбивъ емь дѣвча, Боже мой;
Червену ружу, фіялку:
Полюбивъ емь дѣвку Зейканку.

* *
*

Червена ружа, фіялка:
Красна у мня мила Добранка;
Червена ружа, бѣлый цвѣтъ:
Кедъ не маешь милой, иди въ свѣтъ!

205.

Въ серединѣ села,
Тамъ зацвила слива:
Кажутъ люде, люба мамко,
Ожь я мамъ фраира.

* *
*

Бо я го не маю,
Хибань буду мати,
Якъ я пойду, люба мамко,
Конопельки брати.

206.

Эй, бѣда ми съ красновъ женовъ:
Люде ломлятъ плоты за нёвъ;
Люде ломлятъ, я горожу,
Люде люблятъ, я не можу.

207.

Я такого мужа маю,
Хоть бы умеръ, не гадаю:
Изъ радости скакала бы 'мь,
Три гудака наяла бы 'мь.

* *
*

Скакала бы 'мь у три боки,
Якъ серница при потоки;
Копкала бы 'мь подковками,
Якъ серница копытками.

208.

Боже, Боже, зла година и той часъ,
Что 'мь остала на сей рочёкъ дѣвковъ засъ;
До насъ ишёлъ, инде пошёлъ сватати,
Сама буду на свой розумъ плакати.

209.

Сивый коникъ, кантарь на немъ,
До миленькой пойду на немъ,
Вера, Боже, якъ то буде,
Кедъ ми газда дома буде.

* * *

Кедъ е дома, най спитъ здоровъ!
«Кедъ мя любишь, вандруй зо мновъ!» —
«Не можь, дѣ, намъ вандровати,
Бо насъ будутъ вартовати.

* * *

На порозѣ варта стоитъ,
Подъ нелюбомъ ручка лежитъ.» —
«Выйми ручку зъ подъ нелюба,
Подложь её на голуба!

* * *

Выйми, выйми, милый квѣтокъ,
Та идѣмъ мы въ бѣлый свѣтокъ:
Доки свѣтокъ обойдемо,
Не разъ мы ся обойимемо.»

210.

Познати, познати,
Который хлопъ женатый:
Иде горѣ селомъ
Якъ тотъ песъ кудлатый.

* * *

Познати, познати,
Хто хлопецъ молодецъ:
Иде горѣ селомъ
Якъ сивый голубецъ.

* * *

Познати, познати,
Моего фраира:
Шапка на немъ нова,
А сорочка бѣла.

21.

На Иплецкомъ грунку
Рубалъ емь калинку:
Кажутъ люде, мамко,
Же я мамъ фраирку.

* * *

Я ёщё не маю,
Але буду мати,
У Сиготѣ мѣстѣ
Дамъ ей змалёвати.

* * *

«Маляри, маляри,
Красную змалюйте:
За мои гроши
Фарбу не шкодуйте!»

Кедъ той вамъ не зайде,
Я ёщё докуплю:
Такъ ми ей змалюйте,
Чи я самъ ей люблю.

212.

Стало потя на ворота,
Та й пѣе, та й пѣе:
Панъ Добра Кигипѣ Зейканцѣ
Ширинкы купуе.

* * *

Сѣло потя на рокытѣ,
А такъ далей пѣе:
Панъ Зейканъ Кигипѣ Добрайцѣ
Чоботки купуе.

213.

Стоитъ верба надъ рѣкою,
Та стоитъ надъ водовъ:
«Што 'сь ми, дѣвко, учинила,
Што гину за тобовъ?

* * *

Розчини ми, чорнобрёвко,
Розчини, розчини,
Свому серцу, моей душѣ,
Тяготу не чини!

* * *

Розчини ми, бѣла дѣвко,
А я ти заплачу,
Най я свои темны ночи
За тобовъ не трачу!

Стоитъ верба надъ водою
Широкого листья:
«Солодкая моя душко,
То ми нуда безъ тя!»

214.

Доле моя, доле,
Перунъ бы тя убилъ!
Не малъ емь горазду,
Отколи 'мь ся вродилъ.

* * *

Не малъ емь роскошу,
Та й не буду мати,
Слабу 'мь въ Бога долю досталъ,
Мушу дяковати.

215.

Ой ишолъ емь горѣ ледомъ,
Зострѣтилъ емь дѣвча зъ медомъ:
«Взялъ бы 'мь тебе, дѣвча мое,
Та не возму, бо 'сь малое.»—

* * *

«Возми ты мя, паробчику:
Доросну я у чепчику.» —
«Доросне ти горька бѣда,
Така будешь, якъ кыртида.»—

216.

«Эй ты казалъ, же мя возмешь,
Якъ на горѣ жито зожнешь:
Ужь есь зажалъ, помолотилъ,
Свѣтомъ есь ми заколотилъ.»

217.

Марика платья прала,
Я съ козами ишёлъ,
Такъ емь ся ей поклонилъ,
Та й зъ радостевъ пошёлъ.

* * *

Та й пошёлъ емь до Попа,
Мало 'мь тамъ посидѣлъ,
Помѣнилъ емь на три службы,
Што 'мь Марику видѣлъ.

* * *

«Эй, Марико чорноока,
Бодай тя, бодай тя!
Бо на моей сорочцѣ
Самое заплатья!

* * *

Эй, Марико чорноока,
Отсунь ми ся изъ подъ бока!
Бо ужь мѣнѣ не до тебе,
Коль мя берутъ черезъ тебе!»—

* * *

Темна ночка невидома,
Пошла мила, не є дома,
Потла она до млыночка,
Солодка ми фраирочка.

Пошла она надзирати,
Ци не можь бы насыпати:
Єденъ камень некованый,
Другій камѣнь засыпаный

* * *

Єденъ камѣнь некованый,
Другій камѣнь засыпаный,
На третёму панске зерно:
Видишь, душко, ожь даремно!»

218.

«Мила моя, мила,
Изъ ружъ у Ивана,
Видишь ми ся, мила,
Ожь есь малёвана.» —

* * *

«Я малёвана,
Але не про тебе,
Минули мясницы,
Не видѣла 'мь тебе.»—

* * *

«Минули мясницы,
Мине и Петрóвка:
Я про тебе леґинь,
Ты про мене дѣвка.»

219.

А ни сюды, а ни туды,
Але на долинѣ:
Бо я гадалъ, бѣла дѣвко,
Ожь ты будешь мѣнѣ.

Але ты не мѣнѣ,
Ни моей подобѣ,
Бо тя поливали
Сѣмь разъ вже у водѣ.

* *
*

Выкопалъ я кирниченьку,
Волкы изъ ней пили:
Укохалъ емь дѣвчиноньку,
Люде ухопили.

220.

Коли собѣ погадаю
За бѣлу дѣвчину,
При убочи рубаючи
Зелену лѣщину.

* *
*

Я лѣщину си рубаю,
А дѣвчина плаче,
Я балтину вергъ отъ себе,
А дѣвчина ляже.

221.

Кобы, дѣ, емь, хлопче, знала,
Ожь мôй не будешь,
Такы бы 'мь ти чары дала,
Ожь нôчку не сбудешь.

* *
*

Такы бы 'мь ти чары дала,
Паленкы съ корѣнёмъ,
Абы тобѣ серце било,
Якъ вода камѣнёмъ.

222.

Любивъ семь тя, любивъ дѣвковъ,
Буду й молодицёвъ,
Буду ждати десять годôвъ,
Возму тя вдовицёвъ.

223.

У высокôй полонинцѣ
Зацвѣла березка:
«Выйди, выйди, чернобрôвка
Ма люба Терезка!

224.

Кобы ми ся бучокъ розвивъ,
Зелена яличка,
Куда схочу, туда пойду
Бѣленька Анничка.

* *
*

Ци въ высокôй полонинцѣ
Зацвѣла яличка:
Я сей ночи въ тебе буду,
Бѣленька Анничка.

225.

У высокôй полонинцѣ,
Тамъ голубъ купався:
Чія тото чернобрôвка,
Я до ней влюбився.

* *
*

Вышла она у городокъ,
Та й махне рукою:
«Ходи суда, Козаченьку,
Гину за тобою!»

226.

Летѣвъ орелъ понадъ море,
Та й ставъ голосити:
«О якъ тяжко убогому
Богату любити!

* *
*

Не тамъ гараздъ, не тамъ доля,
Где богаты люде:
Кедъ ся сбере по любости,
Тамъ счасливо буде.»

227.

Ступай, коникъ, ступай, коникъ,
Горѣ тымъ поточкомъ,
Уже хлопцы стоятъ купомъ
Подъ моимъ облачкомъ.

* *
*

Ой най они стоятъ, стоятъ,
До самого рана,
Не пойду я сама идъ нимъ,
Бо я заербована.

* *
*

Ой бо мене завербовавъ
Молодый легинецъ,
А што сму на рученцѣ
Золотый перстёнецъ.

228.

«Мамко моя, мамко,
Чомъ ма не сватуешь,
О рочекъ, о два,
За мною побѣдуешь.»

Не минуло тому
И полдруга рочка,
Вже моя мамочка
Заплакала очка.

229.

«А кедзъ ши Ганічка, будь же нёвъ, будь же нёвъ,
Не ходь до карчмичкы съ куделёвъ, съ куделёвъ;
Бо тамъ Таліяне танцуютъ, танцуютъ,
Та ти куделечку попсуютъ, попсуютъ!» —

* *
*

«Труцимъ куделечку до шанцу, до шанцу,
Сама съ Таліяномъ до танцу, до танцу;
А врецинко труцимъ ку столу, ку столу,
Сама Таліяна обойму, обойму.»

230.

Эй, лесы, лесы, зелепы лесы:
Ужь ся тоты поженили, што имъ пришли часы.

* *
*

Я бы ся женивъ, мамъ на то волю,
Лемъ же иде одъ серденка, то я ся бою.

* *
*

Матка ховала, за мне бы дала,
Лемъ же люде поведаютъ, же то пре мне мала.

* *
*

Не такъ е мала, якъ е надобна,
Але люде поведаютъ, же то пре мне добра.» —

* *
*

«Эй, дубинъ, дубинъ, зеленый дубинъ, дубина:
Пише мой милый лйсточокъ бѣлый зъ Будина.

«Ой мала, малючка, ай не подобна,
Ещѐ къ тому дскладаютъ, же е барзъ худобна.»

* *
*

А моё богатство на высокомъ небе,
Тегды мѝ го Панъ Богъ да, якъ пойдемъ за тебе.»

(Всѣ 32 собраны И. Шафранковичемъ въ окрестности Мистицева Бережскаго Округа.)

231.

Ишло дѣвче лучками,
Розмагущи ручками,
Стрѣтилъ его паробокъ:
«Поважь, дѣвче, заробокъ!»

* *
*

Якъ оне ше потресло,
Показало, цо несло:
Несло оно сто златы,
Самѝ бѣлы дукаты.

(Изъ Земненскаго Округа.)

232.

Скорей мамъ фраира,
Якъ ты фраиречку;
Ужь есъ ся зорудовавъ
До едну хустечку.

* *
*

Ужь есъ ся зорудовавъ
Въ вышну, нижну страну,
Ѐшѐ 'сь собѣ не нашолъ
Фраиречку сталу.

ДУМКИ

б) Иносказательныя.

1.

(Т. II, стр. 512.)

Ой темная, та невидная,
Та товаришу нôчь, нôчь:
Ой полетѣла сива голубонька
Вôдъ голуба прôчь, прôчь, прôчь.

* * *

Ой зъ недѣли та на понедѣлокъ
Та взяло свѣтати:
Ой полетѣвъ же сивый голубокъ
Сиву голубку шукати.

* * *

Ой летитъ голубъ, та й летитъ сивый,
Все горами, долинами,
Ой здыбуеся, та й стрѣчуеся,
Все съ орлами, соколами:

* * *

«Ой вы орлы, вы соколы,
Вы товариши мои,
Чи вы не видѣли, чи не бачили,
Сивой голубки моёй?» —

* * *

«Ой мы видѣли, ой мы бачили,
Ой тутъ она була,
Та й змахала сивыми крыльями,
Та за Дунай полинула.» —

Ой полетѣвъ же сивый голубко,
Ставъ надъ Дунаемъ спочивати,
Ой прилетѣла сивая голубка,
До Дунаю воды брати.

* *
*

«Ой потогай Бôгъ, сива голубко,
Та ты, жоно моя!» —
«Бувай здоровъ, сивый голубку,
Ты не мôй, я не твоя!» —

* *
*

Ой полетѣвъ сивый голубко,
Сѣвъ собѣ на гôлцѣ:
«Ой не вѣрь, не вѣрь, голубе голубцѣ,
Якъ не вѣритъ чоловѣкъ жѐнцѣ.»

2.

Выйду я на гору,
Выйду на высоку,
А тамъ стану, та погляну,
Въ долину глубоку.

* *
*

Тамъ пташки лѣтаютъ,
Жалôбно спѣваютъ,
Лише менѣ, молоденькôй,
Жалю завдаваютъ.

* *
*

«Ой жалю жъ мôй, жалю,
Тяжкій не по малу,
Ой пустила 'мъ соловѣя,
Вже жъ го не пôймаю!

А хоть я пôймаю,
То вже не такого,
Щобы приставъ вѣрнесенько
До серденька мого.

* *
*

Матусю, матусю,
Соколъ залѐтае; —
«Дай му, доню, принадоньку,
Най часто бувае!» —

* *
*

«Яку жь ему, мати,
Принадоньку дати?» —
«Твори, донько, кватырочку,
Та проси до хаты!» —

* *
*

«Ходи, ходи, соловѣю,
Зъ надвору до хаты!
Буду тебе, соловѣю,
Цукромъ годовати.

* *
*

Ой буду я тебе,
Цукромъ годовати,
Буду тебе, соловѣю,
Медомъ наповати.

* *
*

Буду тебе, соловѣю,
Медомъ наповати,
Будешь въ мене, соловѣю,
На перинѣ спати.» —

«Волюся наѣсти
Въ лѣсѣ ягóдочокъ,
Нéжь у тебе, дѣвчинонько,
Изъ цукру волочокъ.

* *
*

Волю ся напити
Зъ кирницѝ водицѝ,
Нéжь у тебе, дѣвчинонько,
Медочку, сытицѝ.

* *
*

Волю ся выспати
Въ лѣсѣ на калинѣ,
Нéжь у тебе, дѣвчинонько,
На бѣлóй перинѣ.» —

* *
*

Ой стою жь я, стою,
Та й пóдъ комóрою,
Проливаю свои слёзы
По несчастью мому.

* *
*

Челядочка въ дому:
Що 'жь менѣ по тому?
Я бы 'мъ дала ручку бѣлу,
Та й не маю кому.»

(Зап. въ Раковцѣ надъ Днѣстромъ Коломыйск. У.)

3.

(Т. I, стр. 276.)

Ой стою я, стою,
Пóдъ Божею волёмъ,
Слёзами ся умываю
По несчастью своёмъ.

Ой выйду я, выйду,
На гору высоку,
Ой стану я, та й погляну
У скалу глубоку,

* *
*

Тамъ пташки лѣтаютъ,
Жалобно спѣваютъ,
Горьше менѣ, молоденькой,
Жалю додаваютъ.

* *
*

«Ой жалю мой, жалю,
Жаль ми не помалу,
Выпустила 'мь голубонька,
Вже го не пойймаю.

* *
*

Хотя и пойймаю,
Але не такого,
Щобы пристявъ вѣрнесенько
До серденька мого.» —

* *
*

Голубь залѣтае,
Въ вокно заглядае:
«Выйди, доню, та й принаджуй,
На счастя бувае!» —

* *
*

«Яку жь му, мати,
Принадоньку дати?» —
«Возьми, доню, за рученьку,
Введи го до хаты!

Посади го, моя доню,
За тисовымъ столомъ,
Назви ёго, моя доню,
Сивенькимъ соколомъ!» —

* *
*

Тече вода, тече,
Съ кирницй до озера,
Чомусь моя головонька
Смутна, не весела.

* *
*

Ой якъ же она маѥ
Веселая бути,
Ой хто кого вѣрне любитъ,
Тяженько забути!

4.

(T. II, 514; 582.)

Пôдъ дубиною, пôдъ зеленою,
Тамъ сидѣвъ голубъ съ голубиною:
Цюлювалися, обôймалися,
Однимъ крыленькомъ накрывалися;
Стрѣлцй засѣли зъ третои хаты,
Голуба вбивши, голубку взявши,
За тихій Дунай запровадивши.
Даютъ ёй вина, сыплютъ пшеницй,
Сива голубка не подивится:
«Ой чому не пьешь, ой чому не ѣшь?
Чи за голубкомъ сивенькимъ тужишь?» —
«Якъ менѣ ѣсти, якъ менѣ пити?
Якій свѣтъ красный, нема съ кѣмъ жити!» —
«Ой с тутъ у насъ тысячъ чотырй,
Выбери собѣ, котрый ти милый!» —

«Най васъ тутъ буде, якъ въ ставѣ воды,
Нема, якъ той бувъ мнѣ до сподобы:
Мой бувъ миленькій, чорнобровенькій,
На личку бѣлый, самъ молоденькій.»

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

5.

(Т. II, 514, 582.)

Тамъ за горами, тамъ за лѣсами,
Сидятъ голубы, а все парами,
Сидятъ и сидятъ, та познаются,
Бѣлыми крыльцями обнимаются.
Надлетѣвъ воронъ съ чорной хмары,
Розогнавъ, роспудивъ, голубы съ пары.
Сидитъ голубка, и ревне плаче,
Свого голуба, вже не зобачи.
«Здоровъ, голубко! Якъ ми ся маешь?
Твого голубка не отпытаешь?» —
«Ой нехай буде й сѣмь паръ голубовъ,
Нема й не буде, яко бувъ мой любый.
Ней буде двадцать, й двадцять чотырй,
Нема й не буде, якъ бувъ мой милый!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

6.

(Паул. II, 92.)

Гей, на ставку
Злапавъ орелъ ластовку
Злапавъ ее за крыльце,
Пововъ ее на сельце.

* * *

«Де жь ты мене поведешь
Такую маленьку?
Мене мати згодовала,
Якъ курку рябеньку.

Де жь ты мене поведешь
Таку невеличку?
Мене мати згодовала,
Якъ перепеличку.»

7.

Соколоньку сивый, рôдненькій мôй сыну,
Чому не затужишь? Видишь, же я гину.
Мати твоя рôдна, що 'мь тя породила
На сей свѣтъ бѣленькій, и такъ уносила,
Що 'сь возрôсъ здоровый тѣломъ и душею,
Нынѣ гордишь словомъ и вѣровъ моею.
Чи жь ты безъ сумлѣня не машь Бога въ менѣ,
Що ты мя покинувъ на чужôй родинѣ?
Приставъ ссь служити, забувъ на мать рôдну,
Бодай лишь не мати дитину негôдну!
Якъ теперь тя звати, якъ тя теперь чтити:
Перекинчикъ зъ тебе, не можь тя любити.
Якъ же тяжко серцю, пôдъ нимъ тя носила,
Все 'мь си такъ гадала и Бога молила:
«О Боже мôй, Боже, и Спасова мати,
Дай же ми плодъ счасный, щобы не страдати!
Дай же ми дитину, щобъ тебе славила,
Мене старовину та не отступила,
Не отступала до смерти николы.
Ой дай же ми, Боже, все то въ Твоéй волы!»
И прійшла година, и я те повила,
Грудьми годовала, до серця тулила;
Не одну ноченьку не спала годинку,
Все 'мь о тебе дбала, не мала спочинку.
Въ тобѣ лишь надѣю мала я, бѣдненька,
Бо ты вже сирôтка була 'сь безъ батенька.
Такъ мы ся лишили, и ворогъ на силу
Взявъ насъ въ свои руки, якъ тую былину,
Взявъ насъ въ свои руки, сами горёвали,
Коли воронъ стада хмарами упали,

Тогдѣ матѐнонька съ тобовъ уходила,
Въ степи, въ лѣсы, горы, тебе уносила,
Грудьми заступала, моя дитинонько,
Чого жь ся дóждала, бѣдна головонько!
Ты мене покинувъ и ставъ ся цурати,
Чи жь то не грѣхъ тяжкій, матóньки сь встыдати?
Чи не знаешь, сыну, що материнй слёзы
Зводятъ месть отъ Бога, сумлѣнье, угрозы?
Не разъ я казала, мóй ты соколонько,
Не дружи сь ты съ орломъ, то не твóй братонько:
Вóнъ тебе прилудитъ, уведе съ собóю,
А я, мать несчасна, лишусь сиротою.
Ты мене не слухавъ, а теперь и знати,
Того ты не хочешь, що я твоя мати.
Скажи жь ми, сыноньку, слóвце на потѣху,
Прійди до домоньку пóдъ убогу стрѣху,
Где 'мь тя породила въ батьковóй хатонцѣ,
Ты ся вже встыдаешь въ панскóй палатонцѣ.
Не такъ я ти, сыну, пѣсеньку спѣвала,
Коли 'мь тя спатоньки въ колысочку клала,
И ты вже за мною ставъ есь промовляти,
Красненько по Русьски, якъ учила мати.
Чи не видишь, сыну, не дармо я плачу:
Верни, верни нынѣ, най тя ще зобачу,
И будь вѣрнымъ сыномъ, пристань до серденька,
Я тя попрощаю, Русьска твоя ненька!

Якъ горошокъ затыркоче,
Тогды Ганя спати схоче.

8.

Мати Квѣтка годовала,
И на свѣтъ го высылала:
«Иди, Квѣтку, межи люде!
Може тобѣ лѣпше буде.» —
«Бодай, мати, не служити,
Бо не можна догодити:
По колѣна хусты краютъ,
Ще до того проклинаютъ:
Бодай же сь ихъ не сходило,
Бо сь на нихъ не заробило!»

9.

Колысала, лелѣяла,
Послуги ся надѣяла:
«Ой хцешь люляй, хцешь не люляй,
Послуги ся не надѣяй!
Бо якъ умру, то не буду,
Якъ дорóсту, въ вóйну пóду,
Пóду въ вóйну воёвати,
Чуджу кровцю проливати.» —
«Чуджа кровця не водица,
Проливати не годится.»

10.

Люляй, дѣтя, безъ повитья!
Прійде мати, повине тя;
Прійде мати повивати,
Марысеньцѣ цицй дати.

11.

Шкода лѣса Лебедина,
Же въ нѣмъ нема соловѣя:
Нема кому рано встати,
Дѣтятойку приспѣвати:
Люлю, люлю, люлю, люлю!
Спи, маленькая Ганулю!

12.

Колысала баба дѣда
Отъ поранка до обѣда:
«Ой спи, дѣду: бодай 'сь не вставъ,
Кобы ми ся иншій доставъ!»

13.

А на кота дригота,
На дѣтину дрѣмота,
Бодай спало, не плакало,
Бодай росло, не болѣло,
Отцю, мамцѣ, на втѣшеньку,
Добрымъ людямъ на славоньку!

(Всѣ 13 Перемышльскаго У. отъ Св. Іосифа Лозинскаго.)

14.

«Спи, дѣтятко! Колышу тя,
Якъ ми заснешь, отôйду тя,
Поставлю тя пôдъ липками,
Сама пôду съ Козаками.» —
«Не отходи мене, мати!
Хто жь мя буде колысати? —
«Поставлю тя на липоньцѣ,
На липовôй галузоньцѣ:

Буде вѣтрець повѣвати,
Буде тебе колысати;
Пôд з дощикъ, скупаю тя,
Буде сонце, загрѣю тя,
Будутъ пташки прилѣтати,
Будутъ тобѣ щебегати.»

(Изъ Львовскаго У. отъ Никиты Олексова.)

15.

(Паул. II, 66.)

Ой спи, дѣтя! Колышу тя,
А якъ заснешь, полишу тя,
Заснешь рано, вôдойду тя,
Вôдойду тя пôдъ вербами,
Сама пôду съ Козаками:
Съ Козаками кашу ѣсти,
А съ Панами разомъ сѣсти.

16.

Ой люлю, малый Квасеньку,
Ой люлю, люлю!
Ой тато на подолю,
А мамуня въ полю.

17.

Ой поломалася
Колысонька новая,
Ой забилася
Дѣтинка малая:
Не такъ же ми жаль
Колысоньки новои,
Ой якъ же ми жаль
Дѣтинки малои!

Русскіе горцы Сяноцкаго уѣзда села Криволки въ западной Галичинѣ.

III.

ПѢСНИ ВЕСЕЛЫЯ И ОХОЧІЯ.

а) Шуточныя и насмѣшливыя.

1.

(Паул. II, 480.)

Мала стара бабусенька
Чотыри донѣчки,
А всѣ були такѣ гладенькѣ,
Якъ ластовочки,
Хорошенькѣ, молоденькѣ,
Въ личку румяненькѣ,
Высоченькѣ, пухнатенькѣ,
И чорнобривенькѣ.
Отъ такѣ носатѣ,
А такѣ зубатѣ,
Такѣ черевatѣ,
А такѣ цицатѣ.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Теперь треба старатися
О кавалеренькѣ,
Щобы були статечныи
И ремѣсниченьки,
Хорошенькѣ, молоденькѣ,
До того щиренькѣ,
Не гнѣвливѣ, не сварливѣ,
Єще побожненькѣ;

До роботы, до порады,
Розумнй головы:
Съ таковыми мужоньками
Веселй розмовы.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Первую доньку выдала
Отъ за хлѣбороба:
Була то така для неи,
Удатна особа:
Веселенькій, здоровенькій,
Можна го любити.
Не журится, не сиутится,
Съ такимъ добре жити.
Вонъ такій головатый,
А такій ухатый.
Отъ такій окатый,
А такій носатый.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Другую доньку выдала
Тожъ за ситарчика.
Также за хорошенького,
И господарчика.
За златного, за щирого,
Своего Федуня,
Котораго полюбила,
Якъ своего дѣдуня:
Бо вонъ такій великій,
И такій грубенькій.
А такій дуже вусатый,
И такій зубатый.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

Третую доньку выдала
Ще за рыболова,
Въ которого также була
Розумна голова,
А до того такъ здатного,
Жвавого хлопака;
Бо у него завсе охота
И мѣна однака.
Отъ такій вонъ бородатый,
До того шмаркатый,
И такій дуже горбатый,
Ажь тяжко сказати.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Четверту доньку выдала
Вже за дударчика,
За годного, тверезого,
Капелмайстерчика.
Якъ на дуды вонъ заграе,
Серце ся радуе,
Добре собѣ поступае,
Хорошо спѣвае:
А вонъ такій дородненькій,
Такій щербатенькій,
Хотя трохи дзюбатенькій,
Однакъ же миленькій.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Ото жь теперь зостałася
Сама бабусенька,
Усе ходитъ, все сумуе,
Же сама бѣдуе.

«Охъ тяженько то для мене
Все тое зносити,
Коли я не маю до кого,
Потреба самôй робити.
Якъ тôлько що змогу,
Не ходити, не журити,
Понехати тугу.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Выйду собѣ за ворота,
Буду ся дивити,
Може котрый зять мôй ѣде,
Треба привитати.
Вôтъ такъ ёго до хатокьки
Миленько просити,
Пріймy ёго щире въ гостѝ
Дамь ѣсти и пити,
И постёлку для него
Ладно застелити,
И сама ся я буду
Съ того веселити.
Ой тра ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* * *

Щось гуркотитъ, и туркотитъ,
И гостѝ веде:
Ото першій мôй зятенько
Въ гостину иде;
Але жъ бо не порожненько,
Возокъ хлѣба везе:
Татови круглый бохонець,
А мамонцѣ булку,
А дитинятамъ, тѣмъ небожатамъ,
По медôвничкови,

По маленькому,
По тиценькому,
По солоденькому,
По жовтенькому.
Ахъ потѣхонько жь ты моя,
Така щирость твоя!
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Отъ и другій, коханый,
Зять мôй пріѣзжае,
Для кождого подарунки
Охочо роздае:
Батенькови старенькому
Великанске ситце,
А матѣньцѣ до пшенички
Модненьке решётце,
А дитиняткамъ, тѣмъ воробяткамъ,
По решеточку,
По тиценькôмъ,
По малесенькôмъ,
Такимъ кругленькôмъ,
Самимъ новенькôмъ.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Третій зятенько пріѣздитъ,
Вôзъ рыбы везе,
Передъ кождымъ въ дарунку
Рыбоньку кладе:
Батькови кладе щупака,
А матѣньцѣ судака,
А дитинятамъ, тымъ небожатамъ,
По дрôбнôй рыбцѣ,
По такôй маленькôй,

Невеличенькóй,
А такóй рѧбенькóй,
А еще живенькóй.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

* *
*

Єще хтось тамъ тарахкотитъ,
Выйду, подивлюся,
А то четвертый зятенько:
«Радуйся, бабусю!»
Четвертый зять иде,
Самѝ дуды несе,
Батенькови и матѐньцѣ
Въ подарунку дае:
Батенькови довгу трубу,
А матѐньцѣ другу,
А дитиняткамъ, тѣмъ небожаткамъ
По сопѣлочцѣ:
Отъ такѝ довгенькѝ,
А такѝ маленькѝ,
Ще такѝ тоненькѝ,
А такѝ кругленькѝ.

* *
*

Веселенько, хорошенько,
Собѣ поступае,
Бабусенька, матусенька,
Ажь ся росплывае.
Теперь я вамъ на дудочку
Заграю, заграю,
Хорошенько, веселенько,
Заспѣваю.
Ой тра-ра-ра, да-да-да,
Хорошая молода!

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

2.

Гей, пріѣхавъ Козакъ
До Жида на шабашъ:
«Якъ ся Жиде, маешь?
Що ты ту порабяшь?
Заспѣвай ми теперь,
Тôлько, щобы гарне!»—
«Заразъ, заразъ; нехай собѣ
Пригадаю, Пане!

* * *

Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, та й напавъ,
Коль мене Панъ, бѣдный Жидъ!
Тутъ заставъ, тутъ заставъ:
Ахъ вай же мйръ!
Въ одномъ часѣ
На горѣ, на горѣ,
Танцювали Жидôвскіи
Бахурй, бахурй.
Зугъ же швиндъ, гай-лы-лы!
Мйтъ дй швестеръ, гай-лы-лы!
Гйтъ майне киндеръ,
Пакъ, пакъ, пакъ,
Ахъ вей вйндеръ,
Такъ, такъ, такъ!
Іосылы, Мойсылы,
Гифъ, гифъ, гифъ!
Татылы, мамылы,
Рифъ, рифъ, рифъ!
Ахъ вай мйръ!

* * *

«Закличь но ми, хлопче,
Того Жида Юдки,
Нехай намъ тутъ принесе
Пейсашнои вудки!» —

«Нема въ мене такого,
Якъ ся Пану хоче.»—
«Букомъ Жида песёго,
Повыбивай очи!»

* * *

«Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, и проч.

* * *

«А ну, пôди, хлопче,
До Жида Шумира,
Нехай дае заразъ
Швайцарского сыра!»—
«Нема въ мене того,
Милостивый Пане!»—
«Нагаёмъ по плечахъ,
Заразъ тутъ сыръ стане.»

* * *

«Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, и проч.

* * *

«Здало бы ся пôти
И до Жида Хива,
Щобы намъ ту принёсъ
Вôвсяного пива.»—
«Ахъ вай, вôтки взяти?
Въ себе не тримаю.»—
«Сей часъ менѣ дати!
Я о тôмъ недбаю.»—

* * *

«Теперь на мя чорный гôдъ,
Та й напавъ, и проч.

«Поди еще, хлопче,
До Жида онъ того,
Щобы вôнъ пошукавъ
Меду, та твердого!»—
«Нема въ мене меду;
Скажѣть, добры люде!»—
«Палашомъ по плечахъ,
И твердый медъ буде!»

* * *

Теперь на мя чорный годъ
Та й нопавъ и проч.

* * *

«Пôшла 'мь моя арендонька
На файферъ, на файферъ,
Коли мене той Панъ Козакъ
Съ всёго здеръ, съ всёго здеръ!

* * *

Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, и проч.

* * *

«Теперь треба пôти
До тои комурки,
Пошукати собѣ
Твоей красной сурки.» —
«Ахъ вай, Пане!
Що ся стане,
Якъ Панъ саму суру
Въ комôрцѣ застане!» —

* * *

Пôшла жь моя арендонька
На файферъ, и проч.
Теперь на мя чорный гôдъ
Та й напавъ, и проч.

«А ну, хлопче, Жида
Нагаёмъ съ горы,
Щобы выйшла его сура
Сейчасъ съ коморы.»
Ажь тутъ и сура
Съ коморы выходитъ,
Жидъ въ великóмъ смутку
Въ голову заходитъ.

* *
*

Теперь мои арендоньки
Пропали, пропали,
Уже мои суроньки
Передъ Пана повели.
Въ однóмъ часѣ
Ахъ вай же мйръ!
На горѣ и проч.

* *
*

«Бери собѣ, Жиде,
Ту суру свою,
Та памятай собѣ
На ласку мою!»—
Ахъ вай мйръ, ахъ вай мйръ!
Яки менѣ ласки,
Коли мои суреньки
Вóдбували траски.
Бодай ты ся, Паночку,
Искрутивъ, искрутивъ,
Що ты мою суроньку
Истрафивъ, истрафивъ.
Ахъ вай же мйръ и проч.

* *
*

«Теперь давай грошй,
Що 'сь много набравъ,
Сидя на арендѣ,
Людей обдиравъ!» —

«Не бравъ я даремно
Ничого у нихъ,
За що теперь позбавляюсь
Всѣхъ грошей моихъ?
Грошй мои, грошй
Забрали, забрали,
Мое любе суроньки
Страфили, страфили!
Ахъ вай же мйръ!
Въ однôмъ часѣ
На горѣ, на горѣ,
Танцовали Жидовскіи
Бахурй, бахурй.
Зугъ же швиндъ, гай-лы-лы,
Мйтъ дй швестеръ рай-лы-лы-лы!
Гйтъ, майне кйндеръ,
Пакъ, пакъ, пакъ,
Ахъ вей вйндеръ,
Такъ такъ, такъ!
Іосылы, Мойзылы,
Гифъ, гифъ, гифъ!
Татылы, мамылы,
Рифъ, рифъ, рифъ!
Ахъ вай мйръ!

(Изъ Тернопольскаго Уѣзда.)

3.

(Паули II, 41.)

Ой пріѣхавъ Козакъ до Жида на сабашъ:
«Помогай Бôгъ, Жиде! Якъ же ми ся машь?
Ой та кажутъ люде, що ты грошй маешь.» —
«Нема пакъ, заплативъ емь за чопове.» —
«Ой ты, чура маленькій,

Та подай бучокъ тугенькій!
Най забью Жида, Жидовина,
Негôдного сына!»
«Ну що пакъ, маешь всѣ мои грошѝ.»

* *
*

«Помогай Бôгъ Жиде, якъ же ми ся маешь?
Ой та кажутъ люде, що ты красну жёнку маешь.» —
«Нема пакъ, десь пôшла.»
«Ой ты, чура маленькій,
Та подай бучокъ тугенькій!
Най забью Жида, Жидовина,
Негôдного сына!» —
«Хаюню! Хаюню, кѝмъ, кѝмъ!»

* *
*

«Помагай Бôгъ, Жиде, якъ же ми ся маешь?
Повѣдаютъ люде, що ты красно танцуешь.» —
«Не годится, пакъ бо сабашь.»
«Ой ты, чура маленькій,
Та подай бучокъ тугенькій!
Най забью Жида, Жидовина,
Негôдного сына!»
«Ой трандоромъ! трандоромъ!
Передъ Паномъ Федоромъ!
А ты, сабашъ, не дивуй,
Бо ты видишь клопôтъ муй!»

4.

Хотѣла мене мати
За одного дати:
А той першій,
Малый недовершій,
Та не дай мене, мати!

Хотѣла мене мати
За другого дати:
А той другій
Недолугій,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За третёго дати:
А той третый
Дуже впертый,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За четвертого дати:
А той четѣрый,
Хоче вже вмерти,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За пятого дати:
А той пятый
Довгопятый,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За шостого дати:
А той шостый
Грае въ кости,
Та не дай мене, мати!

* *
*

Хотѣла мене мати
За семого дати:

А той семый
Сумный, невеселый,
Та не дай мене, мати!

* * *

Хотѣла мене мати
За восьмого дати:
А той осмый
Не дорослый,
Та не дай мене, мати!

* * *

Хотѣла мене мати
За девятого дати:
А той девятый
Не поставитъ хаты,
Та не дай мене, мати!

* * *

Хотѣла мене мати
За десятого дати:
А той десатый
Гожій, вусатый,
Красный, богатый,
Ой вóддай же мене, мати!

5.

Кажутъ менѣ люде, жебы 'мь оженився,
Щобъ по ночи не ходивъ, та й не волочився.
Оженившися, треба о всѣмъ знати,
Треба жёнку, треба дѣти, чимъ погодовати.
Выправила мужа та въ поле орати,
Сама пóшла молода до мѣста гуляти:
Не свари жь мя, мужу, що 'мь ся забавила,

Бо 'мь не знала, де орешь, по полю шукала.»
Ой идетъ мужъ съ поля бѣдный стогнучи,
Єго жёнка весела зъ мѣста гукаючи.
Шкода моєй жёнки, якъ гладко збрехала,
Казала, же блудила, а въ мѣстѣ гуляла.
«Бо́льше, моя жоно, не чини ми того,
Дай же теперь вечеряти, чи не маєшь чого?»—
«Ой ты жавъ въ полю, я гуляла въ мѣстѣ,
И хто жь тобѣ мавъ бы дома наварити ѣсти?
Коханый мо́й мужу, вчини жь мою волю,
Поскачи жь ми гайдука тутъ передо мною!»
А мо́й мужичище взявся за бочище:
«Ото жь, жоно моя люба, тобѣ гайдучище!»—
«Дивѣть же ся, люде, що 'мь зле учинила,
Що я мужа своёго гайдука навчила!»

6.

Ой прійшла сосѣда
По огонь до школы,
Та зачала зачёпати
Дяченька по воли:

* * *

«Прійди, дяче коханый!
Бо 'мь тя сподобала:
Наварю ти варяниць
Щобъ челядь не знала.»

* * *

Нерозважный Дячище
На по́дмову дався,
Скоро прійшовъ до хаты,
На постелю вклався.

* * *

Прійшовъ зъ корчмы чоловѣкъ,
Жёнки ся пытае:
«На постели хто лежитъ,
На тебе кивае?

Скажи менѣ конечне,
Що за-гостй маешь!»
А Дякъ тихо ей шепче:
«Що, Гандзю гадаешь?»—

* *
*

«Охъ я, милый, гадаю
Ни чо не казати,
Волю тое сама все
На собѣ здержати.»

* *
*

Догадався бачный Дякъ,
Вôкномъ утѣкае:
«Подай шапку и поясъ,
Най не пропадае!»

* *
*

Розôгнався чоловѣкъ,
Въ одвѣрокъ затявся,
Ударився, що ажь впавъ,
Ледво спамятався.

* *
*

«Чи ты, мужу, ошалѣвъ,
Чи може такъ впився?
Чого съ бучкомъ и за кимъ
По двору гонився?

* *
*

А ты въ ночи волочишься,
А я сама сиджу,
Якъ тôлько я спати ляжу,
Никого не виджу!»—

«Що за лихо такое
Побѣгло въ воротѣхъ,
Впередъ мене не мале,
Въ червоныхъ чоботѣхъ!»—

* *
*

«Я ту сама сидѣла,
Богу ся молила,
Жебы тебе зла хвиля
За все не минула.»—

* *
*

«Слухай, жѣнко, не клени,
Бо я чоловѣкъ твôй:
Вольно ми ся напити,
Та й прійти въ домъ свôй.»

* *
*

Ой прійшовъ кумъ до кумы:
«Щобъ съ жѣнковъ робити?»—
«До бороны запрячи,
Та й нёвъ волочити

* *
*

Выложивши зъ бороны,
Треба вбрати въ ярмо:
«Теперь, жѣнко, погуляй,
Не ѣжь хлѣба дармо!

* *
*

«Якъ розберешь изъ ярма,
Вложи въ тое рало,
А бій потôмъ, кôлько хочь,
Щобъ за твое сталo!»

7.

Пѡшовъ дѣдъ по грибы, баба по пѡдпеньки,
Дѣдъ свои посушивъ, бабы всѣ сыренькѣ.
«Ой жебы ты, бабуненько, та на твои мысли,
Були бъ твои лупиночки та зъ моими высхли.
Ой жебы ты, бабуненько, мене послухала,
То бы 'сь пѡшла на лотоки, та бы 'сь ся скупала!»
Пѡшла баба на лотоки, та й тамъ утонула,
Дѣдъ за бабовъ шукаючи, баба поплынула.
Тече вода зъ пѡдъ города, берегами рѣже,
Иде дѣдъ изъ весѣльѣмъ, баба зъ воды лѣзе:
«Помагай, Бѡгъ, дѣдуненьку, и матери твоёй!
Така въ мене синя дымка, якъ у молодой.»

8.

Вчора була голя, голя, а нынькы неволя,
Кажутъ мене на панщину, головонько моя!
Якъ ми скажутъ до роботы, волѣвъ бы я вмерти,
Якъ заграютъ ми музыки, то йду въ переверты.
Сюда бѣда, туда бѣда, а въ Павловѣ гараздъ,
Якъ не выйду на панщину, покладаютъ заразъ;
А Сикора покладае, Вергониць тримае,
А Вококонъ изъ паличковъ коло задку граe.

9.

Ой ходила Гуцулиха зъ горы на долину,
Та носила Гуцулеви въ жменѣ солонину:
«Эй, Гуцуле, Гуцуленьку, треба трохи сѣсти,
Маю въ жменѣ солонину, будемъ трохи ѣсти!»—
«Ой Гуцулы, Гуцуленьки, де вы батька дѣли,
Чи зварили, чи спекли, чи сырого зъѣли?»—
«Не зварили, ни спекли, ни сырого зъѣли,
Лишь до сыроі земли до суду зложили.»

10.

«Та головонько бѣдна,
Чого ты такъ сблѣдла,
Чи ты жито жала,
Чи 'сь въ недузѣ лежала?»—
«По рынку ходила,
Медъ, горѣлку, пила,
Веселенька була.
Пóду я до комнаты,
Буду умерати,
А мóй милый,
Голубонько сивый,
Буде жаловати.
А óнъ ставъ, зажурився,
Та й пóшóвъ, пóдголився.
Прійшло три дѣвонци,
Хтѣли навѣджати,
А вóнъ взявъ ся выбирати,
Котру бы си взяти.
«Взявъ бы 'мь си ту высоку,
Ту высоку, чорнооку,
Кобъ хтѣла робити
И мене любити,
До инчого не ходити.»—
Дѣти вчули, взяли плакати:
«Ой мати! мати! Где жь тебе взяти?
Ни тя заробити,
Ни тя откупити,
Где жь тебе взяти?
Заберемося за руки,
Пóдемо служити,
Не маемо, где мати
Рóдненькую взяти.
А другая мати
Буде насъ бити,
Не буде любити!»

«Ой волѣла бы я
Молодовъ вмирати,
Нѣжь мала бъ по слюбѣ
До роду вертати.»

11.

Була въ мене жононька,
Була въ мене добренька,
Выправила мене въ лѣсъ по дрова,
Дала менѣ сокиру тупую,
Що бъ я утомився,
Въ лѣсѣ забавився.
А менѣ Богъ погодивъ,
Що 'мь сокиру уломивъ,
Та й я не втомився,
Въ лѣсѣ не бавився.

* *
*

Прихожу я до домоньку,
Мене жёнка лае,
Ой а свои кавалеры
Вокномъ выпускае;
А менѣ Богъ погодивъ,
Що 'мь одного въ вокнѣ ймивъ,
Та й я не набився,
Лише надрочився.

* *
*

Мене жёнка просить дуже:
«Ты, мой милый муже,
Та не бій его уже,
Але пусти, та дивися,
Якъ вонъ бѣжитъ дуже!»

12.

Оженився чоловѣкъ—
Пôшовъ ёму марне вѣкъ:
Жёнка не хоче робити,
Нема ёй въ чёмъ ходити.

* * *

«Продай, милый, чабаны,
Купи менѣ чоботы,
Щобы я ся обула,
И такъ выйшла, якъ друга!»

* * *

Уже в'на ся обула,
И такъ выйшла, якъ друга.
Выйшовъ милый на гору,
Несе хомутъ на шею:

* * *

«Ой, на жъ тобѣ, моя мила,
Щобы 'сь дрова менѣ возила!»
Выѣхавъ вôнъ на гору,
Та бье милу по чолу:

* * *

«Ой по малу, моя мила,
Щобы 'сь хомутъ не зломила!»
Пріѣхавъ вôнъ до дому,
Дае ѣсти солому:

* * *

«Не буду я того ѣсти,
Хочу собѣ троха сѣсти,
Троха сѣсти, троха сѣсти,
Не буду того ѣсти!»

13.

Було менѣ копа лѣтъ,
Завязавъ я собѣ свѣтъ: 2. *
Взявъ я собѣ молоду,
Самъ перейшовъ на бѣду.
Здавалася молода,
Она 'сь стара, якъ бѣда:
И робити не хоче,
Встане рано, воркоче.
Ино бъ ѣла и пила,
И добре ся сварила.
И добре ся сварила
И до корчмы ходила.
И до корчмы ходила,
И все въ корчмѣ гуляла.
Казала си спѣвати,
Не хтѣвъ я ёй слухати;
Не хтѣвъ я ёй слухати,
Взяла мене бухати.
Якъ зачала бухати
Мусѣвъ я ю слухати.
Мусѣвъ я ю слухати,
Взявъ я ёй спѣвати.
«Спѣвай, мужу, весело,
Бо я иду въ околo!»
Якъ зачала гуляти,
Тяжко було стримати.
Не вѣрь бабѣ до сто лѣтъ,
Умре баба, пóдири плóтъ:
Якъ ся той плóтъ розірвe,
Вѣтеръ бабу понесе.

---

* Такъ вездѣ послѣ втораго стиха.

14.

(Паул. II, 120.)

Мысливъ емь ся оженити, та й не маю чого,
Нестає ми десять грошей до пôвъ золотого.
Ни что же, небоже, про пôвъ золотого,
Маю жь бо я та й пять грошей, що жь кому до того.

* * *

Не такій то страхъ великій, якъ кажутъ юноши;
Не журюся, оженюся про тыхъ десять грошей!
Ни что же, небоже, про тыхъ десять грошей,
Єднакъ собѣ буду глядавъ дѣвчины хорошей.

* * *

Мовятъ люде: «Не журися! Гараздъ тобѣ буде:
Будешь мати при кѣмь спати, хоть хлѣба не буде!»
Ни чъ зъ того, небого! Хоть хлѣба не буде,
Пôдемъ зъ торбовъ по жебранье, та намъ дадутъ люде.

* * *

А ни хлѣба, а ни каши, а ни власной хаты,
Хоть намъ хто що подаруе, нема где сховати.
Ни чого, небого! Хоть не маемъ хаты,
Въ лѣтѣ въ лѣсѣ, въ зимѣ въ мѣстѣ, будемо мешкати.

* * *

Єще днеська пôвъ несчастья, гды зостаемъ самы,
Але, якъ намъ Богъ дасть дѣти, що то буде зъ нами!
Ни чь зъ того, небого! Добре буде зъ нами,
Будемъ дѣти продавати, зôстанемъ панами.

* * *

Не журися, оженися: гараздъ тобѣ буде,
Будешь мати при кѣмъ спати, хоть хлѣба не буде
Не давно 'мь ся оженивъ, пôшло ми рукою,
Жёнка пôшла за борщёмъ, а я за мукою.

15.

(Паул. II, 104.)

Бивъ мене мужъ
Три разы южь:
Привязавъ ниточку
На соломиточку,
Кôсть втеребивъ.

* *
*

Я съ того зла
Спати легла,
А вставши раненько,
Заколь ся видненько,
Та поснѣдала.

* *
*

Зъѣла 'мь вола,
И барана,
И чтыри качочки,
И горнець кашочки,
Єще 'мь голодна.

16.

(Паул. II, 103.)

Породила чечотонька семеро дѣточокъ:
Авдосю, Февросю, Варварину, Катерину,
Горпину, Марину, Настусю свою.
Згодовавши чечотонька, за мужа дае:
За Захаря Явдосю, за Макара Февросю,
За Давида Варварину, за Димида Катерину,
За Романа Горпину, за Степана Марину,
За Ивана Настусю свою.

Запросила гостей до себе, зятей и дѣтей,
И близкихъ пріятелей на банкетный день;
Були гостѝ изъ далека: изъ Кракова Панъ Мацько,
Изъ Варшавы Панъ Дацько, изъ Кіева Ксаверко;
Стройно, гойно, гучно, бучно попріѣжджали,
Въ соболевыхъ ковпакахъ и въ злоцистыхъ поясахъ,
И червоныхъ чоботахъ и ферезіяхъ.

* * *

Були Панны молодыи: Кася, Гася, Гануся,
Зося, Дося, Маруся и Магдалина,
Околенько, кругло увивалися,
Скакали, плясали, медъ, вино, попивали,
И пивомъ ся подхмеляли и горѣлицею.

17.

(Паул. II, 153.)

Била жёнка мужика,
Пòшла позывати,
Присудили мужику,
Щобъ жёнку прохати.

* * *

Сидитъ жёнка на припечку,
Нòжки пòдопхавши;
Стоитъ мужикъ у порога,
Шапочку изнявши:

* * *

«Прости мене, моя мила,
Що ты мене била!
Куплю тобѣ гарнець меду,
Коновочку пива.»—

Якъ емь выйшовъ на село, сѣвъ собѣ на горбѣ:
Позазирамъ сюда, туда, цѣ суть дѣти въ торбѣ.
Гопъ, цупъ, цумандра,
Цумандриха молода!

* * *

Заколь емь ся не оженивъ, штырма конми лятавъ.
А якъ емь ся оженивъ, чапковъ буты латавъ.
Гопъ, цупъ, цумандра,
Цумандриха молода.

20.

(Т. II, 474.)

Ишовъ Ляшко изъ Варшавы,
На нѣмъ были сукнѣ шары,
И шабличка у бока,
Не боявся Руснака.

* * *

Бѣда Ляшка покусила,
Та увойшовъ до Русина,
И шапочку не изнявъ,
«Помагай Бо̀гъ! не казавъ.

* * *

Ишовъ Ляшко по надъ луги,
А тамъ оре Русинъ съ плугы,
Почавъ Ляшко думати,
Што мать сму казати.

* * *

Думавъ Ляшко до повдня,
Пошовъ тишкомъ до плуга,
И шапочку не изнявъ,
«Помагай Бо̀гъ!» не казавъ

«Давай, жено, батога!
Буду вчити Ляшка я,
Якъ шапочку знимати,
«Помагай Бôгъ!» казати.

* *
*

Ишовъ Ляшко дорогою,
Надыбавъ гусь надъ водою:
«Помагай Бôгъ!» бѣла гусь,
«Навчила мя тая Русь.»

* *
*

Стрѣтився съ нимъ медвѣдь куцый,
Ляшко думавъ, же то Русинъ,
Схопивъ чапку борзенько,
Поклонився низенько.

* *
*

Медвѣдь ся съ нимъ поигравъ,
Голову му обôдравъ:
«Вставай, Ляшку, не лежи,
Шѣ ся зо мновъ подержи!»

(Изъ села Вѣровы Земплинскаго Уѣзда.)

21.

Ишовъ Ляшокъ долѣ селомъ,
И здыбався изъ Русиномъ,
Ни шапочки не знимавъ,
Ни «Помай Бôгъ!» не казавъ.
А Русинъ го догонивъ,
За чуприну го зловивъ,
Та за уха накрутивъ:
«Ой такъ, Ляше! Добре знай,
«Помагай Бôгъ!» вôддавай!»

Пôшовъ Ляшокъ дороговъ,
Здыбавъ гуси надъ водовъ,
Вôнъ шапочку издоймивъ,
Низенько ся исклонивъ:
«Помагай Бôгъ!» бѣла гусь,
«Навчила мя твоя Русь!»

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

22.

(Т. II, 565.)

Журилася попадонька та своёвъ бѣдою,
Же достала хлопа Попа съ длуговъ бородою.
Албо мѣнѣ трудно, албо мѣнѣ нудно,
Попа съ бородою любити мй трудно.

* * *

Зазвали насъ на крестины, казали мй сѣсти,
Что посмотрю на бороду, не дай, Боже, ѣсти!
Албо мѣнѣ трудно и пр.

* * *

Зазвали насъ на весёля, бы 'мь ся веселила,
Что посмотрю на бороду, та 'мь ся зармутила.
Албо мѣнѣ трудно и пр.

* * *

Зазвонили и до церкви Богу ся молити,
Что посмотрю на бороду, не можь говорити.
Албо мѣнѣ трудно и пр.

* * *

Рѣжьте гуси, рѣжьте куры, рѣжьте и индики,
Попрёгайте кониченьки, пôду до Владыки.
Албо мѣнѣ трудно и проч.

А Владыка ей такъ повѣвъ: «Мусить ужь то быти,
Съ Попомъ съ бородою ажь до смерти жити.»
Албо мѣнѣ трудно, албо мѣнѣ нудно,
Попа съ бородою любити мѣ трудно!

(Изъ Угорской Руси.)

23.

«Де есъ бывъ, де есъ бывъ, мой товарѣшу?» —
«При млынѣ въ Будѣнѣ, серце Марѣшу!»

* * *

«А што 'съ тамъ робѣвъ, мой товарѣшу?» —
«Муровавъ, будовавъ, серце Марѣшу!»

* * *

«А што 'съ заробивъ, мой товарѣшу?» —
«Сто златы дукаты, серце Марѣшу!»

* * *

«А де 'съ ихъ подѣвъ, мой товарѣшу?» —
«Проѣвъ емь, пропивъ емь, серце Марѣшу!»

* * *

«А якъ ты зомрешь, мой товарѣшу?» —
«Эй зомремъ, ей зомремъ, серце Марѣшу!»

* * *

«Де тя поховати, мой товарѣшу!» —
«При крѣжу на брѣжю, серце Марѣшу!»

* * *

«А якъ тѣ звонѣтѣ, мой товарѣшу?» —
«Склянкамѣ съ погарамѣ, серце Марѣшу!»

«Якъ за тобовъ плакати, мой товарйшу?» —
«Ихаха! Ихуху! серце Марйшу.»

24.

А цы ты, Ганйчко, найкрашша,
Же прй це злапали инаша?
Же прй це злапали въ коморе,
Далй му сто палйцъ на дворе;
Дали му сто палицъ, ёше пятъ,
Няй онъ фраиречку не трйма'тъ!

24.

У нашого орїонйсты
Єстъ тамъ чаповъ Дебрецйнскій
А другій, а такій,
Ажь по саме павлаки.
Тринди, ринди, бомъ!

* *
*

Ногавйцй габовы,
Изъ старого поставу,
Кйтавцй при руцѣ,
А цанйстра при боцѣ.
Тринди, ринди, бомъ!

* *
*

До цанйстры што треба,
За дудокъ ма повъ хлеба,
Повъ сйла съ препалки,
Помастити ремёпки.
Тринди, ринди, бомъ!

А кошуля дюндёва,
Сама верхйвчова,
Съ граховянковъ вышивана,
Съ бобовянковъ преплѐтана.
Тринди, ринди, бомъ!

* *
*

А хижа му курія,
Такъ нема ничъ, якъ и я:
Штыри колы, два плоты,
То презъ жадной роботы.
Тринди, ринди, бомъ!

(Изъ Угорской Руси.)

ПѢСНИ ВЕСЕЛЬНЫЯ И ОХОЧІЯ.

б) Небыличчныя.

1.

Зôбралася звѣрина
До своей громады.
Посадила медведя
За столомъ до рады;
Стали раду радити,
А кого бъ ту женити?
„Оженѣмо заяця,
Хорошого молодця.“ —
„Яку ему жêнку дати? —
„Куну молодую,
Щобъ по лѣсѣ не гукавъ.
Щобы заяць жêнку мавъ:
Тхôръ ему за дружбу,
Хомикъ за пôддружбу,
А лисъ за свата,
Вовчокъ за старосту.
Дикій цапъ, дикій цапъ,
Такъ коровай крае,
А все тую пôдошевку
Та до горла пхае:
Дика свиня господиня,
Ѣстоньки варила,
Дикій кацюкъ доношувавъ
То меду, то вина:
Ласички, пôдласички,
Скачуть коло лавки:

«Бѣдна наша головонько,
Кобы намъ цымбалки!»
А ѣжь яблукъ по̂дносивъ,
Вевёрки орѣхи:
«Дзѣнкую вамъ, мили гости̂,
То наши̂ потѣхи̂.»
А хрущъ упився,
На сову звалився,
Сова жартовъ не знала,
Хруща въ пысокъ затяла;
Канарокъ музыка,
Соловёй басистый,
А ко̂съ чорненькій
Вже не мавъ, где сѣсти.
Прійшовъ заяць до куны,
На: «Добры день!» грати,
Пытаеся во̂нъ куны:
«Чи е дома мати?» —
«А що тобѣ до того?
Моя мати дома,
А я тебе полюбила,
Хлопця молодого.»
Сидитъ куна за столомъ,
Набралася злости:
«А я тебе полюбила,
А ты куцофостый!»
Молодая куна
Кошту по̂доняла,
Та побѣгла до села,
Курчатъ налапала:
Наварила горнець мяса,
Напекла печени̂,
Якъ прилетѣвъ яструбище,
Забравъ въ обѣ жмени̂.
Сидитъ заяць на межи,
Низенько склонився:
«Слава Богу Найвышому,
Що я оженився!»

Якъ пріѣхавъ панъ Козловскій
Зо своими псами,
Порозгонивъ звѣрину
Темными лѣсами.

(Отъ слѣпца лирника Ѳомы Зеленчука въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

2.

(Паул. II, 98; мой Сборникъ II, 550.)

Зафрасовався щеголь, мыслячи думае,
Же не хоче самъ сидѣти, женитися мае:
Полюбивъ собѣ синицю, барзо хорошую птицю,
Хорошую, молодую, воробля сестрицю;
Зголосивъ, запросивъ зо всеи громады,
Сокола до стола посадивъ до рады.
Орелъ мовить: «Не журися!»
Яструбъ каже: «Оженися!»
Сокôлъ каже: «Коли любишь,
Возьми собѣ, та й заслюбишь,
Взаемно, пріемно и цѣломудрно!»

* * *

Гукнувъ пугачъ на дружину:
«Що будемъ робити?»
А чижъ мовитъ: «Не фрасуйся!
Будемъ ѣсти, пити!»
Самъ панъ орелъ за старосту,
Шпакъ за дружбу,
Косъ въ ту службу,
Хрущъ съ крукомъ маршалкомъ,
Журавель хоружимъ,
А индикъ панъ синдикъ,
Боцянъ пôдхоружимъ,
Пава садитъ каретою,
Каня иде пѣхотою,

Куропатка, перепёвка,
Свашка, пристойная дѣвка,
А соя до покоя,
За паню сваху.

* * *

Шляхетный боцянъ,
Сѣвши близъ индика,
А журавель при боку
Самого синдика,
Орелъ сидитъ коло павы,
Напившись солодкой кавы,
А тетери шафранъ терли,
Даютъ обѣдъ собѣ;
А гусакъ ѣсть у смакъ
Кашу изъ росолюмъ,
Лебедь пье, гукае,
Сидячи за столомъ,
Орелъ бере за печеню,
Яструбъ набравъ повну жменю,
А каня ся запыхае,
Сорока вина додае,
А пава ласкава гостй частуе

* * *

Вставши гостй по обѣдѣ
Взялися до танцю;
Поглянувъ орелъ на паву:
«Пій, моя коханцю!»
А журавель сою поитъ,
Боцянъ съ канею ся строитъ,
За соколомъ зазуль коломъ
Напередъ ними,
Крогулецъ йде въ танець,
Взявши собѣ плѣшку,
Когутъ квакъ заспѣвавъ,

Выпивъ меду миску;
А гупалс даетъ знати,
Виватъ палить изъ гарматы,
Кочаръ пороху додае,
Бо му стрѣльбы недостае.
Все стройно, достойно и цѣломудрно.

* * *

Ёще ся на тôмъ не стало
И часъ ще збуває,
Що разъ бôльше гостей
Въ дому прибуває:
Прійшла чапля изъ роботы,
А чайка робитъ форботы,
Музыканты въ торобанты
Граютъ: «Добра нôчъ!»
Сковороики на скрипки,
Канарки спѣвали,
Яструбы на трубы,
Дудки на цымбалы,
Всѣ ластовки на свиставки,
Соловêи на обои,
Перепêвки на бандурки,
А бекасы тнутъ на басы,
Согласно, прекрасно и концептовно.

3.

(Паул. II, 94, мой Сборникъ II, 549.

Ой надлетѣвъ жукъ,
Та въ рѣченьку пукъ!
Прилетѣла его мати,
Стала жучка ратовати.
«Ахъ, мôй милый жучку,
Подай же ми ручку!»

А бѣдная мати
Пошла въ поле жати,
Свого сынка жучка
Лишила у хатѣ.
«Казала 'мь ти: Не гуляй,
По надъ рѣчку не лѣтай!
Бо якъ въ рѣчку впадешь,
У водѣ пропадешь.
Несчаслива мати
Якъ только изъ хаты,
Почавъ заразъ жучокъ
Крыльцѣ простырати:
«Полечу, поднесуся,
По всѣмъ свѣтѣ подивлюся,
О томъ моя мати
Не буде ни чь знати.»
Выхватився жукъ,
Полетѣвъ ще далѣй,
Та въ рѣченьку пукъ!
Почне такъ кричати,
Бы го ратовати:
«Мати, моя мати!
Не дай загибати!»
Несчаслива мати
Покидае жати,
Та своего сынка жучка
Летитъ ратовати,
Летитъ, поспѣшае,
Надъ рѣченьку припадае:
«Ахъ, мой милый жучку,
Подай же ми ручку!
Не хтѣвъ есь мя, жучку,
Сыну мой, слухати,
Теперь потопаешь,
Мене спомпнаешь.»
Ахъ, бѣдная мати
Почала плакати:
«Згину, розобьюся,

Въ тôй же рѣчцѣ утоплюся,
Абы 'мь тебе, жучку,
Держала за ручку.
Плынутъ рыбки, плынутъ,
Близше приплываютъ,
Мого сынка жучка,
Далѣй порываютъ,
И рвутъ и скубаютъ,
Порываютъ, просмыкаютъ;
Зъ мого сынка жучка
Не зостала й ручка!»

4.

Розигрався хоростѐль,
Та й впавъ у капусту,
Зловивъ єго Войткôвъ Мацько:
«А вже жь тя не пущу!»

* *
*

Що дѣявши хоростѐль,
Узявся просити:
«Пусти мене, Войтуню!
Пôду ти косити.»

* *
*

А вôнъ єго не пустивъ,
Узявъ го до хаты,
Посадивъ го на стôльчику,
Давъ цѣвки сукати.

* *
*

Суче, суче, хоростѐль,
Не даютъ му ѣсти,
Ой мусѣвъ же хоростѐль
Зъ бѣды въ грубу влѣзти.

Ой летѣвъ вонъ черезъ каглу,
Обсмаливъ си крылцѣ,
Та й вылетѣвъ на улицю
Межи чорнобровцѣ.

* * *

Выйшла къ нему дѣвчина,
Проситъ го до хаты:
«Ходи, ходи, хоростелю!
Дамъ ти обѣдати.» —

* * *

«Не поду я, дѣвчинонько,
Не маю где сѣсти;
Котка сидитъ на припечку,
Хоче мене съѣсти.»

5.

Два когуты, два когуты,
Жито молотили,
Два каплуны, два каплуны,
До млына носили;

* * *

А цапъ меле, а цапъ меле,
Коза насыпае,
А козлятко, небожатко,
Мѣрки водбирае;

* * *

Муха мѣситъ, муха мѣситъ,
Комаръ воду носитъ,
Котка пече, котка пече,
А котъ Бога проситъ.

6.

Косилъ заяцъ отаву,
Лишка пограбуе,
Комаръ копы поклада'тъ,
Муха потлачуе.

* * *

Комаръ ся ей залиця'тъ,
Хотѣлъ ся женити,
А муха ся повбѣцала
За жену му быти.

* * *

Видитъ муха комара,
Младенца дрѣчного,
Безъ жадного думанья
Хтѣла йти за нёго.

* * *

Такъ они ся порадили,
Свадбу удѣлали,
На ту славну гостину
Гостій закликали:

* * *

Бывъ врабель за дружбу,
Мачка за дружичку,
Блыщица ся присунула
Была за кухарку;

* * *

А ѣжа за ставника
Себѣ выволали,
А тхоря за маршавка
Себѣ поставили.

Былъ гавранъ за старосту,
А за сваху сова,
Копнулъ ю до хвосту,
Не рекла му слова.

* * *

И шелъ песъ чрезъ овесъ
Въ ремённомъ кабатѣ,
Мавъ острожки на ногахъ:
«Якъ ся тута мате?»

* * *

Танцовала свиня съ волкомъ,
Гусь на гуслехъ гула,
А срока ся подкасала,
До танцу ся дала.

* * *

Такъ и бѣла гнида
Фартухъ опасала,
Чревики на ножки вдѣла,
И такъ танцовала.

* * *

Ой той-то гостинѣ
Блыха ся дознала,
Сѣла себѣ до гинтова,
А тамъ понагляда.

* * *

Якъ навновала сѣдѣти,
Скакати почала,
Волкъ ей конѣ стражовавъ,
Она танцовала.

Дуже бо красна была,
На ней ся дивили,
А къ тому и швидка была,
На танець ю брали.

* * *

Ѣли, пили, гайновали,
Добрѣ имъ тамъ было,
Лемъ то бѣдна псота была,
Что зъ голоду млѣли.

(Изъ Угорской Руси. См. Грам. Лучкая 168.)

ПѢСНИ ВЕСЕЛЫЯ И ОХОЧІЯ.

в) *Праздничныя, круговыя и пировыя.*

1.

Гостѝ собранѝ,
На насъ ласковѝ,
Бы 'сьте у счастью пробували,
Въ радости ся розставали.
Гей, гостѝ, гей!

* * *

Що 'сьте ту приспѣли,
И насъ посѣтили,
Серця у заставъ отдаемо,
Вамъ умильно дякуемо.
Гей, гостѝ, гей!

* * *

Будьте веселѝ,
Якъ въ небѣ Ангелы!
Нехай вамъ доля спріяе,
Счастливости примножае.
Гей, гостѝ, гей!

* * *

Що есть, заживайте,
За насъ выбачайте:
Що не здаритъ можность наша,
Най покрые ласка ваша!
Гей, гостѝ, гей!

Пугары сповняйте,
Другимъ подавайте,
Выпивайте за здоровьє,
Славутное многолѣтствьє!
Гей, гостѝ, гей!

* * *

Укóнчивши пити,
Зачнѣте спѣвати:
Согласно всѣ заспѣваймо,
Бога разомъ выхваляймо!
Гей, гостѝ, гей!

2.

Сѣялъ мужикъ просо,
Жéнка каже макъ.
Ой такъ, ой такъ, такъ, 2.
Нехай буде съ проса макъ! 2.

* * *

Зловивъ мужикъ сойку,
Жéнка каже шпакъ.
Ой такъ, ой такъ, такъ,
Нехай буде съ сойки шпакъ!

* * *

Зловивъ мужикъ рыбу,
Жéнка каже ракъ.
Ой такъ, ой такъ, такъ,
Нехай буде съ рыбы ракъ!

* * *

Сѣє мужикъ жито,
Жéнка каже гречка.
Ой такъ, ой такъ, такъ,
Най не буде суперечка!

«Мужу жь ты, мой мужу,
Вчини мою волю:
Потанцюй же гопака,
Та й передо мною!»

* *
*

А мой мужичище
Взявся за бочище:
«Гопъ га! жёнко моя,
Най ся дѣе воля твоя!» —

* *
*

«Подивѣтся люде,
Що я учинила,
Що я свого мужика
Научила гопака!»

3.

«Напіймося, кумцю,
Напіймося, любцю!
Напіймося, кумоненько,
Сивая голубко!

* *
*

Напіймося нынѣ,
При своей родинѣ;
Завтра не будемо,
Бо ся розойдемо.

* *
*

Ой зъ вершёчка, кумцю,
Ой зъ вершёчка, любцю;
Ой зъ вершёчка, кумоненько,
Сивая голубко!

Половинку, кумцю,
Половинку, любцю;
Половинку, кумоненько,
Сивая голубко!

* * *

Ой до денця, кумцю,
Ой до денця, любцю,
Ой до денця, кумоненько,
Сивая голубко!

* * *

Цы тебе выпити,
Цы тебе вылити?
«Выпій мене до дна.
Бо я того година!»

* * *

«Нѝ на тобѣ цвѣту,
А нѝ ягóдочокъ,
А нѝ на мнѣ чобóтокъ,
А нѝ сукеночокъ!»

4.

(Паул. II, 91.)

Поки зъ вами бути, треба ся розстати,
Всѣхъ васъ ту притомныхъ треба пожегнати;
Вóдъѣзджаю вóдъ васъ до своего дому,
И кланяюся вамъ зъ особна каждому:
Кланяюся тобѣ, зацный господарю,
И дякую тобѣ за ужитокъ дару;
Нехай Богъ стократне надгородитъ тебѣ,
А по смерти бысь мы були разомъ въ небѣ!

Сли 'мь кого образивъ, то перепрашаю,
Чуле, щире, серце до каждого маю;
Даруйте образы, якй котрый мае,
А самъ нехай въ счастью, здоровью зостае!

* *
*

Бувайте здоровй, та й не забувайте,
Бувъ я вашь пріятêль, все мя споминайте;
Споминайте мене такими словами:
«Бувъ ту добрый хлопець, що ся бавивъ зъ нами!»

5.

Думйтрашку,
Подай фляшку
На склянки порожнй;
Наливаймо,
Выпиваймо,
Вразъ якъ подорожнй.

Хто все выпивае,
Сто лѣтъ най тревае,
Сто лѣтъ цѣлыхъ и веселыхъ,
Сто лѣтъ най тревае!

А хто пофалшуе,
Въ кучи най ночуе,
Сухо, тихо, гараздъ лихо,
Въ кучи най ночуе.

* *
*

Николайку,
Наливай-ко,
Зволь до Костантина,
Кость до Йвана,
До Степана
Степанъ до Семена.

Хто все выпивае и проч.

А ты, Юрку,
Покинь люльку,
Пій вино вразъ зъ нами!
А ты, Марку,
Возьми чарку,
Позвонѣмъ склянками!
Хто все выпивае и проч.

(Изъ Угорской Руси.)

6

(Паул. II, 527.)

Видимся во правдѣ всѣ грѣшныи люде,
А коли намъ часъ умирати буде,
Часъ умирати, страхъ помыслити,
А якъ ся намъ приде съ свѣтомъ розлучити;
А якъ приде тота година,
Кедь не есть паленкы, дай вина,
А кедь есть, то давайте, Пане,
Фляшу и другую!

* * *

А чьто я вамъ скажу, милостивый Пане,
Чьто бы то робити, кедь смерть не престане?
Оберннмся, и фукнимся, и дупнемъ ногою,
И такъ погрозимся: «Иди, смерте, по полю,
Бо я теперь гостѣ маю, не до того,
Коли въ мене фляшокъ много,
Фляшокъ на столѣ!»

* * *

А кедь тебе смерть не хочетъ послухати,
Та роскажи ты ей вонъ зъ хаты выгнати:
«Иди, смерте, на невѣрныхъ,
Не наставай на насъ правовѣрныхъ!

Бо мы ёщё хочемъ жити,
Хочемъ щё разъ ѣсти, пити,
То паленку, то винце,
Съ добрыма людми!»

* *
*

А вы, вельможный пане господарю,
Не робьте собѣ труды надармо!
Но коль пойдете во пивницу,
Наливайте повны склянкы, ай барилицу,
А принесте намъ ко столу,
А насъ сяде купа долу,
Пониженно и смиренно
Поклонимся вамъ.

* *
*

А вы, вельможна панѝ господинё,
Не кривдите собѣ, же ся въ васъ гостимо,
Але зарѣжьте то ту тлусту гуску,
А принесте намъ ей на закуску;
А якъ вы то уробите,
Намъ ту гуску принесете,
А мы знову зложимъ руки,
Поклонимся вамъ.

* *
*

А вы, кочишѝ, конѝ запрёгайте,
Хоть 'сте ни чь не ѣли, о то не гадайте,
Але фришно, не по малы, лемъ ся покагляйте:
Бо якъ панъ господарь впаде въ фантазію,
Якъ собѣ выломитъ изъ плота дубову фузію,
Зъ нёвъ почне по насъ стрѣляти,
Ганьба намъ буде всѣмъ утёкати,
Всѣмъ утёкати.

* *
*

Лѣпше бы намъ было завчасу ростати,
Во счестью, во здравью, добрый день отдати;

Бо якъ намъ приде часъ умерати,
А на кого мае паленка зостати?
А такъ, братія, все выпійме годнѣ,
Выпійме ѣщѣ хоть по єднѣмъ;
Бо якъ помреме, то не будеме
Бо̂льше въ то̂мъ домѣ.

(Обѣ отъ Вас. Сухаго, Дяка Краснобродскаго.)

7.

Жива буде душа моя,
И заграютъ еѣ,
Живы будутъ ноги мои,
Потанцуютъ собѣ.

Спо̂дсподу, помилуй! 3.

* *
*

Ой блудила душа моя
По чужой сторонѣ,
Заблудила душа моя
До чужой жены.

Спо̂дсподу, помилуй! 3.

* *
*

«Прійми мене, моя мила,
До ложа своего,
И во вѣки не забуду
Живота твоего.

Спо̂дсподу, помилуй! 3.

(Поютъ Дѣячки при пирушкахъ.)

ПѢСНИ ВЕСЕЛЬЯ И ОХОЧЯ.

г) Бражническія или пьяницкія и корчемныя.

1.

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ кумѣ выорати брався.
Якъ оравъ, такъ оравъ,
Єще кумѣ пріоравъ,
Съ куминои нивцѣ,
Кумѣ чорнобрóвцѣ.

* * *

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ кумѣ заволичити брався.
Якъ волочивъ, такъ волочивъ,
Єще кумѣ заволочивъ,
На куминóй нивцѣ,
Кумѣ чорнобрóвцѣ.

* * *

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ кумѣ засѣяти брався.
Якъ сѣявъ, такъ сѣявъ,
Ажь кумѣ засѣявъ,
На куминой нивцѣ,
Кумѣ чорнобрóвцѣ.

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався.
Кумъ кумѣ и выжати брався.
Якъ жавъ, такъ жавъ,
Поки кумѣ не выжавъ,
На куминой нивцѣ,
Кумѣ чорнобровцѣ. *

* * *

Кумъ, кума! кумъ, кума!
Кумъ съ кумою въ корчмѣ напивався,
Кумъ съ кумою попоѣсти брався,
Якъ ѣвъ, такъ ѣвъ,
Поки кумъ ся не наѣвъ,
Съ куминои мыски,
Въ кумы чорнобровки.

(Изъ Жолковскаго У Бздз.)

2.

Пропивъ мужъ когута, когута,
Жѣнка квочку, курчата, курчата:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»
Пропивъ мужъ качора, качора,
Жѣнка качку, качата, качата:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣкъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ гусака, гусака,
Жѣнка гуску, гусята, гусята:

---

* И такъ далѣе: позвозити, вымолотити и смолотити, наконецъ:

«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ барана, барана,
Жёнка вовцю и ягня, и ягня:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ и вола, и вола,
Жёнка коровъ и теля, и теля:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ и коня, и коня,
Жёнка кобылу и лошя, и лошя:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ обору, обору,
Жёнка гумно, стодолу, стодолу:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ нецѣта, нецѣта,
Жёнка свиню, пацята, пацята:

«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ стóжокъ, стóжокъ,
Жёнка ступу и млынокъ, и млынокъ:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ скриницю, скриницю,
Жёнка лавку, полицю, полицю:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ и коши и мѣшки,
Жёнка торбы, подушки, подушки:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ долото, долото,
Жёнка сито, решето, решето:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Та пропивъ мужъ и хату, и хату,
Жёнка одёжу, лопату, лопату:

«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

Пропивъ мужъ грунточокъ, грунточокъ,
Жёнка дѣжки, пóвбочокъ, пóвбочокъ:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ до домъ, та порадьмося,
То може ще що пропьемъ!»

* * *

А теперь вже битися, битися,
Ни за що напитися, напитися:
«Ахъ, мужу, та не вадьмося,
Та ходѣмъ же мы, та порадьмося,
Коли нема за що пити,
То ходѣмъ хлѣба просити!»

3.

Пóдъ зелененькимъ дубкомъ
Пьютъ горѣлоньку кубкомъ,
Тамъ я ся забавила,
Сукману 'мь заставила.

* * *

Прійду я до домоньку,
Бýде бити мужонько:
«Не бій мя, мужу, въ ночи!
Не выбивай чорны очи!

* * *

Буде завтра бѣла днина,
Будешь бити, сли 'мь провинила;
А може си помѣркуешь,
Та менѣ подаруешь.»

4.

Кобы пити, кобы пити,
Кобы ся не впити;
Кобы знати, що сказати,
Та й поговорити.

* *
*

А учера изъ вечера,
Где туча не била,
Тамъ родина съ родиною
Горѣлоньку пила.

* *
*

Ой родина съ родиною,
И братъ изъ сестрою:
Лѣпше бъ було, краще бъ було,
Якъ мужъ изъ женою.

5.

(I, 327: Паул. II, 90.)

Полетѣла зазуленька въ горы зимовати,
Кажутъ люде, що я пьяный, треба ити спати.
Не буду ся потыкати,
И никому заважати;
Не пропивъ чужое,
Але власне свое.

* *
*

Сусѣдоньки, сусѣдоньки, чомъ обмовляете?
Або жъ то вы горѣлоньки вже не пиваете?
Ще горше ся впиваете,
По улицяхъ валяете,
А я хоть напьюся,
То не валяюся!

Розумоньку, розумоньку, то 'сь ми помылився,
Хоть бы я радъ що робити, теперь емъ напився!
Мова ми ся измѣнила,
И голова похилила;
Треба ити спати,
Буде вже гуляти!

* * *

Не жаль менѣ напоити доброго сусѣду,
Абы мене хоть спомянувъ, якъ до гробу пóду;
Зъ милымъ братомъ любивъ емь ся,
Не разъ, не два, напивъ емь ся;
Дай му, Боже, неба,
И памъ того треба!

6.

(Науч. II, 83.)

Бью въ келишокъ, въ кватырочку: брень, брень, брень!
Буду пивъ горѣлку, ажь буде день, день, день.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

* * *

Ой маю я батенька, гроши принесе;
Вже батенько иде, и грошій не несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

* * *

Ой маю я матеньку, гроши принесе;
Вже матенька иде, и грошій не несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

Ой маю я братенька, гроши принесе;
Вже братенько иде, и грошій не несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

* * *

Ой маю я сестроньку, гроши принесе;
Вже сестронька иде, и грошій не несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

* * *

Ой маю я миленьку, гроши принесе;
Вже миленька иде, и мѣхъ грошій несе.
Молодая шинкарочко, дай горѣлки ще!

7.

(Паул. II, 86.)

Гей, пивъ же я въ недѣлю,
Пропивъ же я всю надѣю,
Съ тобою, погуляночко,
Съ тобою, закоханочко:
Ни чого жь ми не жаль!

* * *

Та пивъ же я въ понедѣлокъ,
Пропивъ же я мой присѣвокъ,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

* * *

Та пивъ же я во второкъ,
Пропивъ же я волóвъ сорокъ,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

Та пивъ же я и въ середу,
Пропивъ же я всю череду,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

* * *

Та пивъ же я въ и четверь,
Пропивъ же я все теперь,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

* * *

Та пивъ же я и въ пятницю,
Пропивъ же я и свѣтлицю,
Съ тобою, погуляночко, и проч.

* * *

Та пивъ же я и въ суботу,
Пропивъ же я всю работу!
Съ тобою, погуляночко, и проч.

8.

(Паул. II, 84.)

Поки чули бочуленьку на моёй оборѣ,
Додавали медъ, горѣлку, фляшками до волѣ;
Орендарь, нашъ отецъ, мати,
Каже намъ ся напивати:
«Помогай, Бо̀гъ! Сядь собѣ,
Хочь, горѣвки дамъ тобѣ,
Напійся зъ людьми!»

* * *

Якъ не стало бочуленьки на моёй оборѣ:
«Иди собѣ, пяниченько, зъ корчмы до дому!»

10.

(Вацл. изъ Олеска 7; II, 526.)

Лашка моя нотѣха, погарикъ радостей,
Никого ся ничь не бою, токмо съ высокости;
Арендаръ, мой отецъ, мати,
Не каже ся ничь старати,
Что намъ по журбѣ.

* * *

Карчмарочка добрѣ знае, что мнѣ спотребно,
Повны лашки наливае, хотя и не требно;
Каже пити, не журити,
Головоньки не смутити,
Что день по галбѣ.

* * *

Счастливый е тотъ человѣкъ, хто піе паленку,
Бо онъ прійде и до дому, та побіе женку;
Будь якъ серце жаждивое,
Въ каждой рѣчи зычливое,
А не лай мене!

* * *

Бо уже ми е не мало, же не е паленки,
Най уже коровице ведутъ до Жидôвки:
«Ахъ, мой милый арендарю,
Забери си, что я маю,
А дай паленки!»

Стран.	Строка.		
118	14	напастря	напатря
122	15	годишиця	годиниця
142	24	зачерпати	зачерати
—	25	Брате	Братье
143	1	Брате	Братье
147	6	мураковъ	муравковъ
—	19	сходжу	сходу
—	22	бурю	бору
149	7	квитирочку	кватирочку
—	19	моя	мя
150	11	хлѣба	хиба
154	17	мусить	мучить
157	1	фрусайся	фрасуйся
159	27	Плавала я	Плакала я по
162	14	Волоцѣговъ	Волоцюговъ
163	3	Не	На
—	10	весѣлье	весѣлью
166	11	Ена	Е на
167	3 и 4	Не радовала съ ся матки, Сгубила 'сь вѣнокъ	Не радила 'съ ся матки. Сгубилась вѣнокъ, 2,
169	14	Седѣлю	Недѣлю
170	26	ни	не
178	29	вогорѣла	догорѣла
179	15	якеесь	якесь
191	16	деренъ	теренъ
193	10	чего, чего,	чего
—	25	бѣ	бы
194	31	Вжи мь мое	Вже мое
—	32	отѣе!	отгрѣе!
198	1	ожди, мати, ожди	жди, мати, жди
—	13	щастіе	щастье
201	11	взблыщали	заблыщали
212	27	боднарине	боднариня
214	12	подвóры	подвóрьѣ
221	9	моледенькін	молоденькій
223		кажеть	кажѣть
—	25	песь	иесъ
225	2	есть ьукурузы,	Ѣсть кукурузья,
237	8	набала!»	набила!»
241	6	Посла	Пасла
245	20	ночь	почь
269	14	ю	не
277	2	довлядала,	доглядала,
287	1	трунку	трунву

Стран.	Строка.		
—	23	Да й	Най и
312	3	На що жь те	На що 'сьте
324	2	Могорочися	Могорочится
331	2	любить и	любити
341	15	дуфую	дуфаю
342	16	кружъ	круть
348	17	стрѣшѣ	стрѣсѣ
361	16	ся	я
362	12	смучни.	смучи.
367	14	миленькимъ,	тихенькимъ,
371	20	Спомянути	Спомяну тя
375	1	Хиба ы	Хиба бы
381	22	лисиця,	ласиця,
382	22	мужъ	слюбъ
383	20	Плавати	Плакати
—	24	непогода.	недогода.
386	7	года,	годы,
406	7	ште	што
410	7	А	Я
—	17	бочкуры,	бочкоры,
425	14	алатый	златый
439	9	роскошу	роскоши
446	9	Поважь,	Покажь,
448	5	потогай	помагай
450	1	Волюся наѣсти	Волѣю я наѣстися
—	5	Волюся напити	Волѣю я напитися
—	9	Волю ся выспати	Волѣю я выспатися
—	22	волёмъ,	волёвъ,
451	21	Яку жь му, мати,	Яку жь ему, моя мати,
452	6	кирницѝ	кирниць
—	9	Ой якъ	Ой та якъ
445	25	те	тя
460	14	Квасеньку,	Ивасеньку,
475	1	шукала.»	блудила.»
477	8	все	се
478	3	твои	мои
478	14	мене	менѣ
503	17	Ой	О
523	17	коровице	коровицу.

ING CO.
53 005 A IV 6044
IARK

Stanford University Libraries
3 6105 014 728 963

PG3928
G3H6
f
V.3
pt.1
HOLOVATS'I

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305